

БРАЙАН
СТЕЙВЛИ

ПОСЛЕДНИЕ
УЗЫ СМЕРТИ

ХРОНИКИ НЕТЕСАНОГО ТРОНА. КНИГА 3

Звезды новой фэнтэзи

Брайан Стейвли

Последние узы смерти

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Стейвли Б.

Последние узы смерти / Б. Стейвли — «Азбука-Аттикус»,
2016 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-22241-0

Двое братьев и сестра, потомки правящей династии, разобщены и растеряны, в то время как будущее Аннурской империи находится на острие клинка: к столице приближаются орды диких кочевников. Адер, провозгласившая себя императором, не сможет долго сдерживать их наступление без помощи гениального, нечеловечески жестокого полководца — кенаранга Рана ил Торньи. Но что, если он снова предаст Адер? Сумеет ли она противопоставить свою волю и разум его чудовищному интеллекту?.. Ее брат Каден, который должен был унаследовать Нетесанный трон после смерти своего отца от руки убийцы, отрекся от престола в пользу республики. Кадену известно, какая угроза исходит от кенаранга. Но ни один из советников принца не хочет поступиться своими амбициями ради общего дела... Валин, брат Кадена и Адер, воин элитного подразделения, считается погибшим в схватке, хотя о том, что случилось на самом деле, знают только сестра и еще один свидетель. Она желает одного: чтобы эта правда никогда не выплыла наружу... Принадлежать к династии правителей означает принять на себя весь груз истории. Тому, кто желает властвовать, придется сделать неоднозначный выбор: умереть ради империи или разрушить ее, чтобы спасти. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-22241-0

© Стейвли Б., 2016
© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

Пролог	7
1	10
2	12
3	20
4	28
5	32
6	42
7	51
8	58
9	62
10	69
11	78
12	87
13	97
14	103
15	108
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Брайан Стейвли

Последние узлы смерти

Хроники Нетесаного трона. Книга 3

Brian Staveley

THE LAST MORTAL BOND

Copyright © 2016 by Brian Staveley

Map by Isaac Stewart

© Г. В. Соловьева, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Моим друзьям, которые не так быстры, как кеттрал, не так смиренны, как хин, не так рассудительны, как кшеитрим, но при этом вдохновили меня на все это

Пролог

Собаки настигали.

Акта закрыла глаза, расплела стягивающийся узел звуков на отдельные пряди собачьих голосов: три десятка псов в четверти мили от нее. Она мысленно проверила все изгибы и препятствия на пути – более полусотни, – по давней памяти сравнивая изгибы местности и представление о том, как распространяется на ней звук.

– Заглотили наживку, – сказала она. – Четыре группы.

Она указала в ту сторону, откуда они пришли: за расколотые валуны, за плотные и высокие ельники, за обомшелые стволы рухнувших могучих сосен.

– Там и там. И там, и там.

Сос не обернулся. Он не отрывал взгляда от просвета между деревьями, от надвое расщепленной небо блестящей башни. Если Акта правильно расставила силки, охранять подножие осталось менее сорока смертных, а за спинами смертных внутри немыслимого сооружения укрывались их запертые в людских шкурах боги.

В ветвях над ними четырежды прострекотала сойка – и смолкла.

Акта натянула лук, приготовила последние стрелы. Знай она заранее, что произойдет, знай она, что людские боги сойдутся в одном месте в одно время, наладила бы ловушку понадежнее. Но откуда ей было знать? Они с Сосом – выйдя совсем по другому делу – случайно наткнулись на охрану. Не было времени возвратиться и известить жалкие остатки кшештрим. Не было времени даже заготовить побольше стрел.

– Ты атакуй, а я прикрою, – сказала она. – Но у них тоже луки.

– Я пройду между стрелами, – кивнул Сос.

Звучало это неправдоподобно, но Акта такое уже видела. Она лучше его брала след, лучше командовала войсками, лучше двигала фигуры на доске, но в лабиринте битвы никто не мог сравниться с Сосом. Он в одиночку перебил целый людской гарнизон в Пальян-Кваре. В темном лесу затянувшейся на целую зиму битвы у Первой Сосны он держал весь западный фланг кшештрим – скользил между стволами и тенями, день за днем, неделю за неделей прожывая силы людей, пока изнуренный враг не обратился в бегство. Сос вел сражение, как картограф следует собственной идеальной карте в мире слепых, растерянных, заблудших.

Два его меча выскользнули из ножен – Акта проследила лунные дуги их взмахов.

Сос, единственный из кшештрим, дал оружию имена. Один меч он назвал Ясностью, другой – Сомнением. Когда-то, тысячи лет назад, она видела, как он с этими самыми клинками выстоял против трех неббарим.

– Как ты их различаешь? – спросила она (мечи казались одинаковыми).

– Один тяжелее, другой острее.

В двух шагах от нее на резной лист папоротника опустилась бабочка, сложила иссиня-черные крылышки. Тысячу лет назад Акта уделила столетие изучению бабочек. Такой в ее каталоге не было.

– Который где? – спросила она, вновь повернувшись к воину.

– Я не решил.

– Странно: ты допускаешь существование имен без связи с миром?

Сос пожал плечами:

– Такова речь.

Акта уделила часть сознания размышлению над его словами. Будь у них больше времени, она бы поспорила с Сосом, но время кончилось. Сквозь собачий лай она слышала людей с оружием. Акта снова повернулась к башне.

– Если мы сегодня убьем их богов, то победим. Так считает Тан-из. Вместе с ними мы вырежем из мира гниль, испортившую наших детей.

Сос кивнул.

Бабочка сорвалась в полет.

– Что ты станешь делать, если война закончится? – спросила она.

Мечник никогда не занимал долгие годы жизни описанием бабочек.

– Готовиться.

– К чему?

– К новой войне.

Акта склонила голову к плечу, удивляясь, как он упустил из виду такой простой факт:

– Если мы сегодня победим, людей не останется.

Сос оглядел древние клинки, как оглядывают чужую вещь, изделие неведомого назначения – может быть, орудие земледельца или ремесленника.

– Война будет всегда.

Он мгновенно прорезал ошеломленный кордон людей, ступая из безопасности в безопасность, словно заранее изучил план битвы, словно неделю обдумывал свой курс сквозь кровавую схватку. Акта следовала за ним: перерезала горло женщине, подсекла колени бородачому мужчине – и вот они внутри.

Конечно, кшештрим изучили башню. Долгие годы до войны она стояла полой: несокрушимая сияющая скорлупа из неведомого историкам прошлого. Теперь она не пустовала. Люди застроили внутреннее пространство прочными деревянными лесами, врубая в лапу могучие сосновые бревна, а в их клетки провели уходящую выше и выше к свету грубую винтовую лестницу.

За спиной Акты в дверь хлынули солдаты – завывали, орали. Сос убивал их выверенными движениями работающего над шедевром мастера. Акта стала подниматься. Где-то наверху в ослепительном сиянии скрывались боги: Хекет и Кавераа, Эйра и Маат, Орелла и Орилон, чьи прикосновения загрязнили ее народ, чья порча обратила кшештрим в животных наподобие тех уродливых созданий, что теснились сейчас внизу, бились в оборону Соса, напывались мягкими шеями на его клинки.

Акта ползла вверх, словно увязшее в солнечном янтаре насекомое, – казалось, ее непрерывное движение было равно неподвижности. Она не представляла, зачем собрались здесь боги, не знала, зачем люди так долго трудились над постройкой лесов и винтовой лестницы. Ее горячее сердце разгоняло кровь по жилам, а разум взвешивал вероятности. Рассудок пасовал перед преградой. Отказывали и логика, и дедукция. Знание только и может расти из корней факта, и потому она продолжала подъем.

Достигнув вершины, Акта шагнула из света в свет. Сос отставал от нее на шаг. Тучи затянули небо гладкой синей бронзой. На широкой верхней площадке боги – все шестеро: могучий, как бык, исполосованный шрамами Хекет; тонкий, как змеиное шипение, Маат; Орелла с Орилоном, одна белее кости, другой темнее бури; Кавераа с длинными ногтями; пышноволодая, хрупкая, как девочка, Эйра – лежали неподвижно, закрыв глаза.

Ветер порезался о нагие лезвия Соса.

Акта не шевельнулась.

Наконец мечник вложил один из клинков в ножны и, встав на колени, коснулся пальцем горла Хекета, а затем и других.

– Мертвы, – заключил он, вставая над трупами.

Мертвы... Акта поворочила в сознании эту мысль, испытывая ее, как весенний лед. Десятилетиями эти боги, избрав для себя человеческие оболочки, ходили по миру. Тан-из

сумел захватить и убить двоих, но остальные выжили и не давались в руки. Благодаря этому выжили и смертные.

– Нет, – сказала Акста.

Сос вопросительно выгнул бровь.

– Это человеческие тела, – пояснила Акста, – жившие в них боги ушли.

Воин убрал в ножны и второй меч.

– Куда? – спросил он.

– Туда, откуда появились. – Она всмотрелась в безжизненные хрупкие тела. – Странно.

Ведь они почти победили.

– Нет, они не почти победили, – покачал головой Сос.

Акста повернулась к нему:

– Они захватили все главные крепости, держат все дороги. Нас осталось несколько сотен.

Кто-то из людей научился даже использовать кента.

– Они не почти победили, – сказал Сос. – Они уже победили. Вот почему ушли их боги.

Они победили.

Акста искала доводы против и не находила.

Уродливые тела у ее ног, носившие этих уродливых богов, просто мясные туши, уже подгнивали на ярком солнце.

1

Человек ростом с гору по пояс в воде пересекал Мировой океан. На солнце блестели начищенные клинки – каждый мог одним ударом сровнять с землей город. Сапоги крошили в щебень хрупкую линию побережья с рыбацкими поселениями, проминали кратеры в мякоти зеленых полей Сиа и Креша.

«Вот и конец света», – подумалось созерцавшему катастрофу с высоты Кадену.

Что ни говори, город – всего лишь камни, лес – пропитанная соком древесина. А что такое речные русла, как не порезы на земле? Приложи достаточное усилие – мир исказится. Хребты и долины ничего не значат. Приложи достаточное усилие, и ты расколешь утесы, снесешь горы, сорвешь и рассыплешь по волнам каменные основания материков. Нанеси побольше воды – будет потоп. Потоки изменят линии берегов и те жалкие границы, которыми люди обозначают свои царства, свои крошечные империи; наводнения разом уничтожат целый свет.

«Нет, – тут же поправил себя Каден. – Это не целый свет. Просто карта».

Огромная карта, что правда, то правда – размером с небольшой воинский плац, – самая дорогая карта на свете, заказанная тщеславной Аннурской Республикой для палаты совета, но всего лишь карта. Легионы ремесленников круглосуточно трудились над ней долгие месяцы: каменщики обтесывали горы и прибрежные скалы, садовники высаживали бесчисленное множество трав и искусно искривленных крошечных деревьев, инженеры-гидравлики направляли по руслам реки, ювелиры гранили сапфиры для горных озер, стекло и алмазы для ледников.

Карта раскинулась на всю длину зала: около двухсот футов от края до края. Гранит для Костистых гор доставили из Костистых гор, красный камень для Анказа – из Анказа. Скрытые под поверхностью насосы наполняли великие реки Вашша и Эридрои – Ширван, Вену, Агавани и Черную – и еще десятки потоков, которых Каден не знал поименно, направляя их между высокими берегами, разгоняя по старицам, заполняя миниатюрные пропасти, заливая луга из мягких зеленых мхов и сливая наконец в маленькие моря и Мировой океан, воды которых хитроумное устройство заставляло вздыматься и отступать в такт движению луны.

Проходя по проложенным сверху мосткам, можно было разглядывать изумительные копии больших городов: Олона и Сиа, Домбанга и Изгиба. Сам Аннур растянулся на длину руки Кадена. Он различал искрящиеся грани храма Интарры, широкую дорогу Богов с фигурками изваяний, совсем крошечные каналы лодки в водах Пруда, крутые красные стены Рассветного дворца и копьём взметнувшуюся выше мостков, так что вершины можно было коснуться не нагибаясь, башню Интарры.

Карта напоминала людей, день ото дня сходящихся над ней: такая же роскошная и такая же мелкая. До сего дня она служила лишь одной цели – позволяла восседающим над ней почувствовать себя богами. Для того они и хранили ее, словно мир грез, не позволяя замарать знаками своих поражений.

На северных границах не ярились пожары. На юге не горели города. Никто не топтал копытами травы Гана и не блокировал изнемогающий порт Кеон-Канг. Крошечные фигурки, изображавшие легионы изменницы Адер и более многочисленную республиканскую гвардию, подчиненную совету, стояли, воздев мечи в позах вызова или торжества. Они, эти поддельные человечки, всегда держались на ногах. Они не истекали кровью. Бедствия войны не касались карты. Видно, не нашлось в Аннуре ремесленников, чтобы изобразить голод, опустошение и гибель.

«Не нужны нам ремесленники, – думал Каден. – Нам нужны солдаты в тяжелых сапогах в напоминание о том, что мы натворили, как втоптали в грязь наш маленький мир».

Внезапное вторжение сделало картину вернее и точнее, но солдаты не для того ворвались в зал, чтобы придать правдоподобия изысканнейшей из карт. Каден перевел взгляд с разрушений внизу на группу вооруженных людей, заполонивших мостки. Эдолийцы. Охрана властителей Аннура.

Монашеская выучка не помогла – у Кадена свело живот. Ясно, что-то стряслось. Иначе Маут Амут – первый щит гвардии – не приказал бы своим людям прервать закрытое заседание совета. Это не учения. На каждом солдате была сверкающая броня в половину его веса, и каждый обнажил широкий клинок. Гвардейцы, переключаясь, растекались по залу, оцепляли его, загораживали двери, чтобы никто не ворвался... или не вырвался?

Половина членов совета вскочила на ноги, заполошно спотыкаясь о полы длинных мантий, заливая вином шелковые одеяния, громко вопрошая или испуганно вскрикивая. Другие присосли к креслам, округлив глаза и разинув рты в усилии найти смысл в разворачивающейся перед ними безумной картине. Каден не думал о них, следя за эдолийцами.

За этими воинами в памяти Кадена вставали другие эдолийцы: те, что беспощадно прорубали себе дорогу через Ашк-лан, убивали монахов, а самого Кадена гоняли по горам, как охотничью добычу. После возвращения в Рассветный дворец он несколько месяцев перебирал дела оставшихся гвардейцев, выискивая в их прошлом намек на измену, на связь с Адер или с ил Торней. Всю гвардию отстранили от службы, пока сотни клерков вгрызались в историю тысяч солдат, и наконец совет, уволив более сотни, вернул доверие остальным. Каден напоминал себе об этих предосторожностях, но плечи все равно сводило от напряжения.

«Должно видеть мир, – напомнил он себе, медленно вдыхая и выдыхая воздух, – а не свое представление о мире».

Две дюжины эдолийцев, пробежав по мосткам, окружили стол совета.

Каден, вставая, усилием воли отстранил страх.

– Что происходит?

Голос, вопреки всему, прозвучал твердо.

Вперед выступил Маут Амут. Эдолийцы, яростным штурмом захватив зал, замерли по местам. У берегов на карте плескались волны – крошечные цунами. В высокие окна беззвучно вливались теплые солнечные лучи, играли на доспехах и на клинках. Члены совета разом замолчали, замерли статуями в тех позах, в которых их застали врасплох.

– Вторжение, первый оратор, – угрюмо ответил Амут, шаря глазами по дверям и стенам. – Вторжение во дворец!

Каден обвел глазами зал:

– Когда?

– Точно не знаем, – покачал головой Амут.

– Кто?

Первый щит поморщился:

– Кто-то быстрый. И опасный.

– Насколько опасный?

– Настолько, чтобы проникнуть во дворец, незамеченным пройти в Копье Интарры, справиться с тремя моими эдолийцами и бесследно скрыться.

2

Ночь – чужая страна.

Так всегда казалось Адер уй-Малкениан – мир после захода солнца становился другим. Тени стесывали острые углы, превращали привычные комнаты в незнакомые. Тьма высасывала краски из самых ярких шелков. Луна серебрила воды и стекло, зажигала холодным светом простую материю дня. В мерцании ламп – вот как эти две, что стояли перед нею на столе, – мир качался и метался вместе с запертыми в них огоньками. Ночь пугающе преображала самые знакомые места, а эти холодные палаты в каменной крепости на краю Эргада она едва ли могла назвать знакомыми. Адер прожила здесь почти год, но даже днем не чувствовала себя желанной гостьей под надежным кровом. Ночь уносила ее еще дальше в чужой, суровый варварский мир.

И голоса ночи требовали перевода. Утром шаги по коридору звучали обыденно: слуги и работники шли по своим делам. Крик в полдень – просто крик; крик в ночи мог возвещать об опасности, о катастрофе. Днем крепостной двор под окнами кишел людьми, а после закрытия ворот обычно затихал, потому, услышав стук подков по мостовой, подхваченную ветром отрывистую команду, Адер резко отставила письменный прибор, чтобы не залить листы чернилами, и с бьющимся сердцем шагнула к закрытому окну.

Гонец в полночь – совсем не то, что гонец в полдень.

Она задушила в себе страх, открывая ставни и подставляя холодному воздуху севера вспотевший лоб. Всадник в такой час мог означать все, что угодно: ургулы переправляются через Черную, ургулы уже перешли реку, дикари Длинного Кулака жгут приграничные селения или его безумный лич Балендин превращает ужас народа Адер в новый мерзкий кеннинг. Всадник мог возвещать о ее поражении. Мог нести весть, что все пропало.

Она окинула задумчивым взглядом реку – Хааг, прорезающий на пути к югу высокие городские стены. Она различала каменные арки единственного моста, но часовых в темноте не видела. Глубоко вдохнув, она расслабила опиравшиеся на подоконник руки. И поняла, что почти готова была увидеть ургулов, штурмующих мост в четверти мили от нее, увидеть осадное войско.

«Потому что дура», – угрюмо сказала она себе.

Если бы Балендин с угулами взломали оборону Рана ил Торньи, стук копыт по мостовой был бы не единственным звуком. Адер перевела взгляд на двор под окном.

Эргад был стар – стар, как сам Аннур, а избранный ею замок служил резиденцией королей южного Ромсаля задолго до возвышения империи. И замок, и городские стены выглядели на все свои годы. Строители хорошо знали свое дело, но Эргад более века не приходилось обороняться, и сейчас Адер видела прогалы в рядах бастионных мерлонов, трещины от разъедавшего строительный раствор льда, пустоты на месте сорвавшихся в реку плит. Она приказала восстановить стены, но каменщиков не доставало, и они были нужнее ил Торнье на востоке, где кенаранг месяц за месяцем сдерживал напор ургулов.

Луна бросила на камни дворца зубчатую тень южной стены. В тени спешивался гонец – Адер различала его силуэт и силуэт лошади, но не видела ни лица, ни мундира. Она попыталась угадать что-то по его осанке, по развороту плеч понять, что сулит доставленное им сообщение.

Ночную тишину разбил тихий плач – младенец захныкал в задней комнате. Адер, поморщившись, повернулась к двери, за которой ворочался в колыбельке Санлитун уй-Малкениан – второй из носивших это имя. Его разбудил цокот подков или проникший в комнату холод. Адер торопливо подошла в надежде, что сын не совсем проснулся, что его угомонят ласка и несколько слов, что он снова задремлет, позволив ей спокойно встретить гонца.

– Ш-ш-ш, – зашептала она. – Все хорошо, малыш. Ш-ш-ш.

Иногда унять его удавалось легко. В хорошие ночи, нашептывая ребенку бессмысленные слова утешения, Адер воображала, что за нее говорит другая: старше, уравновешеннее, увереннее – другая мать, ничего не понимающая в политике и финансах, едва умеющая считать, зато сердцем чувшая, как вылечить разболевшийся животик. Но много чаще она сознавала себя растерянной и неумелой, разрывалась между любовью к крошечному дитяти и ужасом от своего бессилия. Она прижимала его к себе, без конца шептала на ухо, и он, всхлипнув, затихал на время. Но стоило ей решить, что буря миновала, стоило заглянуть ему в лицо, как его грудь снова наполнялась воздухом, маленький рот раскрывался в крике и слезы опять лились ручьем.

У сына были ее глаза. Заглядывая в них, когда ребенок плакал, она будто смотрела в горное озеро и видела светящиеся под водой золотистые угли. Адер не знала, так ли выглядят ее глаза, когда она плачет. Она давно не плакала.

– Ш-ш-ш, мой маленький, – шептала она, тихонько поглаживая пальцами его щеку. – Все хорошо.

Санлитун наморщил личико, забился в пеленках, снова заорал и вскоре утих.

– Все хорошо, – повторила Адер.

И только вернувшись к окну, разглядев освещенного луной всадника, поняла, что ошиблась. Ничего хорошего. Может быть, сын раньше ее узнал этого человека. Может быть, его разбудил не ночной холодок; может быть, душа младенца узнала отца – кшештрим, кенаранга, полководца ее усыхающей империи, убийцу ее отца; может быть, смертельного врага и наверняка – единственного ее союзника. Ран ил Торнья шагал через двор, оставив запаленную лошадь конюху. Он поднял голову, встретил ее взгляд и небрежно, едва ли не пренебрежительно вскинул руку в воинском приветствии.

Его неожиданное появление встревожило бы ее и днем, а сейчас был не день. Миновала полночь. Адер закрыла ставни, постаралась унять внезапную дрожь, выпрямила спину и повернулась лицом к двери, спеша до его появления совладать с лицом.

– Ты бы приказала выпороть стражников у ворот, – заговорил ил Торнья, едва закрыв за собой дверь. – Или казнить. Они убедились, что я – это я, а мою охрану пропустили не глядя.

Он рухнул на деревянный стул, каблук о каблук стянул с себя сапоги и откинулся, задрал ноги на стол. Ночная скачка, едва не сгубившая коня, кенаранга как будто ничуть не утомила. На сапогах засохло несколько пятнышек грязи, ветер растрепал темные волосы, но зеленый дорожный плащ и щеголеватый мундир остались безупречно чистыми. Блестела перевязь меча. Ярко, как ложь, перемигивались вделанные в рукоять оружия самоцветы. Адер встретила его взгляд.

– У нас солдат как грязи, потому мы можем выбивать их за мелкие провинности?

Ил Торнья вздернул бровь:

– Я не назвал бы мелкой провинностью небрежность в охране императорской резиденции. – Он покачал головой. – Тебе бы моих солдат вместо Сынов Пламени.

– Твои нужнее в войне с ургулами, – напомнила Адер. – Если только ты не решился вести войну в одиночку. Сыны – умелые стражи. Твоих людей пропустили, потому что узнали тебя. Тебе они доверяют.

– Мне и Санлитун доверял, – напомнил кенаранг. – Я воткнул ему нож в спину.

У Адер перехватило дыхание, словно крюк впился в горло. Щеки запылали.

«Это он об отце, – сказала она себе. – Он говорит о моем отце, не о сыне».

Пусть ил Торнья убил императора, но причин губить младенца, собственного сына, у него не было. И все же она осязаемо, как сжавшую тело руку, ощутила порыв оглянуться на дверь, за которой мирно спал ребенок. Она сдержалась.

– Когда ты заколол моего отца, тебя не держали на коротком поводке, – проговорила она, глядя ему в глаза.

Он улыбнулся и поднял руку к ключице, как бы пробуя на разрыв огненный ошейник, которым Нира обвила его шею. Адер было бы много спокойнее, если бы кеннинг, поцелуй его Кент, был виден глазу, но тогда его замечали бы и остальные, а у Адер и без того хватало сложностей, чтобы еще открыто признавать, что она выбрала мизран-советницей лича, а кенарангом – коварного убийцу и, сверх того, кшештрим. Будет с нее и слова Ниры, заверявшей, что кеннинг держится.

– Такой легкий воротничок, – сказал ил Торнья, – все время о нем забываю.

– Ты ничего не забываешь. Что тебя сюда привело?

– Помимо желания увидеть мою императрицу, моего сына и мать моего сына?

– Да. Помимо этого.

– Раньше, помнится, ты была сентиментальнее.

– Когда сентиментами можно будет накормить войска, я к ним вернусь. Зачем ты явился?

За спиной беспокойно шевельнулся Санлитун, захныкал, потревоженный громкими голосами. Ил Торнья взглянул Адер через плечо. В его взгляде на ребенка было что-то близкое к любопытству или усмешке.

– Он здоров?

Адер кивнула:

– Две недели назад кашлял – горные ветры, Шаэль их побери, – но все уже прошло.

– И ты все держишь его при себе, даже за работой?

Она опять кивнула. Приготовилась защищаться. Снова. Девять месяцев, как она прибыла в Эргад – изгнанница в собственной империи. Шесть месяцев, как родился Санлитун. Всего шесть месяцев, а уже кажется: она не спала год, целую жизнь. Санлитун, хоть и был назван по деду, не отличался его спокойствием и молчаливостью. Он вечно был голодным или мокрым, вечно его тошнило или он капризничал, цеплялся за нее, когда не спал, и лягался во сне.

– Кормилица... – заговорил ил Торнья.

– Обойдусь без кормилицы.

– Кому на пользу, что ты втаптываешь себя в грязь? – медленно проговорил он. – Ни тебе, ни ребенку, и уж наверняка не нашей империи.

– Моей империи.

– Твоей империи, – кивнул он с колючей усмешкой.

– Сколько женщин сами поднимают детей? Шестерых. Десятерых. Думаю, с одним мальчишкой я справлюсь.

– Пастушки растят по шесть детей. Рыбачки. Женщины, у которых только и забот, чтоб очаг горел и овцы были сыты. Ты – император Аннура, Адер. Ты пророчица. Мы ведем войну на два фронта и проигрываем. Рыбацкие жены могут себе позволить сами растить детей. Ты – нет.

Ил Торнья что-то проделал со своим голосом, сменил тембр или тон (она бы сказала, смягчил, если бы речь шла о другом мужчине) и добавил:

– Он и мой ребенок.

– Не напоминай мне о своих детях, – прорычала Адер, откидываясь в кресле, чтобы оказаться как можно дальше от него. – Я слишком хорошо помню, как вы их растили в былые времена.

Если бы она наделась пробить его броню, сорвать маску, ей пришлось бы разочароваться. Ил Торнья сложил лицо в виноватую улыбку и снова покачал головой:

– То было давно, Адер. Много тысяч лет назад. То была ошибка, и я долго трудился над ее исправлением. – Он протянул руку в сторону Санлитуна отеческим и безличным жестом. – Оттого что ты с ним так носишься, он не вырастет ни сильнее, ни мудрее. Если ты забросишь другие дела, он, может статься, вовсе не вырастет.

– Я не забрасываю другие дела! Разве ты застал меня спящей? Бормочущей глупые сказочки? Я каждое утро до рассвета сажусь за стол и, как видишь, все еще здесь. – Адер указала ему на бумаги. – Я поставлю печать на эти договоры, и наши люди еще на три месяца забудут о голоде. А после меня ждет кипа прошений из Раалте. Я в этой комнате живу, а если не здесь, то работаю над стратегией в южных областях с Лехавом, объезжаю войска или составляю письма.

– Наше счастье, что ты унаследовала ум отца, – гладко вставил ил Торнья. – Даже недосыпая, не отнимая от груди ребенка, ты мыслишь лучше большинства виденных мною аннурских императоров.

Адер пропустила комплимент мимо ушей. Похвала, как обычно, звучала искренне, и, как обычно, была фальшива, выверена до грана. Он ее отмерял, отвечивал и выдавал по мере надобности там, где считал полезными. Суть этих слов была в том, что она свое дело знает.

– Тогда что тебе надо? Я буду растить Санлитуна и...

– Нам мало того, что ты превосходишь большинство своих предков, Адер, – перебил ее кенаранг.

Он держал паузу, остановив на ней свой «генеральский» взгляд. Не настоящий, слава Интарре, – не тот непостижимый черный взгляд поглощенного размышлениями кшештрим, который она видела лишь однажды, при битве в Андт-Киле, – а другой, который он наверняка отработывал не одно поколение: жесткий, но человеческий.

– Нам нужно, чтобы ты превзошла всех. А для этого ты должна отдыхать. Отрываться от ребенка хотя бы иногда.

– Я сделаю все, что нужно, – пробормотала она, чувствуя, как распускается в груди болезненный цветок сомнения.

По правде сказать, последние шесть месяцев стали самыми мучительными за всю ее жизнь. Днем ей приходилось решать сложнейшие задачи, а ночи были нескончаемой пыткой: Санлитун вопил, она выпутывалась из одеяла, уносила ребенка к себе в постель, уговаривала, молясь Интарре и Бедисе, чтобы он еще хоть немножко поспал. Обычно он, взяв грудь, сосал жадно, но недолго, а потом отталкивал ее и снова разражался криком.

Конечно, у нее были служанки: с десятков сидели под дверью в готовности прилететь по первому зову с охапками пеленок и простынок. Такую помощь она принимала, но отослать от себя сына, допустить, чтобы он брал грудь чужой женщины... это было бы слишком для него. И для нее. Даже плача от изнеможения, даже с мутящим голову ядом бессонницы в крови она смотрела на младенца, на прижатую к ее набухшей груди пухлую щечку и сознавала, как сознают великую истину, что никогда его не отдаст.

Она видела, как умирает мать – выкашливает в мягчайшие шелка изодранные в клочья легкие. Сама Адер убила одного брата, а с другим сошлась в отчаянной, беспощадной войне. Из всех родных у нее осталось только это дитя. Она оглянулась на колыбельку, проследила, как дышит маленькая грудь, и повернулась к ил Торнье.

– Зачем ты здесь? – в третий раз спросила она срывающимся от усталости голосом. – Ты же не для того оставил фронт, чтобы обсудить тонкости материнства?

Ил Торнья покивал, сцепил пальцы, изучил их взглядом и снова кивнул.

– Появился шанс, – наконец сказал он.

– Если у меня нет времени на сына, – развела руками Адер, – то его тем более нет на разгадывание твоих поганых загадок.

– Республика предлагает соглашение.

Адер опешила.

– Мои люди перехватили гонца – он ждет внизу. Я хотел прежде сам с тобой переговорить.

«Не спеши, – приказала себе Адер. – Не спеши».

Она взглядела в лицо ил Торнья, но ничего не сумела на нем прочесть.

– Гонца к кому?

– К тебе.

– А твои люди его перехватили. Это не назовешь образцом сотрудничества.

– Перехватили... столкнулись, сопроводили, – отмахнулся ил Торнья. – Его нашли...

– И доставили к тебе, – договорила Адер, старательно сдерживая гнев, – а не ко мне. И что вообще твои люди делали на юге? Сыны держат фронт.

– Тот, кто неотрывно смотрит в одну сторону, недолго проживет, Адер. Я не сомневаюсь в преданности Сынов своей богине и ее пророчице... – он слегка поклонился, – но давно научился не доверять войскам, которыми командую не я. Мои люди нашли гонца, доставили его ко мне, а я, узнав содержание послания, немедленно приехал к тебе. Нельзя во всем видеть заговор, Адер.

Ил Торнья покачал головой.

– Прости, но это звучит фальшиво. – Она откинулась на стуле, пригладила волосы, давая себе время сосредоточиться на главном. – Хорошо. Гонец. От республики.

– И они предлагают переговоры. Мирное соглашение. Судя по всему, начинают понимать, что их «народное правительство» провалилось.

– Какая пронизательность! И им понадобилось всего девять месяцев, потеря двух атрепий, гибель десяти тысяч людей и голод по всей стране.

– Они хотят вернуть тебя. Хотят снова посадить на Нетесанный трон императора. Залечить раскол.

Адер прищурилась, стараясь выровнять дыхание и рассуждать хладнокровно. Звучало соблазнительно – о, как соблазнительно. И столь же невероятно.

– Невозможно, – покачала она головой. – Сорок пять самых богатых и злобных аннурских магнатов не способны уступить обретенной власти. Даже загорись вокруг них город, даже загорись сам дворец, они не свернут с пути. Слишком меня ненавидят.

– Ну... – протянул ил Торнья, пожимая плечами, будто извинялся за свои слова. – Они и не намерены отказываться от власти. Строго говоря, они хотят посадить тебя на трон, но по-прежнему принимать законы и определять политику. А ты чтоб послушно лаяла по их команде... Как-то так.

Адер ударила ладонью по столу – сильнее, чем намеревалась. Санлитун пискнул в колыбели, и она замерла, восстанавливая сорвавшееся дыхание.

– Их сраная политика, – прошипела она, – губит Аннур, выворачивает империю наизнанку. Их политика убивает. И они хотят, чтобы я одобряла такое дерьмо?

– Насколько я понял, они ждут от тебя не просто одобрения. Они хотят, чтобы ты улыбалась народу с этой навозной кучи.

– Не дождутся, – отрезала Адер.

Кенаранг поднял бровь:

– Было время – и с тех пор прошло не так уж много месяцев, – когда ты допускала переговоры с советом... и сама слала к ним гонцов.

– Которых они пленили. Я даже не знаю, живы ли эти добрые люди. Я тогда тоже думала, что раскол можно залечить. Больше не думаю. Поздно.

Ил Торнья поморщился, словно попробовал на вкус подпорченную пищу:

– С уст императора не должно срываться слово «поздно».

– А я думала, император должен смотреть правде в лицо, а не бежать от нее.

– Разумеется! Гляди в лицо жестокой правде – наедине с собой. Но не вселяй страх в сердца тех, кто за тобой идет.

– В твое сердце я не вселю страх, даже пропихивая лопатой.

– Не обо мне речь.

– Кроме тебя, здесь никого нет.

– Привыкай держать лицо, Адер, – сказал кенаранг. – Всегда.

Она открыла рот, чтобы возразить, но он уже поднял руку:

– Я не ссориться пришел. Я здесь потому, что это наш шанс.

– Шанс на что? Отдать все, чего я добилась за эти девять месяцев? Позволить этим тупицам сгубить все, что осталось от Аннура?

– Аннур я и пытаюсь спасти, – вдруг посерьезнев, проговорил ил Торнья. – Мне нужно, чтобы ты вернулась. Залечила раскол между империей и республикой. Я бы не просил, не будь это необходимо.

Адер свела брови.

– Ты проигрываешь, – поняла она.

Кенаранг кивнул и тут же пожал плечами:

– Даже гений не всемогущ. Мои войска растянуты жиже вчерашнего дыма. Ургулы превосходят нас числом, за них воюет эмоциональный лич, а во главе их бог.

– Ты еще веришь, что Длинный Кулак – это Мешкент? – спросила Адер, в сотый раз пытаюсь уложить в голове эту мысль и в сотый раз не справляясь.

– Более, чем когда-либо.

– Откуда ты знаешь? Объясни.

– Ты не поймешь.

– А ты попробуй, – сдержав обиду, проговорила Адер.

Кенаранг развел руками:

– Его атаки... их рисунок, их ритм. – Он встал и шагнул к карте. – Он наносит удары здесь и здесь строго одновременно. А потом, полдня спустя, здесь, здесь и здесь. Все это время другой отряд несется на запад, чтобы оказаться у Ирфеского брода точно в момент отступления первого.

Адер разглядывала карту, силясь связать указанные ил Торнией позиции. Ход событий был вполне ясен, а вот смысла, если в них был смысл, она не видела. Кшештрим снисходительно махнул рукой.

– Человеческий мозг для такого непригоден.

Она уставилась на горы и реки, на леса, на стрелки, обозначающие войска и позиции, заставляя себя увидеть общее в этих атаках.

– Он действует с умом? – спросила она.

– Не сказал бы, – пожал плечами кенаранг.

Адер едва сдержалась, чтобы не зарычать:

– Тогда что же?

– Он действует... не по-человечески.

– Люди все разные, – покачала головой Адер. – Не существует единой «человеческой» стратегии. Сто генералов примут сто разных решений.

– Нет, не примут. – Ил Торнья широко, светло улыбнулся ей. – Ты иногда забываешь, Адер, что я сражался против тысяч человеческих военачальников. Против двух тысяч двух, если тебе нужно точное число. Вам хочется считать себя уникальными, отличными от всех, кто был до вас, но это не так. Во всех этих сражениях, во всех этих войнах я видел одно и то же, раз за разом: пару уловок, скудный набор тактических шагов, разыгрываемых снова и снова с незначительными изменениями. Я знаю, как атакуют люди. Не так. Длинный Кулак – Мешкент. Можешь мне поверить. Он хочет распространить свой кровавый культ на весь Вашш и всю Эридрою, и, как мне ни претит это признавать, он побеждает.

– По-моему, ты сам сказал, что он не блещет умом.

– Ему этого и не требуется при превосходстве двадцать к одному. Мне не хватает людей, Адер. Мне нужны Сыны Пламени. И нужен прочный южный фронт. Хотя бы до конца этой войны. – Он улыбнулся волчьей улыбкой.

Адер всмотрелась в своего генерала. У кенаранга был голодный вид. Взгляд устремлен на нее, за приоткрытыми губами виднеются зубы. Казалось, он готов и улыбнуться, и зарычать, а может, и укусить. Из многих тщательно возвращенных им человеческих выражений этому верилось легче всего. Под легкомысленной болтовней и блестящими нарядами ил Торньи скрывался хищник, губитель, величайший полководец Аннура – и натянутая на его лицо маска убийцы казалась уместной и правдивой.

«Он никогда не покажет тебе истинного лица», – напомнила себе Адер.

Под одной его маской всегда скрывалась другая. Этот голод дикаря – всего лишь одна из многих личин, искусная актерская игра, которой хочется верить. Адер могла понять жесткую драку за власть. С ней она сладила бы. Но оскал ил Торньи являл не обычного зверя. Под всеми его масками таилось древнее зло, ужасающе нечеловеческое, непостижимое, как межзвездная пустота.

Страх прополз по коже, вздыбил тонкие волоски на предплечьях. С трудом подавив дрожь, она встретила его взгляд.

– А когда война закончится? – спросила Адер.

– Когда победим Мешкента и оттесним ургулов... – Ил Торнья улыбнулся еще шире и запрокинул стул на две ножки, балансируя между падением и падением. – Что ж, тогда и посмотрим... как у вас говорится?.. Насколько жизнеспособна республика.

– Под «посмотрим», – холодно заметила Адер, – ты подразумеваешь: «убьем всех, не желающих моего возвращения».

– Ну, – развел руками кенаранг, – можно убивать понемногу зараз, пока остальные не вспомнят золотой век правления Малкенианов.

– По-моему, это неправильно, – покачала головой Адер. – Великие аннурские властители, возглавлявшие мирную империю, наказывали изменников и вознаграждали верных. Я читала хроники. А ты хочешь, чтобы я закрыла глаза на измену и идиотизм совета, поцелуй его Кент?

Кенаранг улыбнулся:

– Я есть в твоих хрониках, Адер. Две сам написал. Великие аннурские властители потому и великие, что делали то, что следовало. Что бы это ни было. Ты, конечно, можешь построить жизнь по образцу...

Адер махнула рукой. Риск он оценил верно. Нехитрое дело: прибыть в Аннур, представиться совету и позволить ему тут же отправить себя на казнь. От этой мысли у нее вспотели ладони, но задерживаться на ней не стоило. Она бывала на передовой, объезжала деревни после набегов ургулов, видела выпотрошенные тела, насаженные на колья трупы, обугленные останки мужчин, женщин и детей, то распростертых на сооруженном на скорую руку алтаре, то сваленных в неряшливые груды – ужасные следы того, что ургулы называли служением своему богу.

Аннур – все равно, имперский или республиканский, – весь Аннур завис над кровавой пропастью, а она правила империей. Она не для того приняла, вытребовала этот титул, чтобы мозолить зад на жестком троне перед льстивыми придворными. Она считала, что справится с делом – справится достойнее, чем убийца ее отца. Она приняла титул в уверенности, что сумеет сделать лучше жизнь миллионов граждан, защитить их, принести им мир и благополучие.

Пока ей этого не удалось.

И что с того, что Каден натворил еще больше глупостей? Что с того, что ей, первой за века империи, пришлось столкнуться с вторжением варваров? Что с того, что даже ее отец не предвидел захлестнувшего страну хаоса? Она приняла титул, ее дело навести порядок, заделывать расколовшие страну трещины. Может, совет Кадена первым делом прикажет ее четвертовать – а может, и нет. Возвращение даст ей шанс – шанс спасти Аннур, спасти народ Аннура, оттеснить дикарей и в какой-то мере вернуть мир и порядок, – это стоило риска, даже если ее голова украсит собой шест.

– И еще кое-что тебе предстоит узнать в городе... – Кенаранг помолчал. – Твой брат завел друга.

– С нами такое случается, – ответила Адлер. – С людьми. Мы знакомимся, проникаемся друг к другу чувствами и тому подобное.

– Будь его друг человеком, он бы меня не заботил. Третий представитель Аннура в совете, известный под именем Киль, – не человек. Он моего рода.

Адер вылупила глаза:

– Каден держит при себе кшештрим?

Ил Торнья хихикнул:

– Киль не лошадь и не борзая, Адер. Я знаю его тысячу лет и заверяю тебя: если кто из них кого и держит, то Киль – твоего брата; владеет его разумом и отравляет волю.

– И ты молчал?

– Я сам только узнал. Имя третьего делегата оказалось мне незнакомо, и я запросил его портрет и описание. Увы, глупец, которому это было поручено, прислал мне варварски изрисованный пергамент с другим портретом – видимо, одного из делегатов Креша. Я лишь недавно обнаружил ошибку.

Адер пыталась осмыслить это открытие. Ил Торнья был оружием, оружием уничтожения. Она держала его в ошейнике, на поводке и все равно страшилась, не упустила ли чего-то из виду, не окажется ли однажды, что поводок оборван. А узнать, что в мире есть еще один кшештрим, что он в союзе с ее братом, а ей никак не подчинен... У нее свело живот.

– Это Киль написал проект конституции, – догадалась она.

Ил Торнья кивнул:

– Он никогда не жаловал вашу империю. Собственно говоря, он сотни лет готовил ее уничтожение. За всеми значительными переворотами, за всеми заговорами против власти Малкенианов стоял он.

– Кроме, конечно, одного. Кроме убийства моего отца.

– Да, – улыбнулся кенаранг, – кроме этого.

Адер вглядывалась, силясь прочесть что-нибудь в его непроницаемых глазах, рассмотреть в них блеск лжи или мрачный свет истины. Как всегда, увидела она многое. И как всегда, не могла доверять увиденному.

– Ты опасаясь, что Каден знает о тебе, – сказала она.

– Я уверен, что Каден обо мне знает. Киль ему рассказал.

За ее спиной шевельнулся и подал голос Санлитун. На миг перед Адер встало ужасное видение: ургулы валят через мост, светлокожие всадники проламывают стены замка, врываются в ее палаты, хватают ребенка...

Она вскочила, отвернулась, пряча от ил Торнья лицо, и шагнула к колыбели. Взглянула на сына, проследила за его дыханием, бережно подняла на руки. Уверившись, что снова владеет лицом, она повернулась к кенарангу.

– Я еду, – устало сказала она. – Попробую залатать эту дыру. Более того не обещаю.

Ил Торнья улыбнулся, блеснув зубами в ответе лампы:

– Для начала – залатать. Впоследствии мы поищем более... долговременные решения.

3

– Они пришли за вами, – сказал Маут Амут. – Нападавшие искали вас.

Каден остановился на ступенях, оперся на перила, перевел дыхание и покачал головой:

– Наверняка вы этого не знаете.

Амут шагнул через две ступени, не замечая тяжести блистающей эдолийской брони. Только на следующей площадке он заметил, что Каден отстал.

– Приношу извинения, первый оратор, – с поклоном проговорил он. – От стыда я сделался нетерпелив.

Стражник остановил взгляд на ступенях, положил кисть на рукоять большого меча и стал ждать. Как бы ни был взбудоражен, первый щит эдолийской гвардии оставался жестким, как мраморное изваяние, весь из прямых углов и приличий. Застывший в ожидании, пока Каден соберется с силами, он казался высеченным из камня или выкованным из стали.

– Не ваша вина, что я так раскис, – снова покачал головой Каден.

– Лестница Интарры тяжела даже для закаленных мужчин, – заметил Амут, не шелохнувшись.

– До моего кабинета всего тридцать этажей, – возразил Каден, принуждая ноги шевелиться.

Он одолевал этот подъем ежедневно, но всегда неторопливо. С каждым месяцем все медленнее, сообразил он сейчас. А Амут ни разу не дал себе передышки после выхода из палаты совета, и уже на десятом этаже у Кадена загорелись мышцы ног. Он угрюмо приказал себе на время забыть, что намеревался подняться куда выше тридцатого этажа.

– В те времена, когда я жил с монахами, – припомнил он, снова останавливаясь на площадке рядом с Амутом, – такой подъем был бы мне за передышку.

– Вы – первый оратор республики. У вас есть дела поважнее, нежели гонять себя по лестнице.

– Вы – первый щит эдолийской стражи, – возразил Каден, – однако находите время каждое утро взбежать снизу доверху.

Он несколько раз видел, как тренируется этот человек: всегда до рассвета, в полном доспехе и с мешком песка за плечами, он топал по ступеням с застывшим в решимости лицом.

– Ежеутренние пробежки не помогли мне исполнить свой долг, – мрачно возразил Амут.

Каден повернулся к нему и принял строгий вид:

– Довольно вам извиняться. Я жив. Совет в безопасности. Сколько вы ни корите себя, это не прольет свет на случившееся.

Амут бросил на него взгляд, скрипнул зубами и кивнул:

– Как скажете, первый оратор.

– Поговорим на ходу, – предложил Каден (до его кабинета оставалось еще пятнадцать этажей). – Только пойдемте медленнее. Что там произошло?

– Кто-то проник во дворец.

– Это несложно, – заметил Каден. – Во дворец что ни день входят, должно быть, тысячи людей: слуги, гонцы, купцы, носильщики...

– Они сумели пробраться в Копье.

Каден попробовал это обдумать. В Копье Интарры вела одна дверь – высокая арка, прожженная, прорезанная или пробитая в несокрушимом закаленном стекле стен. Ее день и ночь охраняли эдолийцы.

– Ваши люди у входа...

– Копье не назовешь неприступной крепостью. Дела импе... – Он покачал головой и поправился: – Дела республики ведутся внутри. Люди входят и выходят. Я приказываю охране

у дверей предотвратить явную угрозу, но каждого они останавливать не могут, это привело бы к несказанному затору.

Каден покивал, начиная понимать.

Копье Интарры было древним сооружением. Ни люди, ни даже летописи кшештрим не запомнили его создания. Архитекторы Рассветного дворца окружили его крепостью, не ведая ни кто, ни как, ни зачем выстроил эту башню. Кадену смутно вспомнилось, как в детстве его сестра читала том за томом в поисках разгадки тайны и в каждой книге находила свою версию, свои доводы и даже подобие доказательств.

«Иногда, – сказал ей наконец Санлитун, – приходится смириться с тем, что наше знание ограничено, Адер. Возможно, истории Копья нам никогда не узнать».

Сам-то он, конечно, знал.

– Я открыл тайну твоему отцу о назначении Копья, – поделился с Каденом Киль много месяцев назад после возвращения в Рассветный дворец, – и открою теперь тебе.

Они вдвоем – первый оратор новорожденной Аннурской Республики и бессмертный историк-кшештрим – сидели, поджав ноги, под кровоточащей ивой у пруда в саду Вдовца. Ветер рябил зеленовато-коричневую воду, на мелких волнах играли блики. По ним перебежали тени от свисающих ивовых ветвей. Каден ждал.

– Башня – ее вершина – это алтарь, святое место, где наш мир соприкасается с миром богов.

Каден тогда покачал головой:

– Я много раз стоял на вершине башни. И ничего не видел, кроме неба и облаков.

Киль указал ему на бегущую по поверхности воды узкотелую букашку. Гладь проминалась под ее легким весом. Насекомое, перебирая длинными ресничками ног, скользило из тени в свет и шмыгало обратно.

– Для этой бегуни, – сказал кшештрим, – вода непроницаема. Она никогда не пробьет поверхности. Никогда не узнает истины.

– Истины?

– Что существует иной мир: темный, огромный, непостижимый – прямо под кожей знакомого ей мира. Ее разум не создан для осознания этой истины. «Глубина» для нее ничего не значит. «Влага» – пустой звук. Глядя на воду, она видит отраженные в ней деревья, солнце, небо. Ей неведома тяжесть воды, неведомо, как она теснит уходящего в глубину.

Букашка скользнула по отражению Копья Интарры.

– Отражение башни не есть башня, – сказал Киль и отвернулся от пруда и невесомой бегуни.

Каден проследил за его взглядом. Они долго всматривались в блистающую тайну в сердце Рассветного дворца.

– Так и эта башня, – изрек наконец Киль, указывая на просвеченную солнцем пику, разделившую небо, – только отражение.

Каден покачал головой:

– Что она отражает?

– Мир под нашим миром. Или над ним. Или рядом с ним. Наш язык не в силах выразить эту истину. Он – орудие, как молот или топор, и пригоден не для всякой работы.

Каден вновь повернулся к пруду. Водомерка скрылась.

– То есть сквозь эту башню боги могут проникнуть под поверхность?

Киль кивнул:

– Ведя великую войну с вашим родом, мы узнали об этом слишком поздно. Двое наших воинов случайно увидели обряд, но к тому времени, как добрались до вершины, боги уже ушли. Остались лишь человеческие оболочки.

– Люди – сосуды для младших богов, – подумав, заключил Каден.

Киль снова кивнул.

– Как это возможно? – спросил Каден.

– Обвиате. То, чего требовала Съена, когда Тристе приставила нож к своей груди.

– Как оно проводится? – хмуро спросил Каден.

– Этого мой народ не сумел выяснить, – отвечал историк. – Мы знаем, что башня – это врата, но ключи от них, как видно, есть только у богов.

«Врата для богов», – угрюмо размышлял Каден, взбираясь по лестнице вслед за Маут Амутом и чувствуя, как обжигает легкие хриплое дыхание.

Ничто не указывало на то, что вломившиеся в Копье неизвестные знали эту истину. Ничто не указывало на то, что не знали.

Он старательно увел мысли с этой дороги и как наяву услышал спокойный тихий голос старого настоятеля Шьял Нина: «Думай о текущем деле, Каден. Чем больше стараешься увидеть, тем меньше заметишь».

– Они могли представиться рабами или священниками, – докладывал между тем Амут, – иностранными дипломатами... Да кем угодно.

Звучало разумно. Большая часть Копья была полый – несокрушимой блестящей скорлупой, – но первые императоры Аннура застроили нижнюю ее секцию тридцатью деревянными площадками (тридцать этажей там, где могло уместиться вдесятеро больше) и только потом сдались, оставив пространство выше гулкой пустоте. Нижние из этих людских построек были отданы будничным нуждам – там располагались кабинеты министров, приемные, большая круглая обеденная зала с видом на весь дворец. Целых три этажа отвели под покои приезжей знати. Возвратившись домой, путешественники хвалились, что ночевали в величайшем строении мира – в башне, воздвигнутой не иначе как самими богами. И еще, конечно, здесь располагались служебные помещения для поваров, рабов и слуг, трудившихся в Копье.

Амут скорее недооценивал, нежели преувеличивал: в Копье и из Копья шло непрерывное движение, и эдолийцы никакими силами не могли бы проверять каждого на каждом этаже. Впрочем, нападавшие не толклись на кухнях. Они сумели добраться до тридцатого этажа, считавшегося надежно защищенным.

– Что произошло в моем кабинете? – спросил Каден.

– Они сняли троих моих часовых, – вымученно признался Амут.

– Убили? – вскинулся Каден.

Амут коротко мотнул головой:

– Обездвижили. Все лишились чувств, но в остальном невредимы.

– Кто? – удивился Каден, замедляя шаг. – Кто мог пройти мимо троих часовых эдолийской гвардии?

– Не знаю, – сквозь зубы, словно не желавшие выпускать слов, ответил Амут. – Это я и намерен выяснить.

– Теперь я понимаю, – сказал Каден, оглянувшись на оставшиеся позади ступени, – почему вы сочли их опасными.

Добравшись наконец до кабинета, они нашли его полным эдолийцев. Каден заглянул в дверь. Гвардейцы, как видно, наводили порядок: раскладывали по полкам свитки, сворачивали карты, раскатывали тяжелый сайитский ковер.

– Все спокойно? – спросил он.

И заметил, что напрягает плечи и спину, будто в ожидании ножа в основание затылка или петли, которая вот-вот стянется на щиколотках. Он потратил мгновение, чтобы расслабиться.

«Ты должен видеть действительность, а не страх».

Кабинет не изменился – та же большая полукруглая комната, занявшая половину этажа. Изгиб стен закаленного стекла открывал несравненный вид на Аннур, и Санлитун старался не заслонять этого вида. Книжные полки выстроились вдоль внутренних перегородок, а тяжелые

столы стояли посреди комнаты, и ничто не загромождало плавного изгиба стен – только столик с доской для ко и двумя креслами, простая подставка с окаменелостями да карликовая черная сосна с морщинистым, искривленным стволом.

– Мои люди десять раз все осмотрели, – сказал Амут.

Он вошел вслед за Каденом в комнату, бесшумно покинутую гвардейцами.

– Я проверил помещение на все известные мне виды ловушек. Собаки не учуяли яда. Мы перетряхнули все ящики столов, все свитки и тома в поисках взрывного заряда. – Амут покачал головой. – Ничего. Все чисто.

– Слишком чисто.

Обернувшись на голос, Каден увидел у дальнего стеллажа Килья. Кшештрим водил пальцем по деревянной раме.

– В поисках ловушек вы затоптали все следы, – сказал он.

Пальцы Амута стиснули рукоять меча.

– Следов не осталось, – отозвался гвардеец. – Кто бы это ни был, они хорошо знают свое дело. Превосходно.

Киль послал эдолийцу долгий взгляд и кивнул. Его лицо не выражало озабоченности, лишь одно любопытство. Таким оно было даже в Мертвом Сердце, где безумец, одержимый целью уничтожить последних сородичей историка, держал того в каменном подземелье забытой крепости. Киль недурно научился изображать эмоции, но редко давал себе такой труд. Люди считали его гениальным чудачком, а в Аннуре не было недостатка в гениях и чудачках.

Каден следил, как историк идет через комнату, чуть прихрамывая от неправильно зажившего перелома. Киль ходил по свету не первое тысячелетие, но его лицо, строгое и почти не тронутое морщинами, могло бы принадлежать мужчине на четвертом или пятом десятке лет. Настанет день, и ему придется покинуть совет и дворец, пока аннурцы не заметили, что он не меняется и не стареет.

«Если к тому времени кто-то из нас будет жив», – уточнил про себя Каден.

– Так зачем же они явились? – спросил историк.

– Кража, – сказал Амут. – Ничего другого не остается.

– Что-то пропало? – вздернул бровь Каден.

– Этого я не могу знать, первый оратор. Эдолийцы – стража. Наше место за дверью. Теперь, когда я убедился, что кабинет безопасен, надеюсь, вы прольете свет на то, что произошло внутри. Здесь чего-то недостает?

– Хорошо, – ответил Каден и, выйдя на середину комнаты, медленно повернулся вокруг себя. – Здесь, кажется, вполне безопасно. Никто меня пока не убил.

– В данный момент во всем дворце не найдется места безопаснее, – заверил Амут. – Ручаюсь жизнью.

Каден покачал головой.

– А насколько, – спросил он, – безопасно во дворце?

Каден дождался, когда Амут покинет комнату, и вновь обратился к Килью:

– Что скажешь?

Кшештрим смотрел на закрывшиеся деревянные двери.

– Наблюдая за людьми, подобными этому эдолийцу, я понял значение человеческого слова «гордость».

– Я имел в виду кабинет. Ты согласен с Амудом? Все это – хитро задуманная кража?

– Ответить невозможно, – покачал головой историк. – Гвардейцы все здесь передвинули.

Каден кивнул. Он почти каждое утро бывал в кабинете и легко мог вызвать в памяти довольно точный образ полукруглого помещения, но не давал себе труда запечатлеть сама-ан. Корешки томов запомнились смутно, расположение свитков – не четко. Впрочем, и на такое

воспоминание можно было бы опереться, если бы не похозяничавшие в кабинете эдолийцы. Несколько мгновений Каден всматривался в мысленную картину, затем отпустил ее и сосредоточился на комнате.

Солнце клонилось к линии крыш на западном горизонте. Никто еще не подумал зажечь лампы, но для беглого осмотра света хватало. Однако Каден вместо того, чтобы повернуться к столам и полкам, шагнул к наружной стене – к участку пола, где красное дерево блестело ярче других половиц. Нетрудно было вообразить на этом месте Санлитуна: аннурского императора, сидящего, скрестив ноги, как приучили воспитавшие его монахи. Каден отпустил свои мысли, пытаясь проникнуть в разум убитого отца.

Аннур был величайшим городом величайшей в мире империи. Он насчитывал более двух миллионов жителей – мужчин, женщин и детей. Их дома и лавки, храмы и таверны теснились стена к стене. Люди здесь ели и ссорились, любили, лгали, умирали в двух шагах от соседа, отделенные лишь щелястой перегородкой от мук рожающей матери и слившихся в объятиях любовников. После уединения Ашк-лана, после простора и тишины все это было... слишком, даже в стенах Рассветного дворца. Каден мог ощутить в себе отцовское желание подняться над морем человеческих тел, выше их; мог представить, как Санлитун, оставив пустовать тяжелые деревянные кресла, садился прямо на пол, закрывал глаза на шумевший под ним за прозрачными несокрушимыми стенами людской приборой...

Каден отпустил бешра-ан.

Может быть, все было не так. Может быть, эти половицы выглажены до блеска чем-то иным, чем-то незначительным – бродившим по дворцу дымчато-серебристым котом или тысячу раз передвинутым при уборке столиком. Кадену привиделся отец, замерший здесь в молчании, как монах хин на краю гранитного уступа в Ашк-лане. Привиделся – но в действительности он отца не видел. Санлитун стал призраком, смутной тенью, отброшенной в настоящее оставшимися после него вещами.

Каден отвернулся от воспоминаний об отце, от раскинувшегося под стенами города, чтобы снова осмотреть кабинет. Эдолийцы при обыске соблюдали порядок: сложили на столах разбросанные бумаги, расставили на места книги и по линейке выровняли корешки. Но солдаты не обладали памятью, как у Килья и Кадена. Каден со вздохом прошел к ближайшему столу, перебрал несколько листов и уронил обратно.

– Не знаю, было ли здесь что похищать, – сказал он.

– Записи о передвижении войск? – предположил Киль. – Перечни поставок?

Каден покачал головой:

– Эти сведения можно добыть более простым путем. Не было нужды пробираться за ними в самое Копье. И вступать в бой с тремя эдолийцами. – Он помолчал, соображая. – Тут что-то другое. Что-то... большее.

Он взглянул на дверь – трехдюймовые створки окованного сталью красного дерева и стража за ними. Только безумец мог решиться пройти все это. Безумец или человек, очень-очень упорный в достижении цели.

– Это был ил Торнья?

– Согласно надежным донесениям, кенаранг твоей сестры находится на севере, но у него длинные руки, – отозвался Киль.

Каден задумчиво кивнул:

– Он много раз бывал в этом кабинете. Если ему что-то понадобилось, он понимал, где искать, и у него есть люди, которым можно такое поручить. – Он долго молчал, прежде чем договорить: – И он, как и ты, знает правду о Копье. О его назначении.

Киль медленно склонил голову.

– Знает, – подтвердил он.

Грудь Кадену сдавила холодная тяжесть. Он поднял глаза, словно мог сквозь потолок, сквозь тысячи футов пустоты, сквозь стальной пол подвешенной в воздухе клетки увидеть ожидающую своей судьбы молодую женщину – в цепях, с черными волосами и фиалковыми глазами, женщину невероятной красоты, жрицу и убийцу, в чьем теле была заперта богиня.

– Надо вызволить Тристе, – заговорил он наконец. – Надо найти скорый и надежный способ ее вывести. Если ил Торнья добрался до этого кабинета, доберется и до тюрьмы.

– Однако совершить то, что ей предназначено, девушка может только на вершине этой башни, – возразил Киль.

– Она не знает как. А если бы и знала, не согласилась бы.

Каден все ей объяснил. Они десять раз об этом говорили – и все впустую.

– Незачем держать ее в Копье, если она не совершит обвiate, а она этого не сделает. О том, что она в тюрьме, известно всем, и если никто еще не пытался ее убить, то попытается.

– Все это так... – Взгляд Киля стал рассеянным.

После долгого молчания кшештрим развернулся, прошел к столику, на котором осталась доска для ко, сел в одно из стоящих перед ней кресел. Каден наблюдал за ним. За время после побега из Мертвого Сердца он привык к таким паузам. Даже прожив тысячи лет среди людей, спустя тысячи лет изучения их жизней, обычаев, истории Киль под неприметными манерами и личиной человека сохранил чуждый, непостижимый для смертного ритм речи и мысли. Каден приучил себя к терпению и сейчас молча смотрел, как кшештрим, сдвинув крышки одинаковых ящичков, начал игру – белые против черных. Только камешки щелкали по доске: черный, белый, черный, снова белый, и так раз за разом.

Кто не знал Киля, решил бы, что тот целиком ушел в игру. Каден знал иное. Ходы ко давались историку легко, как дыхание. Он мог за всю игру ни разу не взглянуть на доску и никогда, никогда не проигрывал. А та война, которую кшештрим вел сейчас сам с собой, не имела отношения к партии.

Сделав сорок ходов, он остановился, минуту изучал позицию, затем перевел взгляд на Кадена и продолжал, будто и не прерывал разговора:

– Возможно, ил Торнья и добивается ее перевода. Все это могло быть затеяно, чтобы вынудить тебя перевести ее в другое место.

Каден хмуро оглядел доску, словно искал ответа в сложном расположении фигур.

– Чтобы нанести удар, когда она выйдет из-под защиты стен тюрьмы?

– Сейчас Тристе стерегут, как никого во всей республике, – кивнул Киль. – Чтобы добраться до нее, даже проникшему в Рассветный дворец пришлось бы пройти пять запертых дверей и двадцать часовых. Такое препятствие не сбросишь со счетов.

– Сюда они прошли.

– Одна дверь, – напомнил Киль, – и трое стражников. Сегодняшнее вторжение могло быть лишь уловкой с целью напугать тебя. Позже придут и за Тристе, а если ты еепустишь, им не придется далеко ходить.

– А если мы оставим ее здесь, – возразил Каден, – ил Торнья, покончив с Длинным Кулаком на севере, доберется до нее вовсе без труда.

Киль кивнул.

От бессильной досады спокойствие Кадена дало трещину.

– Итак, переведи мы ее, мы проиграем, – выпалил он. – Оставь мы ее, проиграем.

– Все сводится к обвiate. Ты должен ее убедить. Возможно, она не знает способа, но его знает заключенная в ней богиня.

– Обряд ее убьет, – сказал Каден. – Разве не это обнаружили ваши воины тысячу лет назад?

Киль и глазом не моргнул:

– Она – тюрьма для Съены.

– Она человек, а не тюрьма! Она не просила Съену вселяться в ее тело и уж точно не вызывалась покончить с собой, чтобы выпустить богиню. Это убийство.

– Жертва, – поправил Киль. – Жертва богине. Богине.

– А откуда нам знать, – упорствовал Каден, – что гибель Тристе не покончит с присутствием богини в нашем мире? Ил Торнья ведь этого и добивается?

– Зависит от метода. Обвиате – не убийство, а обряд, в котором Тристе доброй волей соглашается отпустить свою богиню. Это не удар ножом в темноте. Обвиате даст Съене время покинуть человеческую плоть целой и невредимой. Обвиате откроет ей безопасный путь из нашего мира.

– Это ты так думаешь, – сказал Каден, сверля кшештрим взглядом.

Киль небрежно кивнул:

– Я так думаю. Так было с младшими богами.

– А если ты ошибаешься?

– Значит, ошибаюсь. Мы действуем, исходя из доступных нам данных.

Каден отвернулся от историка, перевел взгляд на темные крыши Аннура и молча выскользнул из собственных эмоций в бесконечную пустоту ваниате. Теперь он проделывал это по желанию: на ходу, среди разговора. Сквозь прошедшие годы до него донеслись слова Шьял Нина: «Из тебя вышел бы хороший монах».

Внутри ваниате он стал недоступен давлению. Не осталось ни спешки, ни волнений – одни факты. Ил Торнья либо найдет способ убить Тристе – либо не найдет. Тристе согласится на обвиате – либо не согласится. Они отыщут способ освободить запертую богиню – либо не отыщут. А если они не справятся, если мир лишится наслаждений, разве это не будет похоже на великий покой ваниате?

– Выйди, Каден, – сказал Киль. – Не следует так надолго отрешаться от себя.

Каден медлил в неподвижности. Поначалу ваниате пугало его своей огромностью, равнодушием, холодным гладким совершенством.

«Такой страх, – думал он теперь, – должен испытывать выросший в гомоне и толкотне города аннурец, проснувшись ясным утром во льдах Костистых гор: ужас перед слишком большим пространством, слишком большим ничто, когда не хватает себя, чтобы заполнить пробел между снегом и небом».

Но Каден теперь был в этих льдах как дома. Он заметил за собой, что, когда мир становится слишком шумным и тесным, непроизвольно уходит в бесконечное ничто.

– Каден, – уже резче позвал Киль, – брось это.

Каден неохотно вышел из пустоты в камеру собственного раздражения.

– Ты так живешь все время, – напомнил он, старательно удалив из голоса всякое чувство.

Киль кивнул:

– Наши умы для этого созданы. Ваши – нет.

– Что это значит?

Кшештрим ответил не сразу. Вместо ответа он встал, зажег светильник, другой. Свет залил комнату – теплый, как вода, он словно раздвинул стены закаленного стекла. Кшештрим полностью осветил комнату и только потом вернулся в кресло, пристально изучив, прежде чем сесть, позицию на доске ко. Помедлив, он переставил белый камень, черный и снова белый. Каден не видел смысла в его ходах. Он уже подумал, что Киль забыл о вопросе или решил не отвечать, но историк наконец поднял взгляд.

– Ты видел, что случилось с ишшин, – негромко сказал он. – С некоторыми из них.

Каден задумчиво кивнул. Недели плена в сырой камере были не из того, что легко забывается даже теми, кто был лучше Кадена обучен забывать. Он как сейчас видел расширенные дикие глаза Транта, видел, как Экхард Матол мгновенно переходит от бешеных воплей к широкой страшной улыбке. Они были безумны – все. Они дважды пытались убить Кадена: раз

в подземном лабиринте Мертвого Сердца и второй – на залитом солнцем островке с кольцом кента среди широкого моря. Очень может быть, они и теперь искали способ до него добраться. И все же...

– Ишшин – не хин. Их методы... – Каден запнулся, вспомнив шрамы, летопись самоистязаний. – Такие методы любого бы сломали.

– Да, – ответил Киль, подталкивая на место еще один камешек, – и нет. Учение хин тоньше и мягче, но их путь ведет к тому же концу. Ваниате подобно... морским глубинам. Ты можешь заплывать все глубже и глубже, но океан не станет тебе домом. Задержишься слишком долго – и он тебя раздавит. Ты, конечно, слышал, как это бывает с монахами.

Каден не один месяц старался вытеснить из головы все связанное с Ашк-ланом. Память о тишине под небом слишком тесно переплелась с памятью об убийствах. Правда, он ничего не мог сделать для спасения Патера, Акйила, Шьял Нина, но рядом с этой правдой лежала другая – он ничего и не сделал. Ему легче было вспоминать свои поражения здесь, в Аннуре.

– Разве, пока ты жил среди хин, никто из них не отпускал себя? – спросил Киль.

Каден, не желая встречаться с ним взглядом, уставился на доску.

– Отпускал себя? – отозвался он.

– Мой народ говорил об этом: «айкс акма». Это означает: «Без себя. Без центра».

– Я думал, это и есть их цель, – удивился Каден. – Я сто тысяч раз повторял эту мантру: «Разум – огонь. Задуй его».

– Красиво сказано, но не точно. Огонь, если держаться этой метафоры, от дуновения колеблется, но не гаснет. Твои эмоции тебе необходимы. Они... связывают тебя с миром.

– Ты говоришь об уходе, – тихо сказал Каден.

Киль кивнул:

– Так это называлось, когда я в последний раз побывал в Ашак-лане.

Один из хин ушел, когда Каден не провел в горах и нескольких месяцев. Такое не приметное событие. Монах – Каден был еще слишком юн и необучен, чтобы запомнить его имя, – просто встал посреди медитации, кивнул всем и ушел в горы. Акйил с его неугомонным любопытством добивался ответа: что с ним случилось, когда он вернется? Шьял Нин только головой покачал: «Он не вернется». Уход не оплакивали и не праздновали. Человек, бывший одним из них, ушел, исчез, его келья опустела. Но хин давно сжились с пустотой.

– Я всегда думал, что уходящие – неудачники, – сказал Каден. – Те, кто не справился. Ты хочешь сказать, что только они по-настоящему овладели ваниате? Полностью ушли в него?

– Успех это или поражение, – разглядывая доску, ответил Киль, – зависит от того, какую ты ставил цель. Немногие из твоего рода сочтут успехом смерть от холода в горах, но ушедшие обрели то, чего искали. Они задули огонь.

– А остальные? Рампури Тан, Шьял Нин – все они?

Киль поднял глаза:

– Те – нет. Никто из вас, отсеченный от своих эмоций, долго не живет.

– Потому-то ил Торнья и хочет порвать эти узы? Потому добивается смерти Съены и Мешкента?

Историк кивнул.

Каден медленно, протяжно выдохнул:

– Я поговорю с Тристе.

– Что ты ей скажешь?

Хороший вопрос. Главный вопрос. Каден только и смог, что безмолвно покачать головой.

4

Взгляд Ниры бил, как молот по наковальне.

– Ты мне скажи, – негодовала старуха, – на хрена взяла меня в советницы, если все равно не слушаешь советов?

– Я слушаю твои советы, – ответила Адер, стараясь не повышать голоса, говорить рассудительно и терпеливо.

Ей вдруг вспомнилось, как девочкой она ездила в отцовские охотничьи угодья к северо-востоку от Аннура. Санлитун не увлекался охотой, но псарню держал – собак дарили иностранные послы, другие плодились в поместье, и Адер любила зайти к ним с раннего утра, пока не встали рабы и слуги. Была там старая рыжая сука, слепая на один глаз, хромяя и ужасно злобная. Адер сама не знала, за что ее полюбила. Она приносила старухе добытую на кухне кость, бросала в клетку и стояла рядом, пока сука уцелевшими зубами глодала подачку, кося на девочку свирепым взглядом.

Та собака лет десять как умерла, но разговоры с Нирой воскрешали в Адер память о ней. Старуха, как та собака, не выпускала того, во что вцепилась зубами. И, как она, готова была укунить даже кормящую руку. Как та собака, она пережила немало битв, в которых погибли ее ровесники.

«Только в отличие от той суки, – невесело напомнила себе Адер, – Рошинира прожила больше тысячи лет и участвовала в разорении половины мира».

– Я бы рада взять тебя с собой в Аннур, – медленно заговорила она, думая, как бы отнять у Ниры эту кость, не пострадав от ее зубов. – Но ты нужнее мне здесь.

Она оглянулась на дверь кабинета. Закрыта, и на задвижку, но Адер все же понизила голос:

– У меня, Нира, есть союзники, а друзей, кроме тебя, нет.

– Ах, друзей! – рявкнула старуха. – Друзей!

Адер сделала вид, что ее не перебивали:

– Ты сейчас, помоги мне Интарра, единственная, кому я доверяю.

– Потому-то тебе, тупая корова, я и нужна рядом, когда ты попрешься в тот ублюдочный кретинский совет.

– Нет. Ты нужна мне здесь, чтобы глаз не спускать с ил Торньи.

При звуке этого имени лицо у Ниры застыло.

– Глаз не спускать – это для дураков. Будь у меня одни лишь глаза, он бы много месяцев как выскользнул из твоих мягких лапок, только его и видели.

– Не думаю, – медленно проговорила Адер, в сотый раз перебирая в памяти события последнего года. – Он не ради меня ведет эту войну, но и не только из-за невидимого поводка, на который ты его посадила. Он оказался здесь, на севере, за несколько недель до меня. У него есть свои причины биться с ургулами, с Длинным Кулаком.

– Это да, причины есть. Свои причины есть у каждой твари, даже у такого жалкого коварного ублюдка, как твой генерал. Особенно у такого, как он. Одна беда, что эти драные причины у него – свои. – Нира покачала головой, затем оскалила в усмешке потемневшие зубы. – Вот на то и нужен поводок.

– Но, уехав со мной, ты окажешься дальше от него и не сможешь...

– Чего это я не смогу? – вздернула бровь Нира. – Ты вдруг заделалась личем? Мало тебе титулов, еще и этот добавила?

Адер, с трудом сдерживая гнев, ответила:

– Я, разумеется, не лич.

Нира насмешливо заухала, морща лицо:

– Ты не лич? Неужто не лич? Неужто ты не сумеешь одной коротенькой мыслишкой обернуть вокруг пальца этот дерьмовый мир?

Не дожидаясь ответа, она склонилась к Адер, ткнула костлявым пальцем ей в грудь. Все ее веселье как рукой сняло.

– Ну так и не учи меня моим кеннингам. – Она убрала палец и ткнула им в сторону выходящего на север окна: – Я и сейчас знаю, где он есть. Поводок среди прочего дает мне еще и это, вбей себе в ту сиську, что у некоторых императоров вместо башки! Если он с утра решит ускакать на запад – я узнаю. Вернется – узнаю. Я знаю и буду знать – хоть здесь, хоть в хибарах, которые ты зовешь дворцом, хоть в куче свежего навоза на заднем дворе какого-нибудь раалтанского огородника. А вот тебе еще премудрость – могла бы продать, а тебе даром отдам. Затянуть ошейник я могу откуда угодно. Буду загорать на палубе корабля у побережья Домбанга, подставив стоптанные пятки, чтобы голый мальчишка смазывал их маслом, и вздумается мне прикончить твоего генерала – так я только пальцами щелкну, почувствую, как он сдох, и повернусь к мальчишке дряблой задницей. Так что эти твои рассуждения, будто бы я нужна здесь присматривать за ил Торньей, либо тупость дохлого вола, либо вранье, и будь я проклята, если знаю, что мне меньше по вкусу.

Когда старуха умолкла, Адер заставила себя досчитать до трех. И еще до пяти. И до десяти.

– Ты все сказала? – спросила она наконец.

– Не все, – буркнула Нира. – Еще и об Оши не след забывать. Пусть ты не доверяешь моему поводку, но здесь мой братец, и он следит за каждым шагом ублюдка.

– Оши здесь не ради слежки, – покачала головой Адер. – Он ждет от кенаранга исцеления, возвращения памяти и рассудка. Сейчас он не помнит даже, кто такой ил Торнья.

– К счастью для поганого кшештрим, – фыркнула Нира. – Если вспомнит, Оши его враз испепелит.

Они сцепились взглядами. Адер еще не забыла времен, когда, всего несколько месяцев назад, такая отповедь, высказанная с таким жаром, смутила или устыдила бы ее. Теперь – нет. Она не первый месяц спорила с Лехавом о военных действиях на юге, с ил Торньей – о движении войск на севере, ругалась с местными купеческими гильдиями о ценах на зерно, с властями – о налогах, с бесконечными и беспомощными посольствами Шаэлем сплюнутой республики, с этими тупоголовыми идиотами, горстями разбрасывающими обещания и требования и не способными ничего изменить; она не первый месяц помнила, что одна ошибка, одна неудача может погубить народ, который она поклялась защищать; она месяц за месяцем слушала крик убаюкивающего себя плачем сына, и теперь запугать ее было не так просто, как ту робкую принцессу, что год назад бежала из Рассветного дворца. Но и бодаться с мизран-советницей не было смысла, тем более когда старуха права.

– Да, я лгала, – признала Адер. – Я хочу, чтобы ты осталась поближе к ил Торнье, но не это главное. Я хочу, чтобы ты стерегла Санлитуна, заботилась о нем, пока меня нет.

– А... – Нира покивала. – Вот в чем дело. Ты все же решила разлучиться с ребенком.

– Мне ничего другого не остается, – выговорила Адер, всем сердцем желая, чтобы решение не оказалось ошибкой. – Я должна ехать в Аннур. В легионах не хватает людей, у них плохое снабжение, они измотаны. Если я их не спасу, они не сумеют спасти Аннур, не спасут людей Аннура, а тогда – какой с меня прок? Кому нужен император, позволяющий дикарской орде терзать положившийся на его защиту народ?

Помолчав, она угрюмо добавила:

– Возможно, совет, поцелуй его Кент, зовет меня только затем, чтобы легче было всадить мне нож под ребра, но на этот риск я готова. Я должна его принять. А мой сын нет. Ему будет безопаснее здесь.

Она вздрогнула, произнося эти слова. Безопаснее... Осталось ли безопасное место в мире, где с северо-востока наступают ургулы, Аннур в руках лжесовета из неумелых и жадных до власти продажных шлюх, легионы на юге готовы дрогнуть, в самом Аннуре некому поддерживать порядок, на дорогах расплодился воров и разбойники, в морях – пираты?.. Очень может быть, покидая Санлитуна, Адер оставляла его на смерть вдали от материнской груди.

Она выбросила из головы эту мысль.

Стены Эргада, хоть и побитые, еще держались. С востока протекал глубокий и быстрый Хааг, последняя преграда между городом и ургулами. За Хаагом вели отчаянные бои легионы ил Торны. Опасно всюду, но Эргад надежнее того сомнительного гостеприимства, что ожидает ее в Аннуре.

– Послушай, Адер, – заговорила Нира и на этот раз обошлась без насмешек и злых упреков; даже голос у нее переменялся, и жаргон городских низов ушел, дав место простой, древней и трезвой речи. – Оставить сына умно, и тому есть десяток причин, но не оставляй его мне.

– Именно тебе. Ты – моя мизран-советница.

– Советница, да. Но не кормилица. Эта грудь иссохла тысячу лет назад.

– Я не прошу тебя его кормить, – возразила Адер. – Ни менять подгузники, ни мыть, ни пеленать. Для этого у меня хватает женщин. Мне нужно, чтобы ты его стерегла. Охраняла.

Нира открыла рот, чтобы ответить, но осеклась. Адер с изумлением увидела блеснувшие в глазах старой женщины слезы.

«У нее был ребенок!»

Понимание обрушилось на Адер, как удар кулака. За все время с их встречи на дороге Богов она не додумалась спросить об этом Ниру. В памяти всплыл том «Истории Атмани», но среди мрачных подробностей, описанных историком, детям не нашлось места. Насколько знала Адер, мужа у Ниры не было, но кому это мешало выносить ребенка?

– Не мне, девочка, – сказала старуха так, словно тяжесть веков разом легла ей на плечи, и голос ее был занозистым, как неструганое дерево. – Не мне беречь детей.

Адер обомлела. Она бы выстояла против брани и упреков, но от этой внезапной искренности потеряла дар речи.

– Как это было? – выговорила она наконец.

Нира покачала головой. Сцепила узловатые пальцы. Адер смотрела на нее, не в силах понять ее страшного бессловесного горя.

– Я не могу, девочка, – после долгого молчания ответила старуха. – Второй раз не смогу.

В этих немногих словах Адер услышала весь ужас своих ночей. С самого рождения Санлитуна она уверяла себя, что ночные кошмары и дневные страхи, бесконечные опасения за дитя – всего лишь плод усталости изнемогающего разума.

«Он здоров», – напоминала она себе, всматриваясь в пухлые смуглые щечки, в сильные пальчики, обхватившие ее палец.

«Ему ничто не грозит, – шептала она, глядя на городские стены за окном. – Бояться нечего».

Месяцами после рождения Санлитуна Адер возводила эти хлипкие перегородки между собой и диким, ужасающим внешним миром. Она почти убедила себя, что ее любовь, забота, бесконечное бдение сохранят от всех бед этого толстого капризного малыша – крошечное существо, что было ей дороже собственного сердца. Слезы в глазах Ниры, ее заломленные руки, несколько коротких слов – «я не могу, девочка» – пробивали эти стены, как нож пробивает мокрую бумагу. Отчаяние схватило Адер за горло, и несколько ударов сердца она не могла дышать.

– Я не...

Голос дал трещину. Она перевела дыхание, остановила на Нире взгляд, всей душой желая, чтобы старуха увидела, поняла.

– Я знаю, это не совершенная защита, – снова заговорила Адер. – Ты не сможешь уберечь его от всего. Но у меня больше никого нет.

Нира молча покачала головой, и тогда Адер потянулась через стол, взяла ее руки в свои.

– Ты умная, – тихо сказала она. – Ты сильная. И я тебе доверяю.

– Однажды мне доверили целый континент, девочка, а я допустила его сожжение. Я сама его сожгла.

– Мы говорим не о континентах.

– Я знаю, о чем мы говорим. – В голос Ниры вернулась толика обычной сварливости. – У меня тоже был мальчик. Мой сын. Я не сумела его спасти.

Адер кивнула. Она представляла этот ужас. И не хотела представлять.

– Я тебя умоляю, Нира.

Старуха взглянула на нее сквозь слезы, отняла руку и утерла глаза:

– Императоры не умоляют. Императоры приказывают.

– Не сейчас, – покачала головой Адер.

Нира повернулась к ней:

– Всегда, дуреха. Это и значит быть императором.

– Так ты возьмешься?

– Это приказ?

Адер молча кивнула.

– Тогда возьмусь. – Нира прерывисто вздохнула. – Постерегу твоего плаксивого засранца, пока тебя нет.

Что-то, какое-то страшное внутреннее напряжение, внезапно отпустило Адер. Она чувствовала, что и сама готова расплакаться.

– Спасибо тебе, Нира.

– Императоры не благодарят подданных за повиновение.

– Ну а я все равно благодарю.

– Поблагодаришь, когда я сдам тебе маленького поганца с рук на руки, если он еще будет дышать, – невесело ответила Нира.

5

У Кадена горели легкие и сводило бедра, но он заставлял себя виток за витком одолевать лестницу. Маут Амут уверил его, что напавшие на Копье не поднимались выше кабинета, выше тридцатого и последнего из выстроенных людьми этажа древней башни, но он, в тревоге проведя бессонную ночь, понял, что должен увидеть Тристе – увидеть собственными глазами, убедиться, что та жива и в безопасности (насколько он мог обеспечить ей безопасность).

Дюжина ступеней от кабинета вывели его выше последнего этажа – из человеческих комнат и коридоров в немыслимое, божественное пространство над ними. Лестница, конечно, шла дальше – единственное творение человека в гулкой пустоте Копья, узкая спираль, поддерживаемая умно выстроенными лесами и спущенными с невообразимой высоты стальными канатами в руку толщиной. Кроме них, здесь были только воздух, пустота и свет – и, далеко-далеко вверху, самая высокая в мире тюрьма.

Кадену было пять лет, а Валину шесть, когда кому-то из них попала в руки книга «Устройство темниц». Он не помнил, откуда взялся старый фолиант, как и почему им вздумалось его открыть, но саму книгу помнил отлично: каждую страницу, каждый тщательно выведенный чертеж, все ужасающие истории плена, безумия, пыток, изложенные сухим и безличным ученым стилем. Автор, Юала Баскиец, за десять лет посетил не менее восьмидесяти четырех тюрем во всех пятнадцати аннурских атрепиях и за их пределами. Он видел каменную яму Уваши-Рамы, горячие карцеры Фрипорта и недоброй славы «Тысячу и одну комнату», где умирали враги антерских королей и королев. В почти бесконечном разнообразии заключенниц прослеживалась одна общая черта: все они были подземными, темными и строились из камня. Темница Рассветного дворца была исключением по всем трем пунктам.

Правда, под залом Правосудия имелось несколько камер – маленьких и надежно запиравшихся помещений для ожидающих суда или приговора, – но главная тюрьма Аннура была не грубой ямой в диком камне. И вовсе не ямой. Даже в камне можно пробить ход наружу, если хватает времени и есть инструмент. Но за всю историю Аннурской империи и более ранних времен никто не сумел оставить даже царапины на закаленном стекле Копья Интарры, и потому строители дворца выбрали его местом для содержания под стражей.

Конечно, они не заняли башню целиком. Во всем Копье могли бы уместиться сотни тысяч заключенных, целая нация шпионов, изменников и побежденных владык. Аннуру хватило одного этажа – вознесенного на сотни и сотни футов над землей, достижимого лишь по пронзающей светлую тишину винтовой лестнице, подвешенного на хитроумных распорках из стальных балок и цепей.

Издали Копье Интарры представлялось невероятно стройным. Казалось, башня слишком тонка, чтобы удержать свою высоту. Казалось, эту иглу переломит и дуновение ветерка, разобьет коснувшееся ее облачко. Но изнутри поднимавшемуся над людскими этажами открывалась истинная ширина строения. Сильный человек мог бы добросить камень от лестницы посередине до прозрачной стены, но и то было не просто. После привычной людям тесноты первых этажей размер пустотелой колонны внушал трепет. Вьющаяся посреди лестница выглядела хрупкой – дерзкая и обреченная попытка одолеть неодолимое.

Каден насчитал тысячу ступеней и остановился на площадке, выравнивая дыхание. Этот подъем был не опаснее иных склонов в Костистых горах, не труднее Вороньего Круга, по которому он два или три взбегал по первому снегу, но, как напомнил ему Амут, Каден уже не был послушником хин. За год в Рассветном дворце мышцы ног обмякли, на ребрах вырос жирок. Теперь от усилия сердце у него колотилось в грудную клетку, досадуя на свою немощь.

Опершись на деревянные перила, Каден заглянул вниз. В воздухе кружили ласточки – сотни ласточек, гнездившихся среди опор, прорезали пустоту Копья, их темные силуэты

ныряли и взмывали вверх в плотном сиянии. Каден поднял голову. Над ним, в нескольких сотнях шагов, ширину башни перехватывала еще одна созданная человеком площадка – стальная, с опорой на огромные железные и деревянные арки от стены к стене. Стеклопанные стены не поддавались ни резцу, ни бураву, но Копье, как все знакомые Кадену утесы, обладало своими природными чертами: мелкими желобками и уступами, большими и малыми неровностями, как бы выточенными ветрами и дождями. Хотя в Копье не бывало ни ветра, ни дождей.

Что бы ни породило эти неровности, строители воспользовались ими, чтобы устроить внутри башни еще один этаж на двух третях высоты до вершины – единственную площадку на сводчатых арках. Каден подобрался уже достаточно близко, чтобы разглядеть свисающие с нее ящики – стальные клетки приговоренных, уродливые кулоны на толстых цепях. Он замедлил биение сердца, направил побольше крови в дрожащие ноги и стал подниматься дальше.

Еще сотня шагов, и лестница ввинтилась в металлическую оболочку, как штопор в горлышко стальной бутылки. Архитектор темницы Фрайн Первый обил деревянные опоры лестницы огромными стальными пластинами – каждая больше днища телеги, – отрезав от нее свет и лишив предполагаемого спасителя возможности перебросить заключенному веревку. Или сосуд с ядом.

Здесь Каден задержался – его одежда пропиталась потом, легкие тяжело раздувались, глаза еще не приспособились к наступившей внезапно темноте. Он передохнул и полез дальше, заставляя дрожащие ноги одолеть последние триста ступеней одним жестоким рывком. В чернильном мраке лестничного колодца он не мог судить, далеко ли еще до уровня тюрьмы. Вот под ногами ступени и под руками перила, а вот он выскакивает на освещенную площадку. Лестница вилась дальше, сквозь тюрьму, в такое же неизмеримо огромное пространство, выводя в конце концов на вершину. Каден уже забыл о подъеме, повернувшись к двум вооруженным стражникам – не эдолийцам, а надзирателям, – застывшим по сторонам стальной, с тяжелыми петлями двери.

– Первый оратор... – Ближайший из этих двоих низко поклонился.

Каден кивнул в ответ, глядя мимо стражника на закрытую дверь. Как видно, Амут не ошибался: нападавшие, кто бы они ни были, не сделали попытки пробиться в тюрьму.

– Добро пожаловать, – приветствовал охранник, отворачиваясь от Кадена к двери.

Створка на хорошо смазанных петлях открылась бесшумно.

Он поднимался долго, между тем приемная камера с тем же успехом могла располагаться под землей, в подвалах приземистой каменной крепости. Будь здесь потолочные люки, они пропускали бы много света, но Фрайн не допустил лишних отверстий в конструкции своей тюрьмы. Свет давали только подвесные лампы. Когда за спиной со стуком закрылась дверь, Каден остановился, оглядывая помещение и высматривая в нем перемены и странности. Под лампами склонялись над выстроенными в ряд столами полдюжины клерков. Шорох их перьев прерывался легким звоном, когда писцы обмакивали перо в чернильницу и стряхивали излишек, постукивая по стеклянной крышечке. Каден глубоко вздохнул и повел плечами. Здесь тоже все было спокойно.

Честно говоря, только вездесущая сталь – стальные стены, потолок, шершавый пол, три двери – отличала комнату от обычной министерской канцелярии. Сталь и еще то, что человек, сидящий у дальней двери – за таким же столом, как все, – был в полном доспехе.

При виде Кадена он поспешно вскочил и поклонился:

– Вы оказываете нам честь, первый оратор. Второй визит за месяц, если не ошибаюсь.

– Капитан Симит, – медленно отозвался Каден, вглядываясь в стражника.

Он взял за правило запечатлевать сама-ан стражников при каждом посещении и сравнивать их с видением прошлой недели, отыскивая отличия: изменившуюся складку губ, морщинку у глаз – все, что может стать предвестием измены. Капитану Хараму Симиту, одному из трех главных тюремщиков, он доверял больше других. Этот человек выглядел скорее уче-

ным, нежели тюремщиком – с тонкими пальцами, сутуловатый, с облачком нестриженных седых волос, перехваченных платком под шлемом, – но выверенностью каждого действия, каждого взгляда он напоминал Кадену хин. Каден сравнил его лицо с сама-аном прошлого месяца. Если перемены и были, он их не нашел.

– Вы хотите видеть ту молодую женщину? – спросил Симит.

Он выражался осторожно: никогда не позволял себе таких слов, как: «лич», «девка» или хотя бы «заключенная», – только «молодая женщина».

Каден, тщательно следя за своим лицом, кивнул:

– Эдолийцы к вам заходили? Уведомили об атаке внизу?

Симит серьезно кивнул:

– Вчера, вскоре после третьего колокола. – Тюремщик замялся. – Может быть, я слишком многое себе позволяю, первый оратор, но что произошло?

– Кто-то напал на троих гвардейцев Амута. Потом они вломились в мой кабинет – и скрылись.

Симит помрачнел:

– Мало того, что внутри красных стен, так еще и в Копье... – Он оставил фразу висеть в воздухе и невесело покачал головой. – Будьте осторожны, первый оратор. Аннур теперь не тот, что прежде. Нужно быть очень осмотрительным.

Невзирая на предостережение, облегчение обдало Кадена, как проникший под одежду прохладный дождь.

«Она жива, – сказал он себе. – Невредима».

Ему вдруг стало трудно стоять. Ноги подкашивались – он не взялся бы сказать, от усталости или от облегчения.

Симит нахмурился:

– Надеюсь, вы не для того одолели подъем, чтобы все оглядеть. Заверяю вас, первый оратор, тюрьма надежна.

– Не сомневаюсь, – утирая лоб, кивнул Каден.

Симит присмотрелся к нему и указал на стул:

– Не хотите ли немного отдохнуть? Подъем утомителен, особенно для тех, кто одолевает его не каждый день.

– За два дня вы второй мне об этом говорите. – Каден покачал головой. – Лучше мне не садиться, не то вставать уже не захочется.

– Разумно, – улыбнулся тюремщик. – Я извещу клеточников, что вы хотите видеть молодую женщину.

– Спасибо, – кивнул Каден.

Симит подошел к вделанному в стену у двери звонку, раз десять дернул за шнур – то коротко, то продолжительнее – и дождался ответного подрагивания шнурка.

– Вы сменили пароль, – заметил Каден.

– Мало кто обращает внимание, – улыбнулся стражник.

– Как часто вы его меняете?

– Ежедневно.

– А что, если бы я попробовал пройти в эту дверь без пароля?

Симит насупился:

– Я не могу этого допустить.

– А что стало бы с теми, в клетках? Если бы, скажем, нападающие вместо моего кабинета поднялись сюда? И допустим, сумели бы пройти мимо вас?

– На такой случай приняты меры.

– Меры?

Тюремщик беспомощно развел руками:

- Я не волен о них говорить, первый оратор.
- Даже мне?
- Даже вам.
- Это хорошо, – кивнул Каден.

Главная дверь открывалась в длинный сумрачный коридор: стальные пол и потолок, стальные стены со стальными дверями на тяжелых стальных петлях. Легкие туфли Кадена почти бесшумно ступали по грубому металлу, зато тяжелые сапоги вошедшего с ним стражника – молодого пухлолицего и лопоухого Улли – звенели при каждом его шаге, превращая весь пол тюрьмы в огромный гонг. В ответ залязгали, загрохотали в глубине другие сапоги, распахнулись и захлопнулись двери, зазвенела тершаяся о стальную закраину цепь. Дважды им пришлось останавливаться, чтобы Улли мог отпереть тяжелые створки. Тюрьма была разбита на несколько отделений, из которых Тристе отвели дальше, самое труднодоступное.

– Как она? – спросил Каден, когда они наконец подошли к двери ее камеры (на стали была выбита маленькая цифра 1).

Улли пожал плечами. Он всегда был неразговорчив. В отличие от привычного к дворцовому этикету Симита, молодой стражник держался, как неприветливый хозяин таверны, разносящий выпивку засидевшимся до ночи гостям. Других членов совета его манеры бы разъярили, но другие члены совета и не давали себе труда отсчитать тысячу ступеней до темницы. Кадену же легче было иметь дело с таким безразличием.

- Она ест? – наседал он.
- Перестань она есть, – ответил Улли, распахнув дверь, – она бы умерла, не так ли?
- У нее по-прежнему кошмары? Кричит во сне?
- Все кричат, – пожал плечами Улли. – Такое бывает, если запирают людей в клетки.

Каден, кивнув, шагнул в камеру. В первый раз, почти год назад, он был ошеломлен, увидев ее пустой: в узкой стальной коробке не было ни следа Тристе. Между тем этого следовало ожидать, потому что Тристе держали не в камере. Личам и убийцам полагалась высшая степень охраны.

- Улли захлопнул за собой дверь, запер ее и указал на стоявшие на полу песочные часы:
- Адаманф ей давали в начале вахты. Тогда она выглядела достаточно здоровой.
- Достаточно?
- Не мне судить, сейчас сами увидите.

Улли кивнул на закрепленную в потолке цепь. К ее последнему звену была приделана горизонтальная балка толщиной в руку Кадена. Выглядело это как простые качели и служило почти той же цели. Каден подошел, обеими руками взялся за цепь и сел на перекладину, после чего обратился к стражнику:

- Готов.
- Вам привязь не нужна?

Каден покачал головой. Может, и глупо было отказываться от страховки. Усидеть на широкой перекладине нетрудно, на таких что ни день раскачивались тысячи детей по всей империи. Только их качели свисали с ветки или стропил амбара невысоко над землей. Им, в отличие от Кадена, не пришлось бы, сорвавшись, пролететь тысячу футов.

Не было никаких разумных причин рисковать, но Каден рисковал месяц за месяцем. Прежде, в горах, ему грозили сотни смертей: он мог сорваться с обледеневшего уступа, подвернуться под весеннюю лавину, столкнуться с голодным скалистым львом. А в оставшейся далеко внизу палате совета опасность стала смутной и абстрактной. Каден боялся забыть, что значит это слово. И напоминал себе, повисая на узкой перекладине – один и без страховки.

Открылся металлический люк. Каден заглянул вниз. Ему виден был угол клетки Тристе, подвешенной на другой, куда более толстой цепи – на несколько десятков шагов ниже и правее.

Далеко под ней лениво кружила пара ласточек. Ниже был только воздух. Оглянувшись, Каден успел увидеть, как Улли поворачивает рычаг сложного устройства в углу камеры. Перекладина с рыком опустилась на полшага и зависла. Каден замедлил сердцебиение, выровнял дыхание, заставил себя ослабить судорожную хватку пальцев. А потом под лязг, под грохот стальной машины он стал опускаться ниже пола тюрьмы, в слепящую пустоту Копья.

Клетка Тристе была здесь не единственной. Их, свисающих каждая на своей цепи, подобно огромным угловатым ржавым плодам, насчитывалось не меньше двух десятков – для самых злобных и опасных заключенных. Каждая имела три глухие стены и забранную толстыми стальными прутьями четвертую. Подвешивали их на разной высоте, то под полом темницы, то ниже, но всегда лицом к стенам башни. Пленники смотрели на раскинувшийся внизу Аннур – каждый на ту часть города, к которой была обращена его клетка, – но друг друга не видели. Некоторые замечали Кадена. Его окликали, осыпали ругательствами, с мольбой тянули к нему руки, а кое-кто вперивался в него пустым бессмысленным взглядом, будто в спускающееся с небес неведомое создание.

Один несчастный вовсе не имел клетки. Он, с круглыми глазами бормоча бессмыслицу, ютился на подвешенной за четыре угла платформе не более шага в ширину. Симит называл ее просто «сиденьем». За непокорство, сопротивление, насилие пленников помещали на него на неделю. Наказанные срывались вниз, сходили с ума или выучивались послушанию. Кадену это служило ярким напоминанием: если ургулы открыто поклонялись Мешкенту, то аннурцы на свой лад умели выказать почтение богу страдания.

Он перевел взгляд на клетку под собой – на клетку Тристе, к которой опускал его Улли. Все это устройство – цепи в запястье толщиной, тяжелые стальные пластины, решетка – могло быть создано для легендарного чудовища, для невообразимого кошмара. Но когда перекладина, дернувшись, застыла совсем рядом с висячей клеткой, когда глаза привыкли к сумраку внутри, Каден увидел лишь Тристе – маленькую, бессильную, наполовину сломленную и даже здесь, в этом ужасном месте, почти невыносимо прекрасную.

В первый месяц заключения она забивалась в самую глубину стального ящика, как можно дальше от решетки. На посещавшего ее Кадена не смотрела, отворачивалась, словно свет жег глаза; вздрагивала при звуке его голоса и отвечала на все одними и теми же словами: «Ты меня здесь запер. Ты меня здесь запер».

Эти слова, допусти их Каден до себя, резали бы больно. Он, несмотря на бойню в Жасминовом дворе, несмотря на страшную истину о заключенной в ее теле богине, видел в девушке союзницу и больше того – друга. Потому, среди других причин, он и потребовал поместить ее в эту камеру. При всей жестокости содержания здесь было безопасно. Здесь ей не грозили ненависть совета и нападения извне, подобные вчерашнему. Он пробовал ей это объяснить, но Тристе не слышала доводов, она была слишком далеко – так далеко, что он из месяца в месяц боялся ее смерти. Никакие предосторожности тюремщиков не спасли бы ее от опустошающего отчаяния.

Но в последнее время она уже не жалась в углу, не припадала к стальному полу, а сидела со скрещенными ногами ровно посередине клетки, сложив руки на коленях и устремив взгляд за решетку. Кадену эта поза была знакома по многим годам медитации среди хин, но откуда переняла ее девушка, он не представлял. Теперь она выглядела не пленницей – королевой.

И, как пристало королеве, почти не замечала его во время последних посещений. Если верить Симиту, так действовал адаманф – или многомесячный прием адаманфа, необходимый, чтобы отрезать ее от колодца. Впрочем, сегодня Тристе медленно подняла взгляд, словно отметив сначала болтающиеся ноги Кадена, затем его грудь и лишь долгое время спустя – лицо. Каден вчитывался в ее черты, пытался перевести изгибы и плоскости кожи в мысли и чувства. Как всегда, безуспешно. Хин были великими знатоками природы, но жизнь среди монахов дала ему мало возможностей изучить людей.

– Прошлой ночью я насчитала десять тысяч огоньков, – заговорила Тристе негромким и хриловатым, как бы истершимся, голосом. – Там, снаружи...

Она легчайшим движением подбородка обозначила мир за мрачными пределами своей клетки, за прозрачными стенами Копья.

– ...фонарики, подвешенные на бамбуковых жердях. Каминь в богатых кухнях, жаровни для рыбы на рынках, на улицах Ароматного квартала. Огни жертвоприношений на крышах тысячи храмов, а над ними еще звезды.

Каден покачал головой:

– Зачем ты считала огни?

Тристе опустила взгляд на свои ладони, потом оглядела стальные стены клетки.

– Мне все трудней верить, – тихо сказала она.

– Во что верить?

– В существование мира. Что каждый огонек кто-то поддерживает, готовит на нем, поет у него или просто греет руки. – Она подняла взгляд к небу. – Звезды, конечно, нет. А может быть, и звезды. Как ты думаешь, звезды горят?

– Не хочу гадать.

Тристе рассмеялась – слабым беспомощным смешком:

– Конечно, зачем тебе.

Каден ожидал от Тристе блуждания мысли, и все же ее бессвязные речи мешали ему поддерживать беседу. Он словно наблюдал за медленным распадом ее рассудка. Как будто слепленную из песка фигуру размывала большая невидимая река.

– Ты как, Тристе? – мягко спросил он.

Девушка снова рассмеялась:

– Зачем спрашиваешь, если тебе нет дела до ответа?

– Мне есть дело до ответа.

Она взглянула на него и как будто увидела: глаза ее на миг округлились, на губах возникла улыбка – и пропала.

– Нет, – возразила она, медленно качая головой (нарочитая отчетливость движения – взад-вперед, взад-вперед – напомнила Кадену полуприрученное животное, испытывающее оставленную ошейником и поводком свободу). – Нет-нет. Нет. Тебя только она заботит. Твоя драгоценная богиня.

До ближайшей клетки было несколько десятков шагов, подслушать невозможно, и все же Каден невольно оглянулся через плечо. Другие заключенные, если бы и уловили их разговор, вряд ли бы поняли, а если бы поняли – вряд ли поверили бы в богиню, заключенную в теле молодой пленницы. С другой стороны, разоблачение могло обернуться катастрофой. Каден понизил голос:

– Съена – твоя богиня, Тристе. Не моя. Потому она тебя и избрала.

Девушка ответила пристальным взглядом:

– Ты ради нее приходишь. Поболтать с ней, опоив меня до беспамьтства?

Каден покачал головой и спросил:

– Она молчит? Ни разу не... появлялась с того раза в Журавле, когда ты резала себе живот?

Тристе впервые подняла руку – пошарила перед собой, как шарят слепые – будто пробуя на ощупь старую рану.

– Надо было тогда и кончать, – тихо, но твердо выговорила она наконец.

Каден молча смотрел на нее. Казалось, целая жизнь миновала с тех пор, как Тарик Адив с сотней эдолийцев явился в горный Ашк-лан с известием о смерти императора на языке – и с Тристе. Тогда она была девочкой. Теперь уже не была.

Он знал ее неполный год, но за этот год для нее не прошло ни дня без боя или бегства, без тесной камеры или криков под ножами ишшин. Ни единого дня. Кадена выпавшая на его долю борьба измучила и закалила, а ведь она была ничто в сравнении с ее борьбой. Каден не сомневался: сейчас перед ним сидела не простодушная дочь лейны, захваченная течением, в котором ей не по силам ни выплыть, ни отвернуть к берегу. А вот чем она стала, во что превратили ее боль и страх, во что она сама себя превратила... этого Каден не знал.

– Если бы ты не остановила нож, то убила бы не только себя, но и богиню. Ты бы прервала ее связь с миром. Ты бы отрезала нашу способность чувствовать удовольствие, радость.

– Это если верить твоему кшештрим, – сплюнула Тристе. – Он и мне скармливал эту сказку.

– Я не ограничился словами Киля, – покачал головой Каден. – Далеко не ограничился. В Рассветном дворце хранится самое полное в мире собрание летописей – и человеческих, и кшештримских. Каждую свободную от препирательств с советом минуту я проводил в библиотеке. Все, что я читал, подтверждает рассказ Киля – и об истории богов, и о войнах с кшештрим.

– Думаю, он хотел меня убить, – сказала Тристе. – Это ведь единственный способ освободить его богиню?

– Она – твоя богиня, – повторил Каден.

– Нет, больше не моя. С тех пор, как насильно влезла мне в голову.

– Она избрала тебя, – возразил Каден, – за твою преданность.

– Это наверняка неправда. В храме много десятков лейн, с их искусством в служении Сьене мне никогда не сравниться, и они всецело преданы своей богине. – Тристе поморщилась. – А я... никто. Побочный отпрыск какого-то министра.

– У Тарика Адива были огненные глаза, – напомнил Каден. – Твой отец пусть в дальнем, но в родстве с моим. Значит, и ты тоже потомок Интарры.

Он сам удивился этой мысли. Сотни лет Малкенианы основывали свое право на власть на этих глазах, на божественном происхождении династии. Разветвление фамильного древа могло привести к гражданской войне, к гибели Аннура.

Тристе помотала головой:

– Не сходится.

– Вполне сходится, – настаивал Каден. – Только так и сходится. Легенда гласит, что Интарра выносила первого Малкениана тысячу лет назад. Семья должна была разрастись. Моя ветвь не может быть единственной.

– У меня не такие глаза, – возразила она.

– У Валина тоже.

Тристе оскалила зубы:

– Даже будь это правдой, что с того? Чего она стоит? Какое отношение имеет к засевшей у меня под черепом суке?

Каден только головой покачал. Даже Киль знал не все. Даже кшештрим не мог проникнуть в мысли богов.

– Мы знаем не все, – тихо ответил он. – Я знаю не все.

– И тем не менее хочешь меня убить.

В ее словах больше не было гнева. Что-то погасило его быстро и уверенно, как задувают свечу. У Тристе словно разом кончились силы. Каден и сам вымотался – изнемогал от долгого подъема и от страха, что кто-то прорвался в темницу, отыскал Тристе, причинил ей зло.

– Нет, – тихо проговорил он, не найдя другого слова, чтобы высказать свою тревогу.

Хин, на беду, совсем не научили его, как люди утешают друг друга. Если бы мог, он бы молча опустил ладонь ей на плечо, но сквозь решетку было не дотянуться. Остался лишь этот короткий слог, и он беспомощно повторил его:

– Нет.

– Прости, – ответила она. – Я оговорилась. Ты хочешь, чтобы я убила себя.

– Обвиате – не самоубийство. Это обряд. Ритуал. Без него богиня не сможет освободиться. Не сможет вознестись. – Он помолчал. – И это не то, чего я хочу.

– Не сможет вознестись, – повторила Тристе, словно не услышав его последних слов. – Не сможет вознестись!

Она вдруг расхохоталась звонко, как колокольчик, – и сразу замолкла.

– Что смешного?

Тристе покачала головой, указала на прутья решетки:

– Мне бы ее заботы! Что там – «вознестись», я бы счастлива была на одну ночь выбраться из этой клетки.

Они оба помолчали.

– Она... с тобой говорила? – спросил наконец Каден.

– Откуда мне знать? Каждый раз, как она берет верх, я ничего не помню. – Тристе устремила на Кадена жесткий, не допускающий возражений взгляд. – Откуда мне знать, может, вы все это выдумали про богиню. Может, я просто сумасшедшая.

– Ты же видела, что было в Жасминовом дворе, – серьезно сказал Каден. – Что ты надедала. Что сотворила через тебя Съена.

Тристе протяжно, прерывисто вздохнула, открыла рот для ответа, но тут же отвернулась. Память о бойне – изуродованные тела, разбитые черепа – встала между ними невидимо и неумолимо.

– Я не согласна, – сказала она. – На твой ритуал.

– Это не мой ритуал, и я не уговаривать тебя пришел.

– Но ты этого хочешь. – Она не смотрела на него. – Надеешься – или что там заменяет надежду вам, монахам, – что я соглашусь, поддамся. Ну а я не хочу. Придется тебе ее из меня вырезать.

– Так нельзя, – покачал головой Каден. – Я ведь уже объяснял. Обвиате, если бы мы на него пошли, по-видимому, требует твоего согласия, твоего участия.

– Этого тебе не видать! – с внезапной яростью прорычала она. – Не видать, будь ты проклят! Мать выдала меня отцу, отец подарил тебе. В моей голове сидит Шаэлем сплюнутая богиня – влезла, меня не спросив, а ты вот хочешь принести меня в жертву. Ты это можешь. Запросто. Все вы можете меня дарить, продавать, выменивать, сколько вам угодно. Ты можешь меня ударить – ты и бил. Ты можешь сделать мне больно – и делал. Ты можешь сдать меня в тюрьму – эту или другую... – она повела рукой, – и запер. Ты можешь выдать меня Рампури, чтоб его, Тану, или ишшин, или своему совету...

Она обожгла его взглядом, в глазах горело закатное солнце.

– Я уже привыкла, что мной торгуют. Я к этому готова. Но я скажу тебе, чего я не сделаю. На это я не соглашусь. Не стану вам подыгрывать. Сначала, совсем недолго, я думала, ты другой, Каден. Я думала, мы с тобой в самом деле... – Она осеклась, мотнула головой, стряхивая слезы, а когда заговорила снова, в голосе звенела тихая ярость: – Все меня выменивают, как фишку в игре. Но я себя не продам.

– Я знаю, – кивнул Каден.

Она уставилась на него, хрипло дыша приоткрытым ртом.

– Тогда зачем пришел?

Каден запнулся, но не увидел смысла скрывать правду:

– Проверить, как ты. После вторжения.

– Какого вторжения? – опешила она. – В Рассветный дворец?

– В Копье Интарры.

Сквозь головокружительную пустоту он указал на людские этажи под собой.

– И тебе захотелось мне рассказать?

– Мне, – осторожно ответил Каден, – захотелось убедиться, что с тобой все хорошо.

Ему показалось, что Тристе тронута, но это выражение лица мгновенно растаяло.

– Убедиться, что с ней все хорошо... – упрямо повторила она. – Ты решил, это ил Торнья пытался добраться до богини.

– Я счел это возможным, – кивнул Каден.

– Ну так, раз уж ты спрашиваешь, со мной не все хорошо, Каден! – разразилась диким криком Тристе. – Давным-давно не хорошо.

Ее распахнувшиеся глаза стали пустыми. Они больше не смотрели на Кадена.

– Я уже не понимаю слова «хорошо». Нас всех ждет смерть. И почти всех наверняка ужасная. Может, нам только и остается выбирать, где умереть, как закончить все на своих условиях.

– Очень немногим выпадает удача жить на своих условиях, – покачал головой Каден. – Мне – нет.

– Но ты же не здесь? – Тристе впервые подняла руку, ухватила за прут решетки. – Ты свободен.

Минуту Каден молча смотрел на нее.

– А будь ты свободна, Тристе, что бы ты сделала?

Она взглянула ему в глаза и вдруг поникла, словно согнулась под тяжестью самой мысли о свободе. И ответила тонким голосом, будто издалека:

– Ушла бы куда-нибудь. Как можно дальше от вашего дворца, поцелуй его Кент. Мать мне рассказывала о деревушке в оазисе под горами Анказа, на самом краю Мертвых солончаков. Дальше от мира и быть невозможно. Я бы добралась туда. В ту деревню. Вот куда...

Он не знал, принимать ли ее слова всерьез. Глаза Тристе смотрели в пустоту, речь от адаманфа стала немного невнятной. Взгляд был устремлен за плечо Кадена на что-то далекое и невидимое.

– Если бы я мог тебя вызволить, – медленно заговорил он. – Если бы сумел на время вывести из тюрьмы и из дворца в другое место, ты бы согласилась подумать над...

Она мгновенно вернулась из своего далека и с яростью обрушилась на него:

– Я уже сказала! Нет! Тому, кто захочет меня убить, – будь то ил Торнья, Киль или ты – придется потрудиться самому.

– А богиня...

– Очень надеюсь, эта сука почувствует, как режет нож.

Спуск с тюремного этажа занял немногим меньше времени, чем подъем. В отцовский кабинет он вошел на дрожащих ногах, а пальцы, всю дорогу цеплявшиеся за перила, скрючило, словно когти. Казалось бы, сам факт, что Тристе жива, должен был принести облегчение, но общая картина все равно выглядела неутешительно.

Ни один из образов будущего не радовал душу. Тристе убьет себя без соблюдения обвiate или будет убита. Наемники ил Торньи отрубят ей голову, или совет пошлет на костер, оправдав себя словами о законе и справедливости. В некоторых видениях ее убивал сам Каден – взяв нож потому, что больше никого не осталось. Он ощущал горячую кровь девушки на своих руках, встречал ее сердитый и беспомощный взгляд, пытаясь вырезать из ее тела богиню.

Вступая из сияющей пустоты Копья на людские этажи, он уже ничего другого не хотел, как запереться в кабинете, отстранить от себя все чувства, уплыть в ваниате.

Но в просторном кабинете он застал Киля. Тот неподвижно сидел в полутьме перед доской для ко, медленно переставлял фишки-камни – белую, черную, белую, черную, – воспроизводя древний поединок, впервые разыгранный людьми или кшештрим столетия назад. Каден молча наблюдал за ходами, не видя в них никакого смысла.

Выждав с десяток ходов, он потрянул головой и отвернулся от непостижимой позиции на доске и неподвижного взгляда Киля. Минуту он рассматривал Аннур – город ошеломлял еще более, чем скопления камней в игре, так что один его вид был Кадену упреком. Каден пережил атаку на Ашк-лан, невредимым прошел кента и Мертвое Сердце, захватил Рассветный дворец, учредил республику, дал отпор Адер с ил Торней. .. Зачем? Аннур рушился, а ил Торня, по словам Киля, и будучи за сотни миль отсюда, обходил их на каждом повороте. Каден шумно выдохнул, прошел к большому деревянному столу, стал бездумно перебирать сваленные на нем пергаменты.

Видит Интарра, он пытался разобраться. Найти смысл. Приговоры, новые законы против разбоя и пиратства, новые налоги на необдуманные предприятия незадачливой республики. Он все это прочитывал, но много ли понимал? Зачем все это?..

Он замер, коснувшись листка, которого раньше не видел. Всего несколько слов чернилами. Простая подпись. Печати нет. Он не верил своим глазам.

– Что там? – спросил Киль.

Каден снова и снова перечитывал записку.

– Что? – повторил Киль.

– Это было не ограбление, – выговорил наконец Каден. – Они и не собирались ничего красть.

– Да? – Кшештрим поднял бровь.

– В мой кабинет вломились, – пояснил Каден, показывая ему лист пергамента, – чтобы оставить вот это.

6

Поначалу мерное «тук-тук-тук» стрел по дереву ее утешало. По крайней мере, звучало привычно: напоминало тысячи дней на Островах, когда снова и снова натягиваешь тетиву, пока не заноят плечи и не закровоточат стертые пальцы. Но длинный склад, где они обосновались, стоял не на Островах. Здесь было жарко, душно и от пыли становилось трудно дышать. Гвенна выбрала склад из тактических соображений: хороший обзор, много выходов, близко к воде (на случай, если все сорвется), – но теперь склад начинал походить на ловушку. Гребаную скучную ловушку, но все же ловушку, и безостановочное гудение тетивы с перестуком стрел не спасали от этого чувства. Уже не спасали.

– Анник, – пробурчала Гвенна. – Не хватит ли на сегодня?

Она кивнула на встопорчившийся стрелами деревянный столб:

– По-моему, он убит.

Лучница натянула тетиву и, удерживая ее, подняла взгляд:

– А чем еще скоротать время?

– Как насчет отдохнуть? Может, даже поспать. Мы пробились в Рассветный дворец. Заслужили, знаешь ли, передышку.

Анник, все еще глядя на нее, выпустила стрелу. Пока та была в воздухе, наложила и выпустила следующую и, пока летела вторая, еще одну.

Тук, тук, тук.

Как дятел – только не бывает таких упорных дятлов. И дятлы не убивают.

Анник, склонив голову к плечу, полюбовалась делом своих рук. Все стрелы теснились друг к другу на пространстве не больше глаза. Маленького глаза. Если снайпер была довольна, то умело это скрывала.

– Я не устала, – сказала она и по перекошенным половицам зашагала собирать стрелы.

Гвенна открыла было рот – и закрыла. Спорить с Анник – пустое дело. Не устала значит не устала. Сама Гвенна вымоталась до предела. Ей чудилось, что она не знала отдыха по меньшей мере с бегства с Кирина. Казалось бы, последние девять месяцев прошли спокойно. В андт-килском сражении досталось всем, и основательно. В бедре у Анник засела половина ургульского копья. У Талала были сломаны три пальца, три ребра. И еще трещина в лопатке – все, надо полгать, от последнего взрыва, подкосившего Балендина. При том же взрыве Гвенна получила камнем по голове, а еще один перебил ей кость над коленом.

Им всем полагалось погибнуть, кого другого такие ранения бы убили. Однако, согласно теории Талала, их спасли яйца сларнов – повысили жизнеспособность и ускорили заживление. Гвенна в себе никакой жизнеспособности не ощущала. После того сражения никто из них не мог одолеть и четверти мили, а Гвенна вырубалась даже от резкого движения. Они долго и безуспешно искали Валина. За месяц изрыскали все вокруг – разве что не осмотрели каждый клочок леса до самых Ромсдальских гор.

Юго-восточнее Андт-Кила они нашли пустую полусгнившую хижину – приют охотника или разбойничье логово. Забились в нее, и в ближайшие несколько месяцев им хватало дела – попросту выжить. Задача оказалась много труднее, чем они думали: месяцами останавливать кровь, промывать и перевязывать раны, перебиваться собранными у самой хижины грибами или редкими птицами, которых Анник умудрялась подбить из охотничьего лука... После нескольких месяцев такой жизни все трое были похожи не на воинов, а на мертвецов.

Все лето и осень ушли на выздоровление. Гвенна училась ходить, пока не научилась бегать; училась держаться на воде, пока не научилась плавать; училась не ронять гребанный меч, прежде чем замахнуться, пока не почувствовала себя хоть наполовину вправе снова называть себя кеттрал. Все лето и осень они и думать не могли о том, чтобы куда-то идти, кого-то уби-

вать. Куда идти и кого убивать, Гвенна пока не представляла, но не сомневалась, что таких дел впереди хоть завались. К тому времени, как они ощутили в себе силы двинуться в путь, лес по нижние ветви завалило снегом. Они тратили полдня на полмили, и потому пришлось пересидеть в хижине еще и зиму – питаться олениной и сдерживаться, чтобы не поубивать друг друга.

Лишние месяцы, пожалуй, пошли им на пользу. На юг они двинулись здоровыми, столь же сильными и быстрыми, какими были на Островах, и раны, которые вовсе не должны были закрыться, совсем зажили. К сожалению, внешний мир за девять просиженных ими месяцев и не думал выздоравливать. Гвенна, Талал и Анник даже не представляли, какое вокруг дерьмо.

Ничего хорошего – это они поняли, едва выйдя из северных лесов. Повсюду были ургулы – жгли, убивали, возводили своему богу пыточные алтари и заливали все кровью. Хуже того, уцелел Балендин. Гвенна надеялась, что в кровавой сумятице Андт-Кила кто-нибудь да разрубил изменнику-личу голову. Не так трудно было это вообразить, учитывая размеры схватившихся над озером Шрам армий.

Надежда, как водится, показала себя жалкой сукой.

Они еще не вышли из лесу, когда столкнулись с первыми слухами об ургульском вожде – не из ургулов, темнокожем и темноволосом. О личе, носившем на каждом плече живого черного ястреба, а кровожадностью превосходившего даже ургулов. Всадники звали его Наквальней, но речь, несомненно, шла о Балендине. Против него не устоять, – шептались люди. Он непобедим. Он умеет взмахом руки поджечь целый лес, по шелчку пальцев лопаются головы его врагов.

– Мы могли бы его убить, – предложила Анник.

Гвенна задумалась. Соблазн был велик, но поддаваться соблазнам – быстрый способ умереть.

– Нет, – решила она, – не могли бы.

– Почему?

– Потому что у нас нет птицы и крыло не полное.

– Убить человека можно и без птицы, и без полного крыла.

Талал покачал головой:

– Он не простой человек, Анник. Он сам себя питает силой. Перед ним трепещет весь север, а его этот ужас делает еще сильнее. – Лич мрачно добавил: – Все, что он вытворял на Островах и даже в Андт-Киле... это были цветочки.

– Его нужно наказать, – настаивала Анник.

– Он будет наказан, – сказала Гвенна, – но поскольку наказывать, похоже, выпадет нам, я бы постаралась справиться как надо с первого раза. Нам нужна птица, нужно больше людей и, во имя Хала, нужно понять, что происходит.

– И где нам все это взять? – спросила Анник.

– Начнем с того, что разыщем братишку Валина и вытрясем из него ответы, – ответила Гвенна. – То есть идем в Аннур.

Она приготовилась к ожесточенному спору: Анник станет требовать нападения на Балендина, а Талал – немедленного возвращения на Кирины.

Вместо этого Талал кивнул:

– Хорошо. В Аннур.

Анник только плечами пожала.

Столь быстрое согласие обескуражило и обеспокоило Гвенну. Она не была командиром крыла – после смерти Валина и Лейта и командовать было особо нечем, – но уцелевшие двое по необъяснимым причинам стали принимать ее решения как приказы, будто она не придумывала на ходу, будто у нее в голове была полная и связная картина, а не простое желание как-нибудь дотянуть до завтра. Гвенна-то знала, что ничего подобного нет.

Она не могла понять. И Талал, и Анник превосходили ее в бою. Анник давно стала легендой среди кеттральских снайперов, а Талал... хоть его искусство и не так поражало глаз, он был хорошим тактиком, и ему хватало хладнокровия действовать обдуманно, хотя бы мир вокруг горел огнем. Любой из них лучше ее командовал бы урезанным крылом... но не захотел. Анник могла высказаться по мелким вопросам тактики, но большей частью смазывала свой лук да упражнялась в стрельбе на меткость. Талалу было что сказать на любую тему, но он предпочитал не вести за собой, а советовать. И потому выбирать пришлось Гвенне, которая ни хрена не понимала, что творит. От этого всего она стала дерганой и раздражительной, но что поделаешь? Кто-то, Кент подери, должен решать.

И вот они добрались до Аннура, заняли склад, вломились в Рассветный дворец, а потом в Копье, свалили эдолийцев, охранявших личный кабинет Кадена, подкинули записку и ушли незамеченными. Все это оказалось идиотски, до смешного просто. С величайшей в мире крепостью одна беда – она охрененно большая. В ней тысячи, если не десятки тысяч людей: чиновники с бумагами, чинящие стены каменщики, подстригающие деревья садовники, просители, сдуру вообразившие, будто кому-то есть дело до их прав на рыболовство, поставок риса, гильдейских вольностей и прочего дерьма соленого. Простейший план, толика импровизации, и каждый мог пройти, куда ему вздумается. Гвенна не слишком сомневалась, что почти так же легко убила бы Кадена и любого из членов совета, но убивать его она не собиралась. Во всяком случае, пока – пока не разобралась, что, Хал побери, происходит.

– Как думаете, он нашел записку? – спросила она, ни к кому в отдельности не обращаясь и вглядываясь в полумрак, будто ответ скрывался среди пыльных ящиков с товаром.

Анник вопроса не услышала – возможно, потому, что Гвенна уже задавала его добрый десяток раз.

– Если еще не нашел, так скоро найдет. Эти его монахи... – Талал покачал головой. – Похоже, научили Кадена ничего не забывать и запоминать все в точности.

– А поймет он ее, как думаете?

– Я думаю, – вставила Анник, выдергивая из столба стрелы, осматривая древки и оперение, – что насчет Кадена мы пока ничего сделать не можем. Наше дело – быть в готовности на случай, если он явится.

Гвенна измученно вздохнула:

– Да пошла ты, Анник. Какую тебе еще готовность? Я зарядила все двери и окна, ты скоро перерубишь этот столб стрелами, в ящики мы набили столько стали... – она кивнула на штабеля у стен и прищурилась на лича, – что Талал сумеет... Что ты сумеешь сделать с таким запасом железа?

Талал подошел к одному ящику, тронул ладонью, словно проверил, не горячий ли, помедлил и, не убирая руки, развернулся, прищурился. Пучок стрел, которые Анник держала в кулаке наподобие букета, вырвался на волю, выстроился гусиным косяком и, подрагивая, завис в воздухе.

Лучница и глазом не моргнула.

– Смотри не поломай, – предупредила она.

Талал повел пальцем, и стрелы, пролетев по всей длине склада, воткнулись в доски дальней стены. Этого хватило бы, чтобы его сожгли живьем в любой точке Аннура, кроме Киринских островов. Хватило бы для казни, но едва ли помогло бы победить войско.

Гвенна помрачнела:

– И это все?

– Не так это просто, как кажется.

– Не сомневаюсь. Но чтобы стрелять, у нас есть Анник. Я надеялась, ты мог бы... не знаю.

– Стереть с лица земли целый город? – предположил Талал. – Удержать в воздухе мост?

– И то и другое пришлось бы кстати.

Он покачал головой:

– Гвенна, я тебе не Балендин. С парой набитых сталью ящиков я могу быть полезен, но переломить ход боя моего колодца не хватит. Я больше полагаюсь на них. – Он коснулся рукояти одного из парных мечей у себя за спиной и пожал плечами. – Надеюсь, не понадобится ни то ни другое. У Кадена нет причин нам не доверять.

Гвенна фыркнула:

– Я начинаю думать, что причин людям и не требуется. Лишь бы...

Ее прервал протяжный металлический звон. Не громкий, но хватило и такого. Со вчерашнего дня, когда навесила бечевку с колокольчиками, Гвенна ждала этого звона, даже во сне прислушивалась в одно ухо. Звон означал, что наконец кто-то пришел. Слава Халу, если Каден. И хорошо бы, чтобы его не пришлось убивать.

Она обернулась к своим двум кеттрал, но приказывать не пришлось: Анник с Талалом беззвучно скользнули за штабеля товара по сторонам от двери – снайпер в полунатянутом луком, лич с обнаженным клинком в руке. Самой Гвенне хватило нескольких шагов, чтобы оказаться у деревянного столба, к которому она вывела концы фитилей от разнообразных боеприпасов. Один она подожгла – тот, который горел медленно и тянулся на два десятка шагов к разложенной под дверями взрывчатке, – и сама покрыла это расстояние, легко обогнав шипящий огонек.

Гвенна была уже у двери, когда колокольчик звякнул второй раз. Вынув из поясных ножен кинжал, она через плечо глянула на Талала с Анник, отодвинула длинный железный засов на дверных створках и отступила. Дверь, возмущенно скрипнув, стала зловеще открываться. И почти сразу в нее шагнул человек в плаще с капюшоном, помешкал при виде стоящей перед ним Гвенны и отвернулся, чтобы плотно закрыть за собой дверь.

«Надо признать, – подумала Гвенна, – поганец умеет владеть собой».

– Привет, Гвенна, – сказал пришелец, снова поворачиваясь к ней и откидывая капюшон.

Это был Каден. Она хорошо помнила его по Костистым горам, а если бы и не помнила, его огненные глаза не допускали ошибки. Это был Каден, но прошедшие месяцы изменили и его. Щеки не такие впалые, как раньше, вся фигура полнее. Оно и понятно: правление республикой не обдирает жирок с костей, как беготня вверх-вниз по заснеженным горам. Всякий размякнет, прожив месяц-другой в Аннуре.

«Нет, он не размяк», – поправила, взглядевшись в него, Гвенна.

Кадена, несмотря на упитанность, словно обстругало. Он стал крепче. Гвенна знавала немало крепких мужчин и женщин – убийц, вполне готовых разделаться с целым селением, если задание того требовало. Каден не походил на бойца, держался не так, как кеттрал или Присягнувшая Черепу, но огонь в глазах Малкениана заставил ее вздрогнуть. Виду она, конечно, не подала.

– Привет, Каден.

– Ну и переполох вы устроили во дворце.

– Мне казалось, мы проявили похвальную сдержанность.

– Эдолийцы решили, что ил Торнья наконец подослал к нам легион наемных убийц, – пожал плечами Каден. – Да и я тоже.

– Убийцы бы убивали, – сказала Гвенна. – Кстати, эдолийцы твои более чем бесполезны. Ты бы их заменил.

– На кого? Все до единого аннурские солдаты уже воюют – с частями Адер, или с ургулами, или с племенами на Пояснице или пытаются поддержать порядок в империи. Безуспешно пытаются. Мало осталось свободных.

– Много и не надо. С одного крыла кеттрал было бы больше проку, чем с сотен этих лязгающих болванов.

Каден замялся. Впервые с тех пор, как вошел, он, казалось, не находил слов.

– Что такое? – резко поторопила его Гвенна.

– Где Валин?

Каден медленно повернулся, осматривая небрежно составленные ящики. Гвенна скрипнула зубами. Она предвидела этот вопрос, но отвечать не хотела.

– Он мертв, – сказала она.

Прозвучало это неправильно, жестко и безразлично, но Каден, так его и так, взрослый человек. Ему не надо скармливать правду с ложечки, сдабривая медком.

– Погиб при попытке убить ил Торню, – пояснила Гвенна.

Несколько ударов сердца ей казалось, что Каден не расслышал. Все так же разглядывал ящики и бочки, словно ждал, что из-за них выйдет брат. Или расслышал, но принял за дурацкий розыгрыш или проверку. Гвенна еще пыталась придумать, что бы добавить – хорошо бы что-нибудь убедительное и утешительное разом, – когда он обратил к ней взгляд холодных и пылающих, как сердце огня, глаз.

– Ты уверена?

– Насколько в таких делах можно быть уверенным. Тела мы не нашли, но Андт-Кил тогда был залит кровью, как бойня.

– Значит, остается шанс...

– Так и я думала, – грубо перебила его Гвенна, – до сих пор.

Каден помолчал, глядя на нее.

– Ты думаешь, он бы вернулся сюда, – сказал он наконец.

– Уверена. Единственное, чего не могу понять, как ил Торня его побил. Понятно, что ублюдок великий полководец, но тактический гений – не то же самое, что искусный мечник.

– Он не просто полководец, – ответил Каден.

– Это как понимать?

Каден медленно выдохнул:

– Нам многое надо обсудить.

Гвенна бросила взгляд за его плечо, на закрытую дверь:

– Ты один?

– Более или менее.

– Я надеялась услышать «да».

– Но не рассчитывала.

– Я научилась не полагаться на надежды.

– Им приказано ждать снаружи. Не показываться на глаза.

– Приказы – чудесная штука, – заметила Гвенна, шагнув мимо него, чтобы заложить двойную дверь тяжелым засовом. – Но ты меня извини, я не прочь немного подкрепить их железом.

Запирая дверь, она проследила за его реакцией. Точнее, за ее отсутствием. Мало кто на месте Кадена не задергался бы, входя в замкнутое помещение, захваченное опытными и не факт что дружественными солдатами. Но ей уже стало казаться, что Каден просто не обучен дергаться.

– Засов с виду не так уж прочен, – кивнул он на дверь. – Ты уверена, что здесь безопасно?

Гвенна послала ему еще один взгляд, потом отвернулась и легким движением руки метнула нож – клинок перерубил тонкий темный шнур, проложенный по полу склада.

– Теперь безопасно.

– Зачем это было? – вскинул бровь Каден.

Гвенна в ответ просто указала на шнур. Недолго пришлось ждать, прежде чем из-за ящиков выбежал огонек, яркий как крошечная звезда, пробежал по фитилю, наткнулся на нож, застрял. Плюнул искрами и погас.

– Взрывчатка, – понял Каден.

Гвенна только кивнула.

– А если бы он догорел?

– Меньше слов, – угрюмо бросила она, – больше визга.

Каден еще немного поразглядывал нож, затем проследил тонкую линию фитиля до опор по обе стороны двери.

– Рискованно.

– Рискованно было бы не заложить зарядов, – хмыкнула Гвенна. – Последняя наша встреча прошла без неприятностей, но то было в прошлый раз. Ты выдал несколько... неожиданные политические решения. Откуда мне было знать, что ты не прикажешь другому крылу кеттрал выломать эту дверь, пока мы тут с тобой болтаем?

– Где вы были эти девять месяцев? – серьезно спросил Каден.

– Где-то были, – неопределенно махнула рукой Гвенна.

Он пристально смотрел на нее:

– То есть ты не знаешь?

– Чего не знаю?

– Кеттрал больше нет, Гвенна. Гнездо уничтожено.

Ей словно кирпичом в лицо запустили.

– Смешно. Кто бы посмел напасть на Гнездо? Уничтожить остров, битком набитый кеттрал?

Каден выдержал ее взгляд.

– Другие кеттрал, – мрачно ответил он. – Ваш орден покончил с собой.

– Половина кеттрал поддержали империю, – рассказывал, разводя руками, Каден. – Половина – новую республику. В три дня все было кончено.

Низкий каменный подвал склада вдруг показался темным и душным, неподвижный воздух загустел и не шел в грудь. Анник с Талалом охраняли два входа – оба с оружием наголо, но сейчас они как будто забыли свои посты, уставившись на Кадена.

– Не верю, – покачала головой Гвенна. – Если кеттрал не осталось, кто рассказал тебе эту Кентом драную историю?

– Кое-кто выбрался, – пояснил Каден. – Через несколько дней после сражения прилетела на птице женщина по имени Давин Шалиль. Птица и один из ее крыла умерли на следующий день. Через неделю после того появился еще один солдат, Гент, – в одиночку припыл на шлюпке. Уверял, что дошел на веслах от самых Кирин.

– Где они теперь? Шалиль и Гент.

– Шалиль на Пояснице. Мы дали ей в командование легион. Сообщают, что, если бы не она, тот фронт бы уже рухнул. Гент, когда я в последний раз о нем слышал, был на одном из кораблей, преследующих пиратов.

– Только эти двое? – спросила Гвенна немногим громче шепота.

Каден взглянул ей в глаза:

– Шалиль сказала, что ушли еще несколько человек. И может быть, одна-две птицы. Затерялись. Где, никто не знает.

Гвенна чувствовала, как глаза лезут на лоб. Все Гнездо сгнуло. Она не могла в это поверить. Острова были самым безопасным местом на свете, единственным клочком земли, посягнуть на который не пришло бы в голову никакой империи, ни одному королевству. Да, но Каден говорил не об империях и не о королевствах.

– Разумно, – тихо проговорил Талал.

Гвенна обернулась к нему:

– Может быть, это похоже на правду, но что ты здесь находишь разумного?

– Подумай хорошенько, Гвенна. Поставь себя на место одного из крыльев на Островах. Ты знаешь: враг прошел ту же подготовку, что и ты. Ты знаешь, что у него, как и у тебя, есть птицы. Ты знаешь, что у него, как и у тебя, оружия и взрывчатки хватит на штурм небольшого города...

– И что враг на это готов, – ровным голосом добавила Анник. – Это важно.

Талал кивнул:

– Ты знаешь, что они готовы напасть, потому что сама на их месте поступила бы так же.

– Готова, – возразила Гвенна, – не значит нападению. Эти люди всю жизнь прожили на одном острове, сражались на одной стороне. Дали бы себе труд поговорить вечером, нашли бы выход.

– Опасно, – заметила Анник. – Если ты готовишься к переговорам, а другой к бою, ты побежден.

– Побежден, – сказала, как плюнула, Гвенна, – это когда уничтожено все крыло, поцелуй его Кент.

– Верно, но для переговоров нужно доверие. – Талал покачал головой. – Гнездо нас многому научило, но доверию отводилось маловато места в программе.

Гвенна выругалась, повернулась к Кадену и повторила:

– Вот дерьмо!

Если Кадена и заботила судьба Гнезда, по нему это было не заметно.

– В конечном счете, – помолчав немного, заговорил он, – все сложилось для нас удачно.

– Удачно? – зарычала Гвенна. – Что тут удачного, сукин ты сын?

– Я сожалею о ваших друзьях, – ответил Каден, – о гибели ваших знакомых, но если бы ил Торнье достались кеттрал, уцелевшие и верные ему крылья, нам конец. Мы бы против него не выстояли.

– Не знаю, так ли это плохо, – огрызнулась Гвенна. – Не питаю любви к кенарангу, но по всему, что мы слышали в пути, с этой твоей республики проку еще меньше, чем с имперской задницы Адер. Та вместе с ил Торнией хоть сдерживают Кентом драных ургулов.

Каден сдвинул брови:

– Ургулы – не единственная угроза. И даже не главная.

– Просто ты не бывал у них в плену. – Гвенна ткнула в него пальцем. – А мы не одну неделю проторчали в их лагере. Длинный Кулак, дери его Ананшаэль, заставлял нас с Анник участвовать в его мерзотных ритуалах.

Она покачала головой, не находя слов для идиотской глупости Кадена.

– Ты, может, не понимаешь, – выдавила она наконец. – Взгромоздился на трон и не видишь...

– Нетесанный трон теперь пустует, – перебил он, – а я уже не император.

– Как удобно! А будь ты императором, мог бы знать, что с ними Балендин. – Гвенна вздернула бровь. – Припоминаешь Балендина?

– Эмоциональный лич, – кивнул Каден. – Кеттрал.

– Да, хотя теперь бывший. Мерзавец перекинулся к ургулам.

– До нас доходили слухи об одном из заместителей Длинного Кулака. О личе. Но надежных сведений не было.

– Так вот тебе надежные: Длинный Кулак – опасный чокнутый ублюдок, а Балендин – хорошо если не хуже его. И по мере того как легенды о нем расходятся все шире, он набирает силу... – Гвенна махнула Талалу. – Объясни ему.

Талал внимательно посмотрел на Кадена:

– Ты знаешь, что Балендин – эмоциональный лич. Он черпает силу из чувств людей, особенно если эти чувства направлены на него и люди находятся поблизости.

– Я не забыл Костистые горы, – снова кивнул Каден.

– Только в Костистых горах нас, из кого он высасывал силу, была горстка, – угрюмо добавил Талал. – А теперь у него сотни и тысячи. Легенда разрастается с каждым днем и дает ему силу. Если он прорвет северный фронт, станет еще хуже. Пока дойдет до Аннура, он сравняется могуществом с Аримом Гуа, с величайшим из атмани. Если не превзойдет его.

– И это, – перебила Гвенна, – угроза, которую ты называешь меньшей, чем ил Торнья, в одиночку сдерживающий сейчас тех ублюдков.

– Я не знал... – заговорил Каден и замолчал.

В его пылающих глазах, в непроницаемой манере держаться проступило что-то новое. Гвенна пыталась понять, что видит. Гнев? Страх? Она не успела подобрать слово, а все уже прошло.

– Так почему же ты считаешь такими опасными свою сестру и ее генерала? – наседала Гвенна.

– Может, они и не так опасны, – тихо признал Каден, – в сравнении с описанной тобой угрозой.

Гвенна настороженно всматривалась в лицо Кадена. Она требовала от него закрыть глаза на убийство отца, на ревность к похитившей его трон сестре. Это немало. Ей представлялось, что убеждать его придется не один час, если в таком вообще возможно убедить. А он в мгновение ока принял и усвоил новые обстоятельства.

– И все же ты не оказываешься от войны с Адер. – Она покачала головой.

– На самом деле отказываюсь.

– В каком смысле?

– В таком, что совет предложил ей перемирие. Не просто перемирие – мирный договор. Конец военным действиям. Ей возвращают Нетесанный трон со всеми титулами и почестями, а за советом остается законодательная власть.

– То есть вы будете принимать законы, а она – следить за их исполнением?

Каден кивнул.

– Ничего не выйдет, – бросила от дверей Анник, не потрудившись оглянуться.

– Почему нет? – обратился к ней Каден.

– Тот, у кого власть, уничтожит того, у кого власти нет.

– Соглашение предусматривает разделение властей.

– Разделение властей! – фыркнула Гвенна. – Звучит многообещающе.

– Только что ты сама меня уговаривала помириться с Адер и ил Торньей.

– Я имела в виду соглашение, которое продержалось бы дольше недели.

Каден не стал отвечать. Ей показалось, что он очень долго рассматривает ее через стол. Гвенна выдержала его взгляд, отринув искушение заполнить пустоту словами. Если он умеет держать паузу, так и она не хуже.

– Зачем вы вернулись? – спросил он наконец. – В Аннур.

– Узнать, что на самом деле происходит. – Помолчав, Гвенна договорила: – И проверить, нет ли здесь Валина – вдруг бы он как-то уцелел.

– А теперь, когда вы знаете, что происходит, – тихо спросил Каден, – и убедились, что Валина нет в живых, что будете делать?

Он ничем не показал, что его заботит смерть брата.

Гвенна обернулась через плечо на Анник, на миг перехватила взгляд Талала и снова повернулась к Кадену.

– Это мне нужно обсудить с крылом.

– А если я дам вам судно для возвращения на Острова?

– Бой будет здесь, – откликнулась от двери Анник, – а не в Гнезде.

– И с кеттралами у нас было бы больше надежды на победу, – кивнул Каден. – Вероятно, ход сражения переломили бы даже две-три птицы. С них можно следить за передвижением

войск, быстрее передавать приказы, можно было бы попробовать даже... добраться до Длинного Кулака или Балендина – не пришлось бы пробиваться сквозь все ургульское войско.

Гвенна взглянула в его бесстрастное лицо и отвернулась, сосредоточившись на кружащих в воздухе пылинках и силясь отделить мысли от чувств.

– Разумно, – нарушил молчание Талал. – Если несколько птиц пережили битву, они остались на Островах. Они не бросят гнездовий.

– Судно я вам найду, – добавил Каден. – Будьте готовы отчалить с утренним отливом.

Гвенна сердито мотнула головой:

– Плыть туда целую вечность, а Анник верно сказала: бой будет здесь, и вот-вот. Почему ты тянул с этим девять месяцев?

– Мы не тянули, – ответил на ее взгляд Каден. – Мы послали полдюжину экспедиций.

– И?

– И ни одна не вернулась.

– Что с ними случилось? – спросил Талал.

– Не представляем, – покачал головой Каден.

– Давай напрямик, – предложила Гвенна. – Ты посылал Давин Шалиль на Острова за птицами, а она взяла и пропала, на хрен?

– Нет. Шалиль вызывалась, но совет не принял ее предложения. Она – кеттрал высшего ранга, она уцелела и вернулась в Аннур. Она и без птицы слишком ценна, чтобы так рисковать.

– А нами можно рискнуть, – заключила Гвенна.

Каден не отвел глаз:

– Да, вами можно. – Он поднял бровь. – Вы согласны?

– Вот дерьмо... Что ж. – Она повернулась к своим. – Талал? Анник?

– Не вижу выбора, – серьезно ответил лич.

Анник молча кивнула.

Гвенна еще секунду разглядывала обоих. Опять, Кент побери, решать выпало ей.

– Отлично, – наконец сказала она. – Что бы нас там ни ждало, не помрем, если сами не завалим дело.

7

– На двадцати шагах, – мрачно повторил Лехав. – И с оружием наготове.
– В пятидесяти шагах, – покачала головой Адер. – И чтобы клинки не на виду.
– Это сумасшествие. Пока мои люди подспеют, толпа вас десять раз растерзает.
– Для этого понадобится весьма сплоченная толпа, Лехав. Или ты выберешь сотню самых нерасторопных из своих людей?

Солдат много раз напоминал ей о своем новом имени, явленном ему во сне богиней Интаррой: Вестан Амередад, Щит Верных. Адер все равно звала его так, как он представился ей при первой встрече, когда оба по щиколотку вязли в грязи Ароматного квартала Аннура.

Щит для верных – это замечательно, но слишком много вокруг было новых имен и новых личин, ложь и жизнь ртутью перетекали друг в друга, скрывая истину и прошлое. Могла она хотя бы Лехаву называть именем, полученным от матери, когда тот еще корчился в родовой крови, зная не зная об Аннуре, об Интарре и о самой Адер? Странно было настаивать на таком пустяке, но Адер в нареченном имени виделась некая честность, а кругом было не так много правды, чтобы легко от нее отказываться.

Он был молод, этот командир Сынов Племена, – может, лет на шесть старше Адер, – но у него были руки солдата и глаза фанатика. Адер видела, как он бичует своих людей за расхлябанность и за богохульства; видела, как он преклоняет колени в снегах Эргада, молясь богине в рассветный час и в сумерках; видела из своей башни, как он объезжает стены, выдыхая пар на морозе. Она не забыла, как почти год назад, в Олоне, он грозил отправить ее в огонь. При всей молодости он был крепче большинства известных ей людей, и долг ее защитника исполнял с тем же ледяным тщанием, что и все задачи своей жизни.

И сейчас он, не сводя с нее взгляда, покачал головой:

– Сотня, на которую вы мне дали разрешение, – самая надежная, но это сто человек против всего города. Ваше сияние.

Он, командир Сынов Пламени, все еще спотыкался на титуловании. В его речах не было непочтительности, но каждый раз, как и сейчас, он будто не сразу вспоминал, как к ней следует обращаться. Казалось, ему не было дела до ее титула.

Это служило полезным напоминанием – если бы Адер нуждалась в напоминаниях – о зыбкости ее положения. Ил Торнья со своими легионами сражался за нее потому, что она принадлежала к династии Малкенианов – единственная из Малкенианов согласившаяся воссесть на Нетесаный трон. А Лехав с Сынами Пламени и прежде не доверяли империи. Они пошли за Адер из-за случившегося у Негасимого Колодца, из-за светящихся шрамов на ее коже, из-за огня в ее глазах. Они поверили в знамение Интарры. Империя, которую она так упорно отстаивала, для них была в лучшем случае привходящим обстоятельством. Без империи они бы обошлись.

– Да, последние девять месяцев мы проторчали в Эргаде, – сказала Адер, – но Аннур – мой город. Моя столица. Я там выросла.

– Я тоже, – напомнил он, – и с малых лет выучился ему не доверять. Ни Аннуру, ни аннурам.

– Хорошо. – Адер не сводила глаз с раскинувшегося на юге города. – Твое дело не доверять, а охранять меня.

Это тоже было новостью. В Эргаде ее охраняли два десятка гвардейцев-эдолийцев, которых Фултон успел собрать, проходя через город год назад. Адер не имела причин не доверять их верности и профессионализму, но после Аатс-Кила стала их опасаться.

Валин тогда сказал, что за Каденом явился отряд эдолийцев, что эдолийцы при неудавшемся покушении на ее брата перебили почти две сотни монахов. Охранявший ее с детских

лет эдолиец Фултон десятки раз доказал свою верность – доказал и своей смертью. Остальные же ей были всего лишь смутно знакомы – множество рослых мужчин в блестящих доспехах. Эдолийцы присягали императорскому дому, но Адер не забыла, что основал эдолийскую гвардию – сотни лет назад и под другим именем – Ран ил Торнья.

А вот Сыны Пламени были ее людьми – ради мира с ними она рискнула собой в Олоне, и они пошли за ней на север, сперва против ил Торнья, затем – в отчаянной борьбе против ургулов. Вот уже почти год они выступали под ее знаменами, с песнопениями и молитвами охраняли ее лагерь и замок, проливали кровь и гибли за богиню света и за Адер, в которой видели пророчицу Интарры. И потому она взяла с собой на юг, в Аннур, Сынов Пламени, а эдолийцев особым отрядом отправила против ургулов.

Переход до Аннура вымотал ее, и не только физически. Долгие мили от Эргада до столицы на все лады показывали, как подвела Адер свою империю. Стояла весна, но половина полей не дождалась вспашки – крестьяне разбежались, не то от ургулов, не то в страхе перед разбойниками. Они проехали три сгоревших дотла селения и что ни день натыкались на мертвецов, то гниющих в придорожных канавах, то повешенных на ветвях черных сосен. Ей редко удавалось понять, убиты они преступниками или беспощадными судьями.

Да и разницы большой не было. Аннур рушился, и, как ни пугала Адер столица и ожидавшая ее там судьба, она с каждой милей все крепче уверялась, что должна возвратиться – сделать хоть попытку залечить раздиравший ее народ раскол. Каждое попавшееся на дороге тело шпорой било ее в бок, каждый сгоревший дом с упреком торопил: спеши, спеши! И вот они прибыли – пришла пора узнать, переживет ли она скоропалительное возвращение.

– Твоей сотни, Лехав, – тихо сказала Адер, – хватало, чтобы защитить меня в пути. Но не здесь.

– Едь мы ближе к вам, – сказал он, – могли бы сбиться в достаточно плотную цепь...

Она остановила его, тронув за плечо:

– Лехав, на городских улицах нас дожидается десятитысячная толпа, и ты не помешаешь ей разорвать меня в клочья, как бы близко ни держались твои люди.

Она говорила легко, наперекор сводившей живот судороге. За девять месяцев эргадского изгнания Адер почти забыла, как велика столица империи – раскинувшиеся на половину Перешейка храмы и башни, дома и хижины. Вошедшему в город через Западные ворота до Рассветного дворца, до его красных стен, омываемых водами Разбитой бухты, оставалось едва не полдня пути по дороге Богов, и с севера на юг город растянулся почти на ту же длину.

Конечно, все это не всегда называлось Аннуром. Стоя посреди имперской дороги, Адер и сейчас различала отдельные скопления построек. Прежде это были городки и селения: Сто Цветов, Нефрит, Старый Журавль и Новый Журавль – каждый со своей рыночной площадью, со своими невысокими храмами, каждый подчинялся своему правителю, совету купцов или мэру, пока разбухший от собственных успехов Аннур не поглотил их.

За сто лет землю между селениями – прежние поля и пастбища – новая волна горожан застроила бараками и тавернами, создав тесные кварталы, подчиненные собственной логике или ее отсутствию. Новые дома возводили на старых фундаментах, а между ними тянулись кровли крытых рынков, так что отсюда до маячившего в легкой дымке моря не было видно земли – ее покрывали северные предместья Аннура.

Адер могла бы целый день разглядывать их. Но вот беда – заглянуть за них ей не удалось. На ровной пашне, где она остановилась, не было ни пригорка, открывшего бы обзор за жилищами новых горожан и позволившего бы заглянуть в сердце города.

Она видела теснившиеся один к другому небогатые дома, изредка между ними проглядывала башня, блестели ярью-медянкой крутые крыши особняков Кладбищенского квартала, и надо всем, ножом, воткнутым в брюхо неба, сверкало Копье Интарры.

Красноватое вечернее солнце играло в стекле его стен, раскалывалось и преломлялось, так что башня светилась, словно подожженная изнутри. Вершина, чаще скрытая облаками или туманом с Разбитой бухты, сегодня была видна – на этом немыслимом расстоянии тонкая, как кончик иглы. Адер не раз стояла на этом острие: дважды в год в дни солнцестояний, когда на верхней площадке разжигали огонь, а еще маленькой девочкой она смотрела с этой башни на город, подожженный по приказу отца. Теперь все это представлялось сном, словно башня была ей не домом, а чужим, невообразимо далеким отголоском другой земли и другой жизни.

Адер оторвала взгляд от Копья, чтобы продолжить спор с Лехавом.

– Я доверяю тебе и твоим людям, – тихо сказала она, – а больше всего я полагаюсь на волю богини.

Строго говоря, она лукавила, но Лехав обычно принимал подобные отговорки. Однако на сей раз он покачал головой:

– Не сравнивайте веру в богиню с доверием, которое оказываете мне. – Он махнул рукой в сторону города. – Даже стоя во время переговоров у вас за спиной, я не сумел бы гарантировать безопасность. Слишком много неизвестных, слишком много направлений атаки, слишком...

– Об этом я и говорю! – перебила его Адер.

Лехав осекся.

– Я не требую гарантий, Лехав, – заговорила Адер, старательно смягчая голос. – Мы оба сделаем все, что в наших силах, а хранить нас или нет, решит Интарра. Я прошу тебя вести Сынов в отдалении, чтобы аннурцы увидели во мне уверенную в себе и в них императрицу, вернувшуюся домой.

– Императорам полагается стража. Ваш отец не выезжал в город без охраны.

– Моему отцу выпало спокойное царствование. Он крепко сидел на троне и мог пренебречь внешним впечатлением.

По правде сказать, слово «пренебречь» было не самым подходящим. Санлитун правил обдуманно, предусмотрительно, можно сказать, с осторожностью. А вот для Адер осторожность стала непозволительной роскошью. За год ее отсутствия не было ни дня, когда Шаэлем сплюнутый совет не распространял бы о ней гнусные слухи. Ее лазутчики поначалу даже не решались повторить при ней этих слов, не без оснований опасаясь, что такая дерзость перед лицом императора может стоить им и должности, и жизни. Но Адер требовала неприкрашенной правды. Чтобы служить своему народу, чтобы им управлять, она должна была понимать его мысли – и потому выслушивала все.

Шлюха ил Торньи, постельная кукла при толковом генерале. Лич, противоестественной силой убившая Уиниана, а позже подстроившая «чудо» у Негасимого Колодца. Она якобы сама прикончила Санлитуну – заманила отца в храм света и зарезала во время молитвы. Ей платят Антера, Манджари, Объединенные Города (о том, кто именно, каждый держался своего мнения, но все сходились, что цель подкупа – уничтожить Аннур, предать империю в руки старинных врагов).

Бесконечный поток лжи утомлял и бесил ее. Девять месяцев отстаивать Аннур от ургулов и слышать при этом, что она замышляет его гибель... Ей хотелось заорать, схватить кого-то за глотку и трясти, притащить в столицу полдюжины всадников, поцелуй их Кент, и выпустить на улицы – пусть ублюдки полюбуются, какой ужас она отгоняет от них день за днем!

Заныли костяшки пальцев, и Адер, опустив взгляд, увидела, что стискивает поводья, выкручивает их так, что ремень врезается в кожу. Она медленно расслабила руки. Вина – на совете, а не на народе Аннура. Трудно винить лавочников и прачек, ремесленников и каменщиков за то, что поверили лжи своих вождей. Ведь никто из них на севере не бывал. Они не знали Адер, не могли заглянуть ей в голову. Если кто из них и видел Малкенианов, то разве что во главе процессии, из-за толпы и цепи солдат и гвардейцев.

Теперь она это исправит, проехав городскими улицами одна. Покажет им себя.

Она глубоко вздохнула и покосилась на Лехаву, гадая, заметил ли тот ее волнение. Может быть, он и наблюдал за ней раньше, но сейчас смотрел на город.

– Я не ищущ смерти, – сказала она напоследок. – Но мы на войне, Лехав. Я ничего не понимаю в оружии и построениях, но знаю, что нельзя вступить в сражение без риска. Послушай моего слова, и хорошо послушай: нам не пережить этого сражения – ни тебе, ни мне, ни нашим людям, – если горожане не увидят во мне женщины, верящей в себя, в империю и в них.

– Они дурачье, – ответил солдат. – Сами не знают, во что верят.

Адер невесело покачала головой:

– Мой отец однажды сказал, и я запомнила: «Если народ глуп, значит его вожди не оправдали доверия».

Долгое время к ней никто не обращался. Она ехала серединой шумной улицы в клубящейся тишине. Встречные – лавочники, тележники, метельщики, торговцы зеленью – отводили глаза, не желая встречать ее взгляд. Ей это было не внове. Адер всю жизнь видела, что людям не по себе от ее глаз. Даже высшие министры и атрепы старались разойтись с ней, глядя мимо и ускоряя шаг при ее приближении.

Так продолжалось долго: целый город отказывался взглянуть ей в глаза. Зато люди устремлялись за ней, слетались, как птицы на крошки, держались в безопасном отдалении, перешептывались, шипели, чуть слышно спорили, десятками и сотнями отвлекаясь от дневных дел в надежде на празднество или кровопролитие.

«Пусть будет празднество», – молилась про себя Адер.

Не вышло.

К тому времени, как они добрались до дороги Богов и двинулись в сторону тяжеловесного мраморного памятника Анлатуну, от которого улица сворачивала к востоку, слух о ее появлении разлетелся по городу, и следовавшие за ней кучки людей слились в толпу. Из боковых улочек и переулков выливались все новые люди и замирали, неожиданно увидев ее, шаркались назад, умолкали. Каждый выглядел потрясенным, словно до сих пор не верил словам соседа: «Последняя из Малкенианов. Одна в городе. Едет на юг». Но изумление проходило, и толпа обступала ее плотнее.

Когда дорога Богов повернула, сердце у Адер заколотилось о ребра. Она потеряла из вида Лехаву и его Сынов. Они никуда не делись, просто сгнули в человеческих волнах – так близко, что услышали бы ее крик, но едва ли сумели бы прийти на помощь. Адер начинала сомневаться в благоразумии своего решения, но сейчас было не время для сомнений. Она вернулась в Аннур. На нее смотрели тысячи глаз. Две тысячи. Пять. Не счесть. Голоса звучали громче – так громко, что она едва улавливала стук подков по широким плитам мостовой. Она с трудом удерживалась, чтобы не вытереть об одежду потные ладони, и смотрела строго перед собой, на далекое Копье Интарры.

«Хорошо хоть не взяла Санлитуна».

От этой мысли ей стало спокойнее. Что бы ни случилось с ней в растущей толпе, сын за сотни миль отсюда, в Эргаде, за крепкими замковыми стенами и под присмотром Ниры.

«Он в безопасности», – напомнила себе Адер.

И тут ударил первый камень.

Он попал ей в бровь – горячая слепящая боль чуть не свалила ее с коня. В этот момент всех сил Адерхватило лишь на то, чтобы держаться прямо. Она ничего не видела за белизной вспышки. В седле ее удержала чистая удача, благосклонность богини или сила воли. Кровь горячо растеклась по щеке. Живот сжался, взбунтовался, она уже думала, что ее вырвет. А когда сумела подавить рвоту, расслышала, что толпа раз за разом повторяет одно и то же страшное слово: «Ти-ран, ти-ран, ти-ран».

Лошадь бы понесла, не натягивай она так крепко поводья. Если толпа решит, что Адер пытается бежать, ее порвут. Хотелось съежиться, свернуться в комок, закрыть руками окровавленное лицо, пока не полетел следующий камень. Но она, сдержав лошадь, выпустила поводья и медленно развела руки, показывая толпе, что беззащитна. Люди на миг притихли, и в этой тишине она заговорила:

– Вы зовете меня тираном. Разве тиран возвращается один и безоружный в ненавидящий его город?

Ее слова были слышны не более чем на десять шагов, но Адер видела, как они подействовали на тех, кто стоял вблизи. Люди растерялись, смутились и, похоже, рады были бы откатиться подальше – подальше от готовой разразиться бури. Но толпа напирала на них сзади, своей тяжестью тесня к Адер.

«Никогда не обращай к толпе, – послышался ей размеренный голос отца. – Тем более к многотысячной толпе. Говори с одним человеком».

Сквозь дымку боли Адер наугад выхватила тощую немолодую женщину с корзиной на бедре – одну из тысяч любопытствующих аннурцев. Адер перехватила ее взгляд и, опершись на него, как на столб или копейное древко, заговорила снова:

– Мои генералы предлагали мне идти с войском, но я пришла без войска. Мои телохранители хотели окружить меня стальным кольцом – я отказалась. Мои советники уговаривали войти в Аннур переодетой или прокрасться по улицам ночью, пряча глаза и закрыв лицо. – Она еще выше вздернула подбородок (кровь обжигала щеки, в голове билась боль; она боялась, что все же упадет с седла). – Я на это не пошла. И не пойду.

Еще один камень оцарапал ей подбородок. Третий – меньше двух первых, зато острый, как нож, рассек щеку под глазом. Лицо умылось кровью. Кровь капала на рукава, на кожаное седло. Лошадь, учуяв ярость толпы, снова пыталась взбрыкнуть, фыркала, вскидывала голову в поисках выхода.

Бедная скотина не понимала, в ее сумрачном животном сознании не укладывалось, что выхода нет. И никогда не было. Не было с тех пор, как Адер бежала из Рассветного дворца. С тех пор, как ил Торнья зарезал ее отца.

«А теперь они убьют меня, – думала Адер. – Вот где я умру – на улице родного города».

Плотная ненависть толпы колебалась под собственным весом. Еще миг, и эти тела хлынут к ней, затопят узкий проход, по которому она ехала. Полетит еще один камень, и еще, и еще, пока ее наконец не соьют с седла. Лошадь снова фыркнула – еще немного, и забьется в панике. Адер пятками толкнула ее вперед – умирать лучше в движении, чем стоя смирно. Шаг. И другой. К ее удивлению, кольцо вокруг нее не стягивалось.

Она попробовала прочесть, что выражают лица вокруг. На них были гнев, удивление, недоверие: скривленные рты, сощуренные глаза, тычущие в нее пальцы. Кто-то снова выкрикнул: «Тиран», но его не поддержали. Они ее не любили, но пока любопытство заглушало ярость. Это был шанс. За него и ухватилась Адер.

– Я, – выкрикнула она, – пришла исцелить рану на сердце Аннура, исправить вред хотя бы ценой собственной жизни.

– А не потому ли, что тебя погнали с севера ургулы? – с издевкой протянул стоящий в двух шагах мужчина (крупное скособоченное лицо, косматая борода).

Адер встретила его взгляд:

– Мои войска удерживают северный фронт...

Ее оборвали крики боли и паники, рев солдат и грохот копыт. Люди оборачивались в растерянности и страхе, и Адер тоже обернулась, высматривая, откуда этот шум. Ужас обрушился на нее при виде конных – ужас, что Лехав послушался приказа, что сумел собрать Сынов для отчаянного прорыва сквозь море тел.

Но всадники приближались, и Адер уже видела, что это не Сыны Пламени. Конники врезались в толпу, размахивая дубинками и мечами, но мечи опускались плашмя. И доспехи были не те, что у Сынов, – сплошная сталь без бронзовых накладок, – и для Сынов их было слишком много, три, если не четыре сотни, и они все выливались из боковых улиц, с бранью избивая аннурцев, не разбирая мужчин и женщин.

Ясно было, что они не настроены убивать, но закаленная сталь тяжелого клинка и плоской стороной могла прикончить человека. Адер задохнулась, когда боевой конь, вздыбившись, копытом раздробил голову какой-то женщине. Мужчина рядом пронзительно завопил в горе и ужасе, пытаясь закрыть жену собой, защитить ту, которая уже не нуждалась ни в какой защите. Дубинка ударила его в затылок, и он упал, все еще обнимая женщину, и тяжелые сапоги и беспощадные конские копыта скрыли обоих.

– Стойте! – выкрикнула Адер. – Прекратите!

Рвота подступила к горлу, в ужасе она забыла о боли.

– Перестаньте!

Бесполезно. Толпа, мгновения назад готовая убивать, смешалась, начисто забыв об Адер. Сейчас люди думали только о бегстве. Мужчины и женщины в смятении натыкались на ее коня, цеплялись за ее колени, повисали на стремянах и седле, лишь бы выбраться из давки. Кто-то ухватил ее за ногу, с бранью отбросив назад мальчишку лет десяти. Адер дернулась, вырвала ногу и пнула мужчину в лицо. Тот заорал, захлебнулся кровью из носа и упал под ноги другим. Еще не мертвый, но обреченный.

Люди рвались к уходящим от дороги Богам улицам, ныряли в подворотни и вламывались в лавки, карабкались на подножия статуй, выбираясь из безумной, убийственной давки, а солдаты все продвигались вперед, блестя оружием и начищенными доспехами, и в косых лучах вечернего солнца их мечи поднимались и опускались вновь и вновь.

Наконец один солдат, меньше других ростом, зато оказавшийся к ней ближе всех, поднял дубинку, указывая на Адер.

– Сюда! – рявкнул он через плечо. – Малкениан здесь!

Едва ли была нужда так орать.

«Все кончено, – поняла Адер, – вот так».

Оглушительно шумная дорога Богов стала ужасающе тихой. Солдаты смыкались вокруг Адер, но та их почти не замечала. Она смотрела на мертвецов.

Десятки скорчившихся на земле тел. Иные еще шевелились, стонали или тягостно всхлипывали. Но больше было неподвижных. Вот мертвый мальчик с вывернутой, как сломанное крыло, рукой. Вот растоптанная женщина – сквозь кожу и одежду непристойно белеют сломанные ребра. На плитах мостовой лужами растекалась кровь.

Маленький солдат послал коня прямо по трупам, по обнявшимся в смерти мужчине и женщине, и натянул поводья рядом с Адер. У той мелькнула мысль о бегстве, но бежать было некуда. И тогда она повернулась к нему.

Он, пыхтя, стянул шлем, открыл потное лицо. На виске под волосами была ссадина – он ее как будто не замечал. Его загоревшиеся от закатного солнца глаза были устремлены на нее.

– Неужто вы так спешили меня убить, – удивляясь своему недрогнувшему голосу, заговорила Адер, – что понадобилось топтать своих?

Солдат замаялся, дубинка повисла в его руке. Он скользнул взглядом по трупам и снова обратился к Адер:

– Убить вас?

– Или пленить, – холодно ответила она. – Заковать в цепи.

Солдат покачал головой – сперва медленно, потом горячо протестуя:

– Нет же, ваше сияние! Вы не поняли! Нас послал совет.

– Знаю, что совет, – давясь тошным ужасом, ответила Адер (кто еще мог их послать?).

– Нас отправили сразу, как узнали, собрали в спешке. Как только услышали, сразу послали нас.

Адер уставилась на него.

«Я дура».

Холодная мысль оплеухой хлестнула ее по лицу. По залитому кровью, горящему и липкому лицу. Она провела ладонью по лбу. Ладонь стала мокрой.

– Вы тяжело ранены, ваше сияние? – спросил всадник (спросил встревоженно, если не испуганно).

Адер разглядывала яркую кровь на смуглой ладони. Посмотрела, потом опустила взгляд на мостовую, на десятки растоптанных насмерть, скорчившихся в панике тел с выкаченными глазами.

«Я дура, и убила их своей дуростью».

Правда, они готовы были убить ее. Возможно, и убили бы, не подоспей солдаты. Все равно. Это были ее люди. Аннурцы. Мужчины и женщины, которых она, про себя и прилюдно, клялась защищать, а они погибли, потому что она безрассудно решила с триумфом въехать в родной город. Воображала, что рискует только собой.

Глупо, глупо, глупо.

– Теперь вы в безопасности, ваше сияние, – говорил всадник.

Он повесил дубинку на пояс и низко склонился перед ней в седле. Остальные окружили ее заслоном в десять рядов. Адер не знала, какого врага они готовились встретить.

– С нами вы в безопасности, – повторил солдат.

Адер покачала головой, не сводя глаз с одного из трупов. Это была женщина – та самая, которую Адер выделила из толпы и с которой заговорила. Карие глаза бессмысленно смотрели в небо.

– В безопасности... – повторила Адер; она захлебывалась рвотой и слезами, но императоры Аннура не блюют и не рыдают. – В безопасности.

Второй раз слова прозвучали тише и оставили на языке едкий привкус.

8

Стоя на носу «Вдовьей мечты», Гвенна щурилась на горизонт. Над головой было чисто, но уходящий шторм и грядущая ночь превратили восточное небо в багровый синяк темнее самого моря. За мелкой бегучей рябью она не различала земли, хотя примостившиеся на таке-лаже чайки знаменовали близость суши.

– Отсюда пойдем на шлюпке, – сказала Гвенна, повернувшись к капитану.

Квен Руан поднял косматую бровь:

– Не советовал бы.

– Я не спрашиваю совета.

Гвенна ничего не имела против Руана. Двенадцать дней плавания она и ее крыло видели с его стороны только уважение и даже почтение. Он благополучно провел судно через нале-тевший с востока Разбитой бухты шквал, людей держал в строгости и не задавал вопросов. Однажды под вечер Гвенна видела, как он, обвязавшись веревкой, нырнул в тихую воду за плывущим по волнам пером альбатроса. «Это для дочки, – пояснил он, когда матросы вытащили его на борт. – Она никогда таких не видела». Руан был хороший моряк. Возможно, и человек хороший. Тем больше причин не вести его на погибель.

– Не знаю, что вам сказали насчет этого рейса... – заговорила Гвенна.

Руан остановил ее, подняв руку:

– Я иду, куда велено. И все. В этот раз мне было велено доставить вас на Кирины, а Кирины еще в тридцати-сорока милях к востоку – смотря сколько мы прошли за сегодня. Увидим после заката, когда звезды выйдут. Так или иначе, для шлюпки слишком далеко.

Гвенна фыркнула:

– Мы с Гентом как-то прошли на веслах сто миль, а мне тогда и тринадцати не исполнилось. Нам того и надо, чтобы далеко, капитан. Те, кто подходил к Островам слишком близко, не возвращались.

– Я сознаю риск, – ответил Руан, подтянувшись и озирая волны так, словно ожидал увидеть поднимающиеся над волнами верхушки парусов.

– Ну а нам рисковать ни к чему. Вами, во всяком случае. Спускайте шлюпку на воду, и мы оставим вас в покое.

Руан колебался. Гвенна видела в его сомнениях гордость, нежелание оставлять недоделанной честную работу и бежать от невидимой угрозы. Храбрый человек, но к такому его не готовили.

– Это не просьба, капитан, – сурово добавила Гвенна.

Он встретил ее взгляд, отрывисто кивнул и развернулся, чтобы отдать короткий приказ полудюжине палубных матросов. У него была хорошая команда, и солнце не слишком приблизилось к западному горизонту, когда шлюпка закачалась под бортом, притираясь к большому судну, как утенок к матери. Два бочонка – большей частью еда, вода – и еще запасное оружие упаковали за неделю до того, и Талал мигом закрепил их под шлюпочными банками.

– Лучше вам идти под парусом, – сказал Руан. – Хотя бы часть пути.

– Нет, – покачала головой Гвенна.

Она было отвернулась, но капитан придержал ее за плечо. Девушка успела дотянуться и наполовину вытащить из ножен нож, прежде чем разум остановил вбитый в тело рефлекс. Руан посмотрел на нее, пожевал губами и убрал руку.

– Мир и впрямь перевернулся вверх дном, – проговорил он. – И все же не каждый норовит вас убить.

– У меня другой опыт, – с усилием пожала плечами Гвенна.

Он долго разглядывал ее.

– Сколько вам лет?

– Какая разница? – не отводя глаз, спросила Гвенна.

Моряк медленно покачал головой:

– Пожалуй, что никакой. – Он взглянул на восток, туда, где за горизонтом лежали Острова. – Что вы надеетесь там найти?

– На третью неделю вы вздумали задавать вопросы? – удивилась Гвенна. – Осведомленность убивает не хуже ножа.

Он не смутился:

– Просто хотел знать, много ли шансов.

– Смотря о чьих шансах речь.

– У нас, – серьезно ответил он.

– У вас и у меня?

– У Аннура.

Гвенна готова была отделаться шуткой, но остановила себя. Он задал честный вопрос и заслужил честного ответа. Она перевела взгляд на шлюпку. Талал с Анник уже спустились. Лич сел на весла, снайпер устроилась на носу, небрежно держа в одной руке лук. Свет быстро гас, низкое солнце загло гребешки волн на востоке, а темные ложбины между ними казались царапинами на лице моря. Где-то за волнами ждали Острова – возвышения кораллового рифа, на которых едва-едва уместилось человеческое поселение, а за ними снова равнодушный океан.

Гвенна взглянула на Руана:

– Хреновые у нас шансы.

– Вас это как будто не волнует, – покачал головой моряк.

– Меня-то? – отозвалась Гвенна. – Меня все волнует.

– Трудно вам живется, – пробормотал Руан.

Гвенна оглядела его – мужчину, подбирающего перышки для далекой дочки, страшась, что его мир рухнет. И грубовато похлопала его по плечу:

– По-другому жить я не умею.

Анник отметила появление кеттрала тем же тоном, каким Гвенна упомянула бы вздувшуюся мозоль на натертой веслом ладони. Казалось, птица волновала лучницу куда меньше, чем Гвенну волновал волдырь, между тем второй был мелким неудобством, а первая, возможно, – их смертью.

Гвенна, не выпуская весла, развернулась на скамье и стала высматривать движение на фоне встающих на востоке темных туч.

– Вон она. – Талал указывал выше, чем она смотрела. – Похоже на дозор. Милях в пяти.

– Вот дерьмо! – буркнула Гвенна.

И оглянулась на запад. Они не далеко отошли от «Вдовьей мечты» – хорошо, если на милю, а солнце за последние сотни гребков лишь до половины погрузилось в море. Она и сама еще различала темные черточки корабельных мачт и наполненные вечерним бризом паруса в красных отблесках солнца. В темнеющем море надутые полотнища словно пылали огнем.

– Дерьмо, – повторила Гвенна.

Для ее крыла это была удача. Не увидеть судна невозможно. Тот, кто летит на птице, почти наверняка сосредоточится на нем и, надо надеяться, не заметит лодчонки Гвенны, идущей без паруса и тихо разрезающей волны. Ей вдруг вспомнился последний разговор с Руаном.

«Смотря о чьих шансах речь».

– Бочки за борт, – все еще глядя на корабль, приказала она.

Руан высадил их и сразу взял курс на запад, уходя от Островов. Все равно – никакой корабль не спасется от птицы.

– И сами за борт. Талал, тебе хватит железа затопить эту дрянь?

– Они нас еще не увидели, – тихо заметил лич. – А сорок миль вплавь – далековато.

– Хорошо, что мы любим поплавать, – огрызнулась Гвенна. – Ты ее затопишь или мне ножом дырявить?

Талал встретил ее взгляд и кивнул. Почти тотчас со стоном отошла планка днища. Шлюпка дернулась, словно налетев на риф, только рифов здесь не было. Гвенна предвидела это движение, даже сама его потребовала, и все же нутро у нее свело, когда в пролом стала вливаться вода. Такое сотни раз проделывали на тренировках, и все равно делалось не по себе, когда лодка уходила под воду в открытом море под куполом чернеющего неба.

Гвенна высвободила весла из уключин и выбросила из тонущей лодки, потом сама перекадилась через планшир, толкнулась посильнее и обернулась. Оказавшись в воде, она проследила, как скрывается под волнами их лодчонка. Несколько ударов сердца она воображала, как шлюпка, покачиваясь осенним листом, уходит на глубину, как ее обнюхивают любопытные рыбы, как она погружается все дальше во мглу. Гвенна ждала, что шлюпка ляжет на дно, но та уходила все ниже в мрачную глубину ее воображения.

– Идет на нас, – предупредила Анник.

Гвенна оторвала взгляд от места, где исчезла лодка, и подняла голову.

Птица приблизилась и теперь летела почти над головами. И кажется, немного сбросила высоту.

«Ищет, – угрюмо подумала Гвенна, – но пловца непросто разглядеть и при дневном свете, тем более после заката».

Она погрузилась глубже в воду, оставила на поверхности лишь глаза и нос и, едва дыша, следила, как птица режет облака – бесшумно, словно тень ночного ветра.

– Не знаю, кто там, – негромко заметил Талал, – но направляются они к «Мечте».

– Может, просто взглянуть? – предположила Анник.

Гвенна уставилась на нее:

– Ты серьезно?

– Нет, – покачала головой Анник.

Они молча следили, как разворачивается корабль, безнадежно спеша в закат. Гвенна тяжело дышала – и не потому, что плавание утомило ее.

– Хочешь, вернемся? – спросил Талал. – До них не больше пары миль.

– И что сделаем? – спросила Анник.

Она уже привязала один бочонок к поясу коротким концом веревки и забросила руку на дрейфующее весло. Плыть так неуклюже и медленно, зато легко. При такой плавучести можно не один день продержаться на воде. Анник больше не интересовалась кораблем, она уже двигалась на восток медлительными гребками, рассчитывая силы на большое расстояние.

Гвенна смотрела, как птица заходит на корабль.

– И судно-то не военное... – выдохнула она.

Ее перебила огненная вспышка, яркий сполох, и еще один, и еще. Звук долетел не сразу и издали, за плеском волн в ушах, показался слабым раскатом грома. Показался, но не был. Гвенна всю жизнь имела дело со взрывснарядами, изучала их, изобретала, устанавливала. Она на любом расстоянии, за любым шумом распознала бы зловещее ворчание «звездочек» и узнала бы форму взрыва на фоне неба. Она отвернулась, потому что вспышка еще стояла в глазах, а когда снова посмотрела на корабль, уже начался пожар – горели палуба, мачты, паруса.

Люди Руана попытаются его погасить. Наверняка они отчаянно заливают огонь из ведер в надежде удержать корабль на плаву. Безнадежно. Гвенне казалось, что она слышит крики, хотя ветер дул не в ту сторону. Ее уши не настолько чувствительны даже после яиц сларна.

– Вернемся? – снова спросил Талал.

Гвенна смотрела, как огонь лижет небо. За заревом она потеряла из виду птицу, но знала, что те, кто ею правит, опишут круг и вернуться доделать дело, если еще не все кончено. Она представила, как Руан смотрит из-под руки, вцепившись в перила и скрипя зубами. Она спрашивала себя, сгорело ли уже перо альбатроса – глупо, бессмысленно.

Впервые в жизни Гвенна увидела в кеттрал – в птицах и в солдатах – не воинов, а посланцев неумолимого, почти невыразимого ужаса. Ни опыт, ни гордость не могли спасти Руана от сброшенной с парящей птицы взрывчатки. Вот так потопить судно с воздуха – это не бой, это бойня.

Она еще немного посмотрела, как горит корабль, и отвернулась, позволив волнам остудить горящее лицо.

– Анник права. Ничем мы не поможем. Будем делать свое дело.

Она поплыла к востоку – быстрее, чем требовало благоразумие. Резала волны, не оглядываясь на Анник с Талалом.

9

Из ссадин на лице и под волосами еще сочились кровь, когда Адер толчком распахнула дверь в палату совета. Вернее, хотела распахнуть. Огромные створки из красного дерева – каждая в два ее роста и толщиной в ладонь – были тяжелее быков и, когда она с кряхтением всем весом навалилась на них, плавно качнулись на петлях, расходясь так бесшумно, что мало кто из собравшихся заметил открывшуюся дверь.

Адер на миг опешила. Она слышала, конечно, о знаменитой карте в палате совета. Пока рушились границы республики, пока умирали от голода граждане Аннура, эти новоявленные властители увлеклись проектом, выделяя на блестящие украшения средства, которыми можно было прокормить десятки тысяч людей. Адер до тошноты наслушалась о проклятой карте, но слышать – не то что видеть. Стоя в широком проеме дверей у начала проложенных над миром мостков, она смотрела, как плещется в своем ложе океан, как журчат по искусно проведенным руслам реки, и не могла двинуться с места.

Не совет, не восседающая на круговом помосте посередине знать приковала ее к месту. С такими она имела дело с детских лет и считала, если судить по идиотизму последних месяцев, что эти будут даже поспособнее многих. Нет, она остолбенела от зрелища Аннура. У нее у самой были карты – разумеется, десятки и сотни карт. Карты Вашша и Эридрои, и каждого из городов двух континентов, и стратегических направлений, и вероятных полей сражений. Лучше ее карт не добыть – на них были тщательно прочерчены линии побережий, зоны налогообложения, водные пути и спорные границы. Она полагала, что эти карты открывают все, что ей надо знать о разваливающейся империи. И, как во многом другом, ошибалась.

Чего они не передавали, так это масштаба. Во что ее поразило. На карте виднелись свежие шрамы, следы недавних разрушений, но они не много меняли. Города – волшебные миниатюры из камня, самоцветов, где каждый дворец, каждый дом шедевр, стоивший мастерам сотен часов труда. У подножия Ромсдальских гор росли леса карликовых сосен, по теснинам Поясницы змеились лианы. Она нашла взглядом Эргад на севере. Старинный замок, девять месяцев служивший ей резиденцией, гордо высился на каменном взлобке над Хаагом. Вот там, в приземистой северо-восточной башне, ее сын, может быть, плачет сейчас – требует обеда или зовет ее. Она отогнала мысль о нем.

Это уж слишком. Все это – слишком.

Первый раз возвращаясь в Аннур, принимая на плечи императорскую мантию отца, она думала, что представляет масштаб предстоящей задачи. Покрывая форсированным маршем расстояние от Олона до Андт-Кила, она воображала, что постигает просторы империи. Она думала, что сознает меру ответственности, встречая бегущих от ургулов истерзанных мужчин и женщин. Она уверилась, что прочувствовала огромность необходимой жертвы, когда следила за сражением у северной оконечности озера Шрам, видела гибель Фултона и сама погружала нож меж ребер брата.

После всего этого карта, пусть и очень большая карта, не должна была ее поразить. И все же при виде раскинувшейся перед ней страны, перед всеми просторами ее царства, уместившимися в одном зале, перед всем величием земель, которые она взялась охранять и защищать, Адер застыла, стиснув кулаки повисших рук, с непросохшей и не остывшей на лице кровью, которую глупое сердце гоняло все сильнее и быстрее от ужаса: сколь многое от нее зависит – и сколь многое она способна погубить!

– Если она пострадает, договору конец...

Адер, все еще никем не замеченная, застала разгар спора.

– Не все мы одобрили этот договор.

– Потому что вы глупы. Нам необходимо единство.

– И если ее убьет толпа, мы его получим. Не забывайте, что Адер сама решилась въехать в город без предупреждения, без почетного караула, не уведомив совет и не спрашивая нашего дозволения. Едва ли нас можно будет обвинить в ее смерти.

– Еще неизвестно, погибла ли она. – Этот голос был тише других и показался смутно знакомым. – При первом известии о ее появлении мы выслали солдат. Они могли не успеть. Ничего еще не известно.

Адер, скрипнув зубами, оторвала взгляд от громадной карты и шагнула на мостки, по изящному изгибу стали и кедровых досок, подвешенных к далекому потолку на толстых канатах. Она прошла над полумесяцем Маджарской империи, над Веной, над красно-золотыми песками пустыни Дарви, прошла под светильниками – большими шарами дутого стекла, изображавшими, очевидно, луну и звезды. Почти все они не горели, белые нитяные фитили тихо плавали в прозрачном масле. Совет все переругивался.

– Патрульные донесли, что она одна.

– Вот именно, так что эта идиотка, скорей всего, погибла. А значит...

Адер прорезала последние слова своим голосом:

– Нет. Что идиотка – согласна, но не погибла.

Она не замечала растерянных, удивленных восклицаний, скрежета поспешно отодвигаемых кресел, вздетых в изумлении рук. Еще десять ступеней провели ее над пиками Анказских гор из кроваво-красного песчаника, поднимающихся на высоту мостков. Лицо у нее горело – и этого она тоже не замечала.

– Не сомневаюсь, что разочаровала вас, посмея выжить, – говорила Адер, задержавшись чуть западнее земляных валов и низких куполов Моира. – Но жизнь полна разочарований. При нынешнем жалком состоянии вашей так называемой республики вы должны были к ним привыкнуть. Я, безусловно, привыкла. Существенный вопрос – что мы намерены предпринять далее?

Она, подняв брови, впервые всмотрелась в эти мужские и женские лица. Конечно, она заучила сорок пять имен, выяснила родословную и историю каждого, попыталась по возможности разобраться, что заставило каждого из членов совета присоединиться к безнадежной затее Кадена. Большинство просто жаждали власти: они ухватились бы за любой шанс увидеть Малкенианов у своих ног. Одним из таких был Буря Бури (Адер легко нашла его взглядом – потного, раздетого в шелка и унылого), а также Зиав Мосс и Ону Ан. Среди горстки идеалистов выделялся Габрил Красный. Этот сидел почти точно напротив нее, смотрел остро и хищно, темными, как у коршуна, глазами. В былые времена напор этого взгляда заставил бы ее отвернуться. Теперь нет. Она взглянула ему в глаза, раз кивнула и обратилась к делегатам Аннура.

Если внезапное появление Адер удивило Милашку Кегеллен, та ничем этого не выказала. Самая опасная преступница Аннура подняла пухлую руку, пошевелила пальцами в неуместном девичьем приветствии и улыбнулась из-за бумажного веера. Адер кивнула ей так же, как Габрилу. Кегеллен свои многочисленные звания – Королева улиц, Вечная Сука – заслужила не застенчивыми взглядами из-за веера. Веер веером, пальчики пальчиками, а смертоносностью с ней здесь мало кто мог сравниться.

В другой раз Адер уделила бы больше времени ей и худощавому незнакомцу рядом – это не мог быть никто иной, как Киль. Но сейчас она лишь скользнула по ним взглядом, переходя к третьему члену аннурской делегации. К Кадену, к брату. К брату, которого она не убила.

– Ваше сияние, – тихо проговорил он, взглянув ей в глаза и низко склонившись.

В его поклоне не было ни робости, ни покорности.

– Как я понимаю, – холодно ответила Адер, – вы приняли новый титул. Первый оратор. Она чуть заметно опустила голову.

Каден не выглядел титулованной особой. Наряд и покроем, и богатством ткани уступал одеяниям остальных членов совета. В палате, наполненной блеском драгоценностей, он один пренебрег украшениями. Он оказался выше ростом, чем она ожидала, – выше Валина и стройнее. Выбритая голова напомнила ей легионеров, и в его манере держаться было что-то от солдатской выправки. Только в отличие от людей, виденных ею на передовой, Каден не бахвалится, не хорохорится. Его сила крылась в спокойствии и молчании и еще в его пылающих глазах.

«Это мой брат», – подумала она, с неожиданным для себя удивлением вглядываясь в огни его радужек.

Но, вспомнив о присутствующих, тотчас стерла с лица всякое подобие чувства.

Совет, оправившись от замешательства, вдруг затих. Адер хорошо знала подобную тишину: впервые она услышала ее в лазарете рядом с матерью. Дворцовые лекари и хирурги, бессильные помочь умирающей жене императора в последние дни ее болезни, шепотом вели ученую перебранку, пока больная кашляла кровью в тщательно вываренные салфетки. Но стоило Адер вступить в светлую белую палату, великие медики умолкали, словно она могла забыть о них и остаться вдвоем с матерью. Уединение не давалось тогда, не далось и сейчас. Всякий разговор с Каденом выйдет публичным политическим действием. В наступившем молчании не было места близости. Да они и не были близки.

– Так вот оно, сердце вашей республики! – проговорила Адер.

Она не дала себе труда скрыть презрение и кипевший внутри гнев. Брату не повредит увидеть, как она злится, да и всем остальным тоже.

– Не моей, – покачал головой Каден. – Нашей.

Адер услышала в его ответе голос отца: ту же холодную обдуманность. И в глазах не было ни растерянности, ни отчаяния; их огни светили холодно и ярко, словно издалека. В этом он тоже был похож на отца. Адер не помнила, чтобы хоть раз видела Санлитуну удивленным.

– Какая щедрость, – мрачно отозвалась она.

Каден развел руками:

– Если бы вы нас предупредили, мы обеспечили бы вам безопасный проход по городу. Я вызову врача, пусть займется вашими ранами.

Адер коротко мотнула головой – так, что кольнуло шею. Она не обратила внимания на боль.

– Нет надобности, да и времени нет. О чем вы думали, посылая на улицы вооруженных людей, приказывая им поднять оружие против собственного народа?

Каден моргнул. Хоть какое-то отличие: Санлитун никогда не моргал.

– Нам донесли, что собирается толпа. Разъяренная толпа.

– И вы отправили несколько сотен тупоголовых болванов убивать горожан?

– Убивать? – резко отозвался Габрил.

– Да! – Адер развернулась к нему. – Убивать. Людей топтали лошади, головы им разбивали мечами. Дорога Богов завалена телами, как мусором. Да, я бы назвала это убийством.

– Страже было приказано защитить вас, – сказал Каден. – Любой ценой.

– Ценой жизнью аннурцев?

На этот раз он не дрогнул:

– Если необходимо – да. Без вас мы теряем все. Союз. Мир. Необходимое Аннуру единство.

– И на какое же единство вы рассчитываете, когда по мостовой дороги Богов разбросаны десятки трупов? Где ваш мир, поцелуй его Кент?

Гнев, которому Адер расчетливо дала волю, сейчас овладел ею целиком. Она слышала, что говорит слишком громко. Нира сколько раз повторяла: «Прикуси язык и держись смирно». Из ее уст это звучало насмешкой, но совет был хорош. Могла ли Адер править империей, если

одно безумное решение делегатов вывело ее из себя? Император слушает, выжидает, судит людей в тихих палатах своего разума и говорит только при необходимости, когда готов обратиться слова в действие. Адер это прекрасно знала, но не сумела сдержать ярости. И стоило ей опустить поводья, ярость пошла в рост.

– Я сознавала, чем рискую, – сказала она, обводя совет взглядом, – когда одна въезжала в город.

– Как видно, не сознавали, – вмешался Зиав Мосс.

Крешканец тронул щеку кончиком пальца, словно напоминая ей о ранах. Жест вышел мягким, сдержанным. В ком другом он мог бы говорить о почтении, только вот Мосс не ведал значения этого слова. Он принадлежал к одному из древнейших родов империи: темная кожа, напомаженные волосы, светские манеры. И говорил он мягко, но мягки и подушки, между тем Адер читала о задушенных подушкой правителях.

– И я пошла на этот риск, – сказала она. – Вы столько обо мне наговорили, что я должна была показаться народу в одиночестве, безоружной. Войти в город не завоевательницей при сотенной страже, а императрицей, гуляющей среди своего народа.

– Как видно, народу это зрелище не понравилось.

Адер обернулась на новый голос – к седоватой, сильно загорелой женщине явно на шестом десятке.

Ранди Хелти. Как же, судовладелица. Не считая Кегеллен, одна Хелти среди присутствующих сама составила себе состояние. Она тоже не питала почтения к царствующему дому.

– Плевать, понравилось или нет, капитан Хелти, – отрезала Адер. – Главное – они увидели.

Она ткнула пальцем в потолок, где высоко над головами сияли солнечным золотом окна-люки. Обвела рукой мостки, кресла, смехотворно-величественную карту – все, вплоть до огромных дверей, через которые вошла. Закрылись они так же беззвучно, как отворились.

– Вы думаете, можно всем заправлять отсюда? – Адер оглядела делегатов. – Думаете, можно править империей с ваших фигурных креслиц?

– Вы смеете... – Бури захлебнулся слюной и готов был вскочить с места.

Мосс прервал его взмахом руки и сдержанно проговорил:

– Мы правим этой республикой без малого год. И намерены продолжать. Вопрос один – пойдет ли ваше... представление на пользу делу. – Крешканец нахмурился, будто и впрямь был огорчен. – Подозреваю, что нет. Вот вы там, на севере, жили бок о бок с вашим драгоценным народом, и что толку?

Адер опешила:

– Что толку? – Пульс забился у нее в висках, кровь снова бросилась в лицо. – Что, провались оно все, толку?

– Вы собираетесь отвечать на вопрос, – шевельнул бровью Мосс, – или намерены лишь повторять его, пересыпая бранью?

– Толк, – прорычала Адер, – в том, что мы еще живы. Я. Вы. Весь Аннур.

– Ценю ваш энтузиазм, однако не преувеличиваете ли вы? Простой солдат может быть восприимчив к подобным прикрасам, но здесь они неуместны. Совет составляют люди образованные и повидавшие мир. Не стоит так бушевать, так забавно всплескивать руками и переоценивать важность событий на севере.

Адер опустила руки, зато стиснула кулаки.

– Переоценивать? – прошипела она. – Положение на севере без преувеличения отчаянное. Длинный Кулак убивает людей. Жарит их. Рвет на части и выкладывает из этих частей узоры. И еще этот выученик-кеттрал, лич Балендин. Он с каждым днем становится сильнее, а злобностью не уступает своему повелителю.

Лица людей, окруживших стол, замкнулись: губы поджаты, глаза сощурены, челюсти сомкнуты. Никто здесь не желал знать правду и уж точно не желал принимать правду от нее. Каден пристально следил за сестрой, опустив на стол неподвижные ладони. Адер ничего не могла прочитать на его лице, но ей чудилось, будто он хочет ей что-то сказать, предостеречь. Но поздно. Минута для примирения, если таковая и была, осталась позади.

Другой император обошелся бы без подобных сцен. Отец ни за что не стал бы орать на совет, не стал бы тыкать их носом в содеянные глупости. Каден, как видно, был из того же теста: действовал спокойно, обдуманно, взвешенно. Другой император сумел бы достичь мира с советом, но где его взять, другого императора? Санлитун мертв, а Каден... Не понять, то ли он трус, то ли уж так кроток, то ли выхолощен. Она и сама не добилась великих успехов, но она, Кент побери, хоть что-то делала.

– Мы получаем донесения, – говорил между тем Бури; взяв лежавший перед ним шест, он указал на северную часть карты, где под миниатюрными сосенками проглядывали маленькие озера. – Не трудитесь читать нам лекцию о ваших... неудобствах.

– О моих неудобствах? – едва не подавилась Адер. – Моих? Если вы беретесь править Аннуром, беретесь вводить законы и определять политику, как указано в вашем договоре, не пора ли вам считать своими проблемами и то, что происходит за стенами этого великолепного зала?

Мосс поднял руку, призывая к спокойствию, – кажется, он чувствовал себя единственным взрослым среди перессорившихся детишек.

– Это была семантическая неточность, юная леди.

– Ваше сияние! – прогремела Адер.

Он оттопырил губы, словно слова эти имели кислый вкус.

– Если вы, как заверяете, намерены залечить раскол, – наседала Адер, – если намерены соблюдать подписанный мною и вами договор, то я – император. Император Аннура и ваш император, так что извольте обращаться ко мне соответственно протоколу.

– Я не раз замечал, что больше всего настаивают на почестях те, – заметил Мосс, – кто менее всего их заслуживает.

Он покачал головой, выражая сдержанное сожаление благовоспитанного человека.

Сидевшая в стороне от него Кегеллен улыбнулась и радостно заявила:

– Согласна как никогда. Предлагаю теперь же отбросить все титулы, как императорские, так и аристократические. Немедленно! – Она легкомысленно помахала рукой. – Я начну.

Присутствующие заерзали. Что ни говори, эти люди всю жизнь полагались на свои имена и звания, привилегии и прерогативы, пользовались и наслаждались ими с детства, с самого рождения. Одно дело – пробовать на прочность императорские права Адер, и другое – видеть, как подрывают их собственные позиции.

Мосс насупился.

– Мы, разумеется, соблюдаем букву договора, ваше сияние, – заверил он. – Однако, возвращаясь к насущным вопросам, полагаю, мой коллега из Ченнери всего лишь заметил, что представленные вами невеселые известия до нас... уже дошли.

– Мы читаем донесения, – снова поднял голос Бури. – Ежедневно.

Адер переводила взгляд с лица на лицо. Многие кивали. Один мужчина с квадратной головой и кривым носом указывал на разложенные перед ним бумаги, будто само их существование доказывало его преданность Аннуру. Мосс переплел пальцы и сквозь них наблюдал происходящее. Огненный взгляд Кадена не оставлял Адер. Ей подумалось, не подойти ли к брату, однако она отвернулась и медленно пошла вокруг стола в другую сторону.

– Возможно, донесения не смогли передать всей серьезности положения, – заговорила Адер, совладав наконец с голосом.

Она говорила на ходу, и каждый, за чьей спиной она проходила, разворачивался в кресле, стараясь не терять ее из виду.

«Как будто опасаются, что я их перережу одного за другим, стоит им отвернуться, – угрюмо подумала Адер. – А это они еще не знают про Валина».

– Возможно, – наседала Адер, – в витиеватых фразах ваших донесений затерялась мысль о необходимости неотложного действия.

Ссадины на ее лице горели огнем. Горели и оставленные молнией шрамы. Засохшая кровь неприятно тянула кожу.

– Возможно, вы заблуждаетесь относительно натуры вашего народа и относительно вашего перед ним долга. Возможно, не сознаете истинной цены поражения.

Она как раз приблизилась к Бура Бури.

– Вы слишком много на себя берете, – недовольно скривился тот. – Мы каждый день, с утра до вечера, отдаем республике.

Он махнул своей указкой на карту под собой. Даже этот шест был чудом мастерства. Полированное дерево, инкрустированное кольцами драгоценных металлов. Пошедшего на эту деревяшку золота и серебра хватило бы на покупку крестьянского хозяйства, хватило бы заплатить за десять лет работы большого трудолюбивого семейства. И это чтобы тыкать в карту? Бури небрежно очертил кончиком границы империи:

– Пока вы на севере ублажали своего генерала, мы здесь правили Аннуром.

Адер пропустила издевку мимо ушей.

– Как вы можете править Аннуром, – тихо спросила она, – если его не понимаете?

– Что же мы должны понять? – подал голос Мосс с дальней стороны широкого стола. – Объясните нам, ваше сияние.

Он говорил неторопливо, почти скучающе. Адер скользнула по нему взглядом, снова повернулась к Бури, двумя руками ухватила шест и вырвала его у ченнерца. Тот вскрикнул, хотел вскочить, вернуть свою указку, но Адер уже развернулась и с маху ударила шестом сверху вниз.

– А вот что!

Шест разнес вдребезги огромный шар светильника. Осыпанная осколками, Адер даже не вздрогнула. От пары новых порезов на лице хуже не будет. Масло из светильника окатило мостки, блестящая жидкость с едким запахом протекала сквозь доски на земли карты. Адер отошла на два шага и расколотила еще один шар.

– Вот что, – твердила она, – и вот что... И вот что, и вот что...

Удар следовал за ударом.

Люди вскакали на ноги, возмущенно кричали – кто размахивал руками, кто заламывал их. Должно быть, точно так же они встречали донесения от гонцов. Бородатый, весь в шрамах мужчина попытался отобрать у нее шест. Адер сломала палку о его голову, чуть не сбив бородача за перила. Она размахивала занозистыми обломками, разбивая светильник за светильником, пока не добралась до горящего.

– Вот что я хочу вам объяснить... – Она сорвалась на визг, и плевать. – Вот чего вы, болваны, поцелуй вас Кент, не понимаете!

Она ткнула обломком шеста в идеальный ландшафт под собой. Блеск масла на деревьях был чуть заметен, как и пленка на воде рек.

– Это – не Аннур. Здесь совсем не то, что там! Совсем не то, что прямо сейчас творится с вашей говенной республикой!

– Понятно. – Это произнес Каден; голос его по-прежнему звучал спокойно, однако перекрывал грохот. – Мы поняли, Адер.

Она подняла шест к светильнику, коснулась его едва ли не с нежностью. Промасленное дерево вспыхнуло почти мгновенно. Адер подержала факел перед собой, следя за извивами огонька.

– Нет, – сказала она, повернувшись к брату лицом, и понизила голос, усмиренная его спокойствием. – Не поняли. Вот что я пытаюсь до вас донести.

Она швырнула горящую палку за перила мостков.

Порыв ветра был как последний вздох гибнущей земли, а потом – польхнуло. Огонь скрыл все.

10

Целая ночь, день и еще часть ночи миновали, прежде чем Гвенна выволокла себя из приобоя на скользкие камни. Хотела встать, но ноги подогнулись, и она снова упала в набегающие волны, где и просидела минуту, прежде чем ухватить за запястье Талала и вытащить его на камень.

– Потруднее вышло... чем я ожидал, – простонал, оседая на колени, лич.

У Гвенны только и хватило сил кивнуть.

Крючок и Карш выползли из-за горизонта примерно к полудню. Но до суши крыло Гвенны добралось за полночь – движение замедляли и бочки с припасами, и усталость. В душе Гвенна сделала выбор в пользу Карша, но Крючок казался ближе, к тому же им нужно было время, чтобы встать на ноги, прежде чем встретиться лицом к лицу с теми, кто правил птицей. Высадка на западный берег Крючка была не сложнее других, и потому она нацелилась на жалкий клочок каменистой гальки между высокими утесами. Если память ее не подвела, там среди ночи не бывало народу.

– Надо установить периметр, – напомнила Анник.

Снайпер потрясла головой, стряхивая капли с коротких волос, неуверенно поднялась и продержалась целых шесть шагов, прежде чем рухнуть на камни. Хорошее напоминание, что Анник, какой бы ни выглядела непробиваемой, тоже человек. И, как все люди, нуждается в пище и отдыхе – просто отказывается это признать.

– Отставить периметр, – велела Гвенна.

– Без укрепленного периметра мы уязвимы.

Гвенна, фыркнув, откинулась на спину:

– Ты на ногах не стоишь, Анник. И мы тоже. Давайте лучше вытаскивать бочки, пока их не разбило. Обидно было бы тащить их в такую даль, чтобы потерять в прибое.

Небо над ними наконец расчистилось. Гвенна узнавала созвездия: Нефритовый пик, Кузнеца, Змею, сиявшие так ярко, что звезды представлялись огоньками. Ей бы не следовало радоваться их свету. Кеттрал не зря поклонялись Халу – его темный плащ прикрывал их атаки и отступления, – но после двух ночей в воде между бездонной тьмой океана и безмерной перевернутой крышкой облачного неба приятно было чувствовать спиной выступы камня и глядеть на колючие блески звезд.

Ноги омывала вода, такая теплая, что Гвенна чуть не уснула здесь, между землей и морем. Но их припасы грозили утонуть, и Анник уже в одиночку тащила бочонок из приобоя. Каждый весил не меньше самой лучницы, но она, перебросив веревку через плечо, тянула, клонясь вперед, как клонятся против сильного ветра. Гвенна со стоном поднялась на ноги, доковыляла до бочонка и, упершись плечом, подтолкнула. Мелкие камешки расползались под ступнями, но она напирала, пока не выволокла тяжесть на галечный пляж и дальше, под навес известняковой скалы. Второй бочонок был еще тяжелее, но Гвенна успела размять ноги и к тому времени, как все их имущество оказалось под скалой, решила, что, пожалуй, переживет эту ночь.

– Вода, – сказала она, сбивая с бочки крышку и протягивая Талалу полный мех. – Потом поедем – и спать.

Талал сделал большой глоток, впился зубами в полоску вяленой говядины и стал задумчиво жевать.

– Думаешь, здесь безопасно оставаться на ночь? – спросил лич.

Гвенна подавилась смешком:

– Я с Халовой пробы нигде не жду безопасности, но здесь... – Она снова оглядела узкую полоску битого камня и жадное море. – Здесь не хуже, чем в другом месте. С воздуха нас не увидят. Для лодки слишком каменистое дно. А их пешие патрули весь берег не обойдут.

Она пожала плечами.

– Их патрули. – Лич подчеркнул первое слово.

– Кеттрал, – равнодушно пояснила Анник.

Она не стала есть, а занялась своими луками: разворачивала извлеченную из бочонка сухую тетиву, проверяла части охотничьего лука – не пострадал ли. Гвенне вдруг подумалось, что все они ведут себя так, словно над ними светит солнце, а не звезды. Она уже с трудом вспоминала себя до Халовой пробы, пока не выпила яйцо сларна, но в те времена в такую ночь наверняка видела бы не дальше собственного носа. Интересно, мерзавцы, спалившие «Вдовью мечту», так же зорки в темноте?

– Еще неизвестно, кеттрал ли это, – возразил Талал. – Наверняка мы не знаем.

– Солдаты на птице? – вскинула бровь Гвенна. – С кеттральскими взрывснарядами?

– Могут быть и гражданские, – хмуро ответил лич. – Добрались до птиц и взрывчатки после самоубийства Гнезда.

– Вряд ли, – отрезала Анник.

Гвенна рассуждала про себя, уставившись в ночное небо. Те, кто потопил «Мечту», не только справились с птицей, не только подняли ее в воздух, но и умело управляли. И еще нельзя забывать о взрывчатке. Чтобы запалить «звездочку», большого ума не надо, но попасть ею с высоты по кораблю, рассчитать, какой заряд понадобится для уничтожения такого судна...

– Одно хорошо, – заключила она. – Птицы целы. По меньшей мере одна. Что до остального: мы и раньше понимали, что на Островах могли остаться кеттрал – крыло или два, занявшиеся разбоем.

– Я-то надеялся, придется драться с пиратами, – отозвался Талал. – С пьяными.

Гвенна улыбнулась. Такую шутку мог бы отпустить Лейт. Потом она вспомнила, что стало с Лейтом, и улыбка завяла.

– Забыл, чему нас учили? – угрюмо заметила она. – Надежда – полное дерьмо.

Гвенну еще затемно разбудил запах дыма.

Анник костлявым комочком свернулась в двух шагах от нее, а Талал сидел у входа в грот, стерег спящих. За его плечом она видела яркие звезды. Молот Кузнеца падал в волны. Значит, до рассвета пара часов. Не время жечь костер. А костер немаленький.

Садилась Гвенна медленно, сдерживая стоны. За несколько часов на камнях мышцы спины и плеч стянуло узлами. Она покрутила шейю, повела лопатками и вылезла из-под навеса.

– Чуешь? – спросила она.

Талал покивал:

– Недавно заметил. Думал разбудить вас, но горит довольно далеко. Спешить резона нет, вот и решил дать вам лишний часок сна после заплыва.

– После такого заплыва я бы и неделю проспала.

Она повертелась в поясе, разминая сведенные мышцы, и расслабилась. Помяла себе бока костяшками пальцев и потянула носом воздух, разбирая предрассветные запахи.

Пахло солью и, посильнее соли, – песком. С утесов несло теплой зеленью, свисающими лозами, сплетениями корней, ленивыми змеями побегов. Она, стоило об этом задуматься, до сих пор изумлялась, как много могла теперь учуять носом. Как будто всю жизнь прожила слепой, и вдруг ей открылись формы и цвета. Дальше по пляжу – несколько протухших рыбин. Она различала высушенный солнцем птичий помет на скалах. И запах дыма.

– Может, просто кто-то рано поднялся, – предположил Талал, – и готовит завтрак над бухтой Стервятника?

Гвенна прикрыла глаза, покатала запах на языке, пробуя на вкус и на плотность. Кто-то жег дерево и навоз, но не только. Вплетались и другие запахи, не столь обычные и не столь здоровые. Она и за год не забыла, чему ее учили. Горела краска. Волос. И мясо.

Гвенна тяжело выдохнула – ей вдруг захотелось выгнать этот воздух из легких.

– Это не кухонная печь.

Талал минуту принюхивался – и кивнул.

– Идем? – спросила Анник.

Пока Гвенна ломала голову над запахом, лучница бесшумно поднялась и присоединилась к ним. Спала Анник не дольше Гвенны, но усталости от плавания не показывала. Она успела пристегнуть клинки дымчатой стали, в одной руке держала короткий лук, другой подвешивала за спину колчан.

– Мы не в форме для боя, – заметил Талал. – Не знаю, что там творится, но творится оно не первый месяц. Один день ничего не изменит.

– Может, ты и прав, – согласилась Гвенна.

Запах дыма усиливался. Сгущался. Напоминал ей Андт-Кил, где горел целый город.

– С другой стороны, случаются дни важнее других, – добавила она.

– Думаешь, настал такой?

– Не проверишь – не узнаешь, – ответила Гвенна.

Подъем на линию утесов был крутой и каменистый – Гвенне то и дело приходилось цепляться пальцами за щербатый известняк, балансировать на опасных уступах и, напрягая все силы, подтягиваться на узкие полки.

– Хорошо хоть долбаному плаванию конец, – утешала она себя.

Впрочем, пока она выбиралась на зубчатый гребень, мысль о воде стала казаться заманчивой. Можно, конечно, утонуть, зато ничто не сдирает с тебя кожу по кусочку. Гвенна в кровь ободрала колени и ладони. Она чувала на камнях свою кровь и кровь Талала и Анник.

– Помнится, раньше легче бывало, – пробормотала она, разгибая спину. – Как-то раз...

Оставшиеся слова замерли у нее на языке. С гребня скал Крючок открывался почти целиком: и темные воды пролива, и низкая махина Карша за ним. То есть Карш бы ей открылся, если бы Гвенна постаралась найти его взглядом. Но ее взгляд приковало бушующее внизу пламя – пожар пожирал целые улицы единственного на островке селения.

Крючок и в лучшие свои времена был дерьмовым городишкой – приютом для пиратов и контрабандистов, неудачливых преступников с большой земли, шлюх, торговцев дурманящим зельем и не по уму предприимчивых рыбаков. Была своеобразная ирония в существовании Крючка прямо под боком у самой мощной военной части империи, однако в Гнезде решили, что неплохо иметь рядом гражданское поселение, пусть даже с гнильцой, поэтому городок уцелел и более того – на свой извращенный манер процветал.

Сейчас удача ему изменила.

– Кто-то поджигает всю западную окраину, – тихо заметила Гвенна. – Должно быть, устали дышать воню.

– Это поджог? – спросил Талал. – Ты уверена?

– Посмотри сам, – указала Гвенна. – Загорелось в трех точках одновременно. Вон там, там и там.

Талал покосился на Анник – та только плечами пожала.

– Давно? – спросил лич.

– Недавно. Ни один дом еще не обрушился.

Дома не обрушились, но были к тому готовы. У нескольких уже провалились крыши. Из окон и дверных проемов выбивался огонь. Стонали под тяжестью переломившихся несущих балок бревенчатые каркасы. Бухта Стервятника и сама будто пылала, позаимствовав огонь у суши; волны, отражая желтые и рыжие языки пламени, казалось, горели.

– Кто-то здорово разозлился, – сказала Гвенна. – Вот за это я, пожалуй, готова поручиться.

– Это Крючок, – возразила Анник. – Злобы здесь всегда хватало.

– А кеттрал больше нет, – добавил Талал. – Некому призвать местных к порядку.

Гвенна задумчиво кивнула. Гнездо обычно не заботилось делами южного островка, так что в бухте Стервятника нередко всплывали раздувшиеся тела, а из держащихся на подгнивших сваях кабаков над водой раздавались крики и вопли. Кеттрал не мешали пиратам и искаателям фортуны тихо выяснять отношения. А вот открытые военные действия нарушали равновесие, и если какой-нибудь самонадеянный капитан задумывал превратить остров в свои частные владения, Гнездо вмешивалось быстро и решительно, внушая всем и каждому: «Убейте друг друга сколько влезет, но без шума».

Как видно, это послание давно не повторяли.

– Не наше дело, – заключила Анник. – Нас послали за птицами, а не чтобы подчинить Крючок Аннурской империи.

– Республике, – рассеянно поправила Гвенна.

Талал все рассматривал город.

– Отчего бы нам не глянуть? – сказал он.

Гвенна вдруг загорелась гневом. Может, Анник и была права. Может, это просто прорвалась всегда тлевшая подспудно склонность к насилию. С другой стороны, поджигатели явно знали свое дело. Не такой уж большой натяжкой было бы предположить, что город жгут те же мерзавцы, что потопили с птицы «Вдовью мечту».

– Сходим, – решила она наконец. – Найдем каких-нибудь бедолаг, не слишком занятых с ведрами, и выясним, что тут за дерьмо творится.

Вблизи было хуже.

Вблизи Гвенна слышала треск пламени, гневные, испуганные вопли и крики боли. Жители Крючка суматошливо носились взад-вперед в усилии потушить пожар, но проку было мало, зато много было визга и угроз. Вынырнув из узкого переуллка в неохваченной огнем части города, Гвенна еще издали ощутила лицом жар горячего полуденного солнца.

На нее никто и не оглянулся. Ни на нее, ни на Анник, ни на Талала. Оно и понятно – кому интересна пара незнакомцев, когда полгорода в огне. Неумелая попытка скрыться только привлекает внимание, и потому Гвенна со своим крылом открыто и целеустремленно зашагала по улицам, будто, как все прочие, знали, куда спешат. Главное в этом деле – не останавливаться. Двигаться и вслушиваться, выхватывая из шума полезные сведения.

К сожалению, шума было в избытке, а вот полезных сведений не доставало. Никто, как видно, не сомневался, что город подожгли нарочно. И что западная окраина горит, а на восточной сравнительно безопасно. Несколько безмозглых сорвиголов, охочих до ничейных сокровищ, решились пограбить горящие улицы. Идиоты. Гвенна и по звуку – жадному нарастающему реву – могла сказать, что никто оттуда живым не выйдет, но она не для того пересекла Железное море, одолев последние десятки миль вплавь, чтобы грозить пальчиком мародерам.

В нескольких кварталах от них шум вдруг усилился: крики, вопли, что-то вроде хорового пения, потом страшный взрыв и относительная тишина.

– «Фитиль» рванул, – определила Гвенна.

Анник указала рукой:

– На севере. У причалов.

Она переключилась на кеттральский язык жестов, пальцами показала: «Сходим?»

Гвенна оглянулась на Талала и кивнула:

– В доки. С трех сторон. Анник – запад, Талалу – восток. Сбор на хребте над пляжем.

Невдалеке – может, в сотне шагов – здания расступались, открывая выход на широкую рыночную площадь перед причалами. С улицы Гвенне видна была вся гавань – западный берег пылал, восточный освещался только редкими фонарями да лампами в окнах. На площади,

похоже, собралось все население Крючка: там теснились добрых две тысячи человек, чумазах, закопченных, потных, в отсветах пожара. Горело на западе, но все смотрели на север, на бухту.

На среднем причале порта сидел, запустив когти в подгнившие доски, кеттрал: огромный, молчаливый, с отблескивающими льдом черными глазами. Гвенна почти год не видела птицы вблизи и минуту не могла отвести взгляд, застыв вместе с толпой на площади. В рассказах, ходивших по всему Аннуру, кеттралов изображали славными летающими конями, огромными клювастыми скакунами с крыльями.

«Вранье», – думала Гвенна, всматриваясь в птицу.

Кеттралов приучали терпеть на себе людей, но никакая выучка не скрывала древней и незыблемой истины: они не ездовые животные, а хищники.

Гвенна с трудом отвела глаза, заметив стоящих перед птицей пятерых человек. Все были в черной форме кеттрал, у всех из-за спины виднелись кеттральские мечи, в руках были кеттральские луки, но никого из них Гвенна не знала. Они держали типовое построение ромбом, и причина была очевидна: шагах в десяти перед ними валялись с десятков тел. Некоторые еще слабо подергивались в агонии, пытались отползти. Большая часть была неподвижна – смятая, вялая, никому не нужная плоть.

Да, причина была очевидной и мерзкой: толпа набросилась на летунов, пыталась атаковать, и ее отбросили несколькими «фитилями». Пятеро кеттрал – если это были кеттрал – заняли хорошую позицию. Их мог бы снять сколько-нибудь приличный снайпер, но в растерянной толпе, понятное дело, снайперов не нашлось. Многие были полураздеты: видно, пожар выдернул горожан из постелей. Не считая кеттрал, Гвенна высмотрела лишь одного вооруженного человека – моряка, если судить по походке. Этот держал в руке обнаженную саблю, зато сам был совсем голым, и член у него покачивался на ветру, – видно, парня застали, когда он мочился, был с женщиной или отсыпался с перепоя. Не слишком-то грозно он выглядел, особенно против крыла кеттрал.

Гвенна перевела взгляд на причал. Во главе пятерки стоял высокий коренастый сукин сын, бритоголовый и светлокочий, как она сама. Он поднял руку и самодовольно улыбнулся – точь-в-точь любимый народом атреп, обращающийся к толпе вернейших подданных.

«Готовит речь? – подумала Гвенна. – Это он зря».

За шумом огня и толпы его в двух шагах не услышат. Однако, когда кеттрал открыл рот, голос донесся четко и ясно, словно звучал над самым ухом.

Значит, среди них есть лич. Соглашаясь на просьбу Кадена, Гвенна не ожидала легкой прогулки. Уже в Аннуре было ясно, что на Островах без крови не обойдется. Однако с каждым часом положение выглядело все хуже. Она скрипнула зубами.

– Городишко ваш – нужник нужником, – заговорил человек в черном, улыбаясь так, будто отпуская приятнейший комплимент. – Нужник, но сжигать его дотла мы не хотели.

Толпа качнулась к нему – мужчины и женщины взревели от ярости и стыда. Они уже накатывали на причал, когда один из солдат поднял над головой «звездочку». Запал горел яркой точкой на фоне темного моря. Толпа дрогнула, помедлила и отпрянула, двигаясь, как единое существо, беспощадно обученное держаться подальше от этого страшного слепящего огонька.

Кеттрал улыбнулся шире прежнего, блеснул белыми зубами.

– И в доказательство нашей доброй воли... – он протянул руку, медленно, напоказ обратил ладонь к западной части города, – мы спалили только половину. Пока.

Толпа завопила – возмущенно, обвиняюще. Кто-то выкрикивал ругательства.

– Мы вам ничего не сделали!

– У меня муж сгорел. Сгорел! Сгорел!

– Не хотели, так зачем жгли, ублюдки?

На последнем выкрике оратор приставил ладонь к уху.

– Зачем? – Он напрягся, словно прислушиваясь. – Кто-то спросил: зачем?

Переждав новый поток брани и вопросов, он бодро покивал:

– А, кажется, понимаю, в чем дело. В другом месте такое бы не понадобилось. Во всем мире люди понимают, что такое закон, преступление и его последствия. Но здесь, на Крючке, эти понятия не в ходу.

Он качнулся на пятках, засунул большие пальцы за кожаный ремень и улыбнулся шире прежнего. С виду он был не красавец: крупное круглое лицо и губы, кривящиеся, как только он умолкал, в жестокой усмешке, но говорил сукин сын, как опытный оратор, богатым, сильным, сочным голосом.

Да, голос у него был, и пользовался он им с заметным удовольствием.

– Не ваша вина, разумеется. Нельзя ожидать, что такие, как вы, сумеют сдерживать свои... низменные порывы без приказов или законов извне. Прежнее Гнездо позволяло вам беситься, потому что желало видеть здесь разброд и беспорядок. Серьезное упущение. – Оратор покачал головой. – Достоин сожаления. К счастью, есть мы, и мы приучим вас к этим понятиям. Вот это... – он уверенно нацелил палец в огни пожара, – называется «правосудие».

Несколько секунд ошарашенная толпа переводила взгляды с мужчины в форме кеттрал на пожирающий их жалкие жилища огонь. На слух Гвенны, речь представляла собой чистое словоблудие – много болтовни, мало смысла. Однако никто больше не пытался убить ублюдка, стало быть, кое-чего он достиг. Когда же Гвенна всмотрелась в лица вокруг стоящих, то обнаружила на них озлобленность и страх, но не удивление. Может, они и негодуют, но ясно понимают, за что люди в черном жгут их дома. Она снова обратила все внимание на причал.

– Когда вы даете приют бунтовщикам... – с наигранным гневом разглагольствовал глава людей в черном, – бывает вот так. Когда вы прячете бунтовщиков в ваших жалких чуланах и погребах, мы их сжигаем.

Оратор плюнул на доски. Почему-то и плевков выглядел наигранным, словно он долго репетировал его в казарме.

– Вы должны нас благодарить. Ваши халупы не годны и для крыс, с которыми вы их делили. Будете отстраиваться – постараетесь получше. А когда те гады ползучие снова станут молить вас о пристанище и укрытии, вспомните, что я за каждую голову плачу золотое аннурское солнце. С другой стороны, если наши поля желтоцветов опять загорятся, я вернусь и подпалю еще дюжину домов. Выбирайте сами.

Он пожал плечами. Толпа снова заворчала, но ее ропот прорезал новый голос:

– Головы тебе нужны, тварь?

Развернувшись, Гвенна увидела прямо за собой, на невысоком каменном крыльце, женщину. Рослую, выше Гвенны, голенастую, темнокожую, с обритой наголо головой. Лицо и повадка были изящными, можно сказать, благородными, голову она держала высоко и сверкала глазами, а все же Гвенна чувала страх – едва удерживаемый в узде, он пропитал женщину до костей. Поначалу в зыбких переливах огня Гвенна не заметила оружия. Однако, пока толпа оборачивалась, женщина выдернула из-за правого плеча клинок – короткий клинок дымчатой стали – и теперь держала его по-кеттральски. Между тем формы, в отличие от стоявших на причале, на ней не было.

Вместо формы она носила темные штаны и рубашку без рукавов, удобную по здешней жаркой погоде, но слишком свободную для боя. Оружие она держала умело, чего нельзя было сказать о большинстве обретающихся на Крючке болванов, и позицию выбрала с умом: возвышенную, прикрытую со спины зданием, с двумя путями отхода, – только вот правый фланг оставался открыт. Из длинного переулка ее легко могли атаковать. Все это Гвенна отметила в одно мгновение, но отметить – дело нехитрое. Понять бы, что это значит. Женщина, бросившая вызов кеттрал на причале, сама походила на кеттрал, только недоделанную, как если бы она много лет подглядывала за тренировками в Гнезде, не принимая в них участия.

– Вам нужны головы? – снова выкрикнула она пронзительным от подкравшейся паники голосом. – Попробуйте взять мою! Я не прячусь в погребке, подлый убийца. Я здесь. Тебе нужна моя голова? Иди и бери!

До людей в черном она докричалась – это было видно сразу. Ее появление стерло снисходительную ухмылку с лица главаря, а двое стоявших позади него подняли луки. Напрасно старались – едва полетят стрелы, женщина в один шаг укроется в дверном проеме. Лучники это явно понимали и не стали даром тратить стрелы.

Люди зашевелились, сторонясь предстоящего столкновения, открывая свободный проход от кеттрал к одинокой женщине на ступенях – целый проспект, шириной хоть для императорского шествия. Женщина боялась, но держалась. Значит, если она не совсем дура, на уме у нее было не просто подразнить поджигателей.

– Надеюсь, ты довольна, Квора, – сказал главный кеттрал, растянув первый слог ее имени. – Из-за тебя погибли люди.

Говорил он небрежно, почти лениво, но Гвенна видела, как он напрягся. Сквозь дым и пот она чувала охватившее его алчное нетерпение.

– Я, помнится, ничего не поджигала, – угрюмо покачала головой Квора.

– Прикрываясь гражданскими, как щитом, ты должна была понимать, что на щит приходятся все удары. Щиты раскалываются.

Лицо Кворы застыло.

– Кого ты морочишь, Хенк? Здесь все видят, кто что расколол и зачем. Люди узнают тирана в лицо.

– А узнают ли они трусов, прячущихся за спинами детей?

– Я не прячусь, – развела руками женщина. – Если я вам нужна – вот я.

Так... Стало быть, ловушка. Дело ясное.

Гвенна снова оглядела площадь, высматривая направления удара и подходы. Женщина, Квора, пыталась увести кеттрал с причала на юг. Куда? Там было бы удобно установить заряд, но взрывчатка не разбирает, где враг, а где мирные жители. Это бы не всякого остановило, но для женщины, как видно, разница имела значение.

Тогда снайпер?

Квора должна была понимать, что стоящих на причале прикрывают, возможно, с нескольких точек. И явно ждала, что ее появление заставит вооруженных луками стрелков выйти из укрытия – на позицию для выстрела. Простой расчет. Гвенна снова обернулась к уходящей на восток улочке. К открытому флангу по правую руку от Кворы. Если в переулках прячутся кеттрал, они найдут для выстрела с этой стороны. И если Квора выступает в роли приманки, то должна была поставить кого-то в этой самой улочке – кого-то, готового снять снайперов, как только... Ага!

Товарищ Кворы забился в темную подворотню, но клинок держал наготове. Клинок из дымчатой стали. Неуклюжая, незатейливая ловушка – Гвенна вычислила ее в считанные секунды, – но нельзя было не восхититься женщиной на крыльце, вставшей против пятерых кеттрал и птицы в надежде убрать одного-двух врагов в переулке. Нельзя было не восхититься, и следовало поспешить, потому что жить приманке оставалось недолго.

Двое лучников – кеттральские снайперы, как и предвидела Гвенна, – выдвинулись из узкого переулка в сорока шагах от нее. Гвенна ожидала, что затаившийся товарищ Кворы захлопнет ловушку. Но нет. Тот, вместо того чтобы выскочить из тени с мечом, прирос к месту. Снайперы, подступая к Кворе с полунатянутыми луками, миновали его, не заметив, и одинокий мечник растаял, затерялся среди теней.

– Шаэлево дерьмо на палочке, – буркнула Гвенна, поворачиваясь, чтобы просигналить Анник.

Не успела она опустить руку, как стрелы Анник взвились в воздух. Миг спустя упали снайперы в переулке. От трусливого спутника Квора – ни слуху ни духу. Гвенна медленно прошла взглядом по толпе – не выделяя отдельных лиц, а высматривая неожиданное движение в массе тел. Где нашлись два снайпера, вполне мог оказаться и третий.

Сердце не ударило и трех раз, когда она нашла, что искала. В десятке шагов по другой боковой улочке двигались против людского потока двое мужчин – пробивались к женщине на крыльце, когда все остальные стремились убраться подальше. Третий показался под другим углом. Все они продвигались медленно, но с бросавшейся в глаза целеустремленностью. Луков Гвенна не увидела, но женщину можно убить и без лука, лишь бы подойти вплотную, а эти люди решительно приближались.

– Да пошло оно все, – громче, чем хотелось бы, невольно воскликнула Гвенна.

Она шевельнула поясной нож в чехле... но толпа была засеяна густо. Четыре, пять, шесть... Гвенна ожидала обнаружить на площади одно крыло, а их оказалось не менее двух – очевидно, имевших целью прикрывать стоящих на подмостках причала актеров, а теперь устремившихся к женщине на ступенях. Квора их, как видно, не замечала. Она все косилась на ту боковую улицу, в которой затерялся ее товарищ – улизнул, когда паршивый план затрещал по швам.

У Гвенны мелькнула мысль оставить женщину умирать. Вряд ли стоило тыкать в людей ножом, не разобравшись прежде, кто есть кто, кого надо убить, а кому просто наскоро надрать задницу. С другой стороны, в общих чертах уже было ясно: те, что на причале, жгут город, чтобы добраться до других – мятежников. Квора относилась к мятежникам. Одному Халу известно, сколько этих мятежников и где они скрываются, – между тем выяснить то и другое не помешало бы.

– Да пошло оно все, – повторила Гвенна, вгоняя нож под ребро проходящему мимо нее кеттрал.

Тот вытаращил глаза, но крик застрял в горле от боли. Рука слабо дернулась к клинку, пальцы его не слушались. Гвенна обхватила убитого за пояс, словно поддерживая перепившего приятеля, – этому трюку она выучилась у Присягнувшей Черепу, убийцы, которая находилась за континент и, казалось, за целую жизнь отсюда, – и мягко опустила его на булыжник. Она не подавала новых сигналов Анник и Талалу, но какой, Кент побери, сигнал им еще нужен? И так яснее ясного: пришло время убивать.

Выпрямившись, она увидела, что крыло вступило в игру. Еще один кеттрал медленно оседал наземь, зажимая пробитую стрелой грудь. Другой споткнулся, закашлялся кровью. Однако подходили новые, и не все были под прицелом у Анник.

– Квора, – окликнула Гвенна, пытаясь предупредить женщину на крыльце, не насторожив в то же время всю площадь. – Квора!

Та опустила взгляд. Ее ошалелые глаза отражали пожар на западе и сами горели страхом и яростью. Гвенна махнула ей на ближнюю улицу:

– Пора уходить.

В ответ женщина только замахнулась на Гвенну клинком – к большому сожалению, потому что движение привлекло к ней все взгляды. Повернулся к Гвенне и проходивший в нескольких шагах кеттрал – увидел в ее руке окровавленный нож и выхватил из-под плаща меч.

– Я за вас, дурень, – шепнула Гвенна, покачав головой.

Мужчина замешкался, перевел взгляд на тарашившуюся на обоих Квору. Гвенна сделала шаг и перерезала ему глотку. В толпе поднялся крик, визг. За спиной у Гвенны, на причале, зашевелились люди с птицей. Плохо дело и вот-вот станет еще хуже.

– По правде, я была не за него, – буркнула Гвенна, поймав взгляд Квора. – И в самом деле пора уходить. Сейчас же. Их в толпе полным-полно.

Квора, качая головой, отступила на полшага к проему за спиной:

– Ты кто?

– Слушай, сучка! – не утерпела Гвенна (кто-то рванулся к ним справа – стрела Анник попала ему в глаз). – Ты наглая, но глупая. Слазь живо с этой лесенки – и ходу.

Она ткнула пальцем в ближайшую улицу:

– Нам туда.

Прямо за плечом Гвенны визжала в страхе и боли какая-то женщина – растерянная горожанка, среди ночи поднятая пожаром. Ее вопль не имел отношения к разворачивающемуся бою, но Квору он вывел из ступора, и та слетела с крыльца, хоть в чем-то проявив подготовку, на которую рассчитывала Гвенна.

Однако, вместо того чтобы последовать за Гвенной, Квора дернулась к переулку на востоке.

– Там наш человек, – прошипела она. – Джак...

– Забудь, – отрезала Гвенна. – Нет его.

– Он должен был...

– Знаю, что должен был. Да ничего не сделал.

Квора помедлила, стиснув зубы в мучительной нерешительности, и наконец-то позволила себя увести. Они вместе пробежали по грязной улочке. В десяти шагах позади Гвенна слышала погоню. Ухватив женщину за локоть, она увлекла ее за угол. Тут же в деревянную стену застучали стрелы. За углом ждал Талал – клинки наголо, один в крови.

Он ткнул пальцем на забор между зданиями – ровно такой высоты, чтобы кое-как перелезть.

– Сюда, – прошептал он. – За ним сразу выход из города.

Гвенна подтолкнула женщину к короткому простенку, но та вырвалась и опять повернулась к площади.

– Джак, – с отчаянием зашептала она. – Мой напарник. Где он?

– Откуда мне знать? – огрызнулась Гвенна. – Где-то чуть восточнее.

– Надо его найти. Я за ним вернусь.

– Нет.

Гвенна снова ухватила женщину за плечо и потянула вверх. Квора была почти на ладонь выше Гвенны, но тоньше – такую недолго вырубить и унести на себе, если она и дальше станет корчить героиню. Гвенна примерилась уже, как обхватить ее за шею, но тут к ним шагнул Талал.

– Опиши его, – сказал он. – Джака.

Глаза у Кворы стали как две луны. Она покосилась на Гвенну и повернулась к Талалу:

– Невысокий. Сильный. Светлый. Бритая голова. На плечах наколоты одинаковые кетралы.

То еще описание, однако Талал кивнул и, не дослушав, нырнул в переулок.

Гвенна раздраженно зашипела, хотела приказать личу вернуться, но прикусила язык. Талал о себе позаботится, его намерение успокоило Квору, а уходить от погони легче порознь.

– Приходи на сборный пункт, – рыкнула она ему вслед. – И не вздумай, на хрен, умереть!

11

Адер сидела на причале, чувствую, как опускаются и поднимаются босые ноги в такт плещущей о сваи волне. Императору едва ли пристала такая поза, но она все утро строила из себя императора – гордо восседала в кресле над тлеющими руинами великой карты Аннура, старалась не раскашляться от дыма и облачков пепла, подписывала соглашение, превращая его в закон, долженствующий залечить раскол между империей и республикой. Сейчас она с удовольствием облокотилась на доски дворцового причала, глядя, как ветер подгоняет корабли в бухте и забыв на миг, как она все это едва не погубила.

Да, хорошо было бы об этом забыть, но брат не давал.

– Откуда ты знала, – тихо спросил Каден, – что не загорится весь зал?

– Я не знала.

– Откуда ты знала, что никто из членов совета не бросится на тебя?

– Я не знала.

– Откуда ты знала, что мы после всего согласимся ратифицировать договор?

– Я не знала, Каден. Чтоб ты понимал, я подыхала от страха, но я просто понятия не имела, что делать.

Она досадливо выдохнула и повернулась к нему лицом.

Каден сидел, поджав под себя скрещенные ноги, сложив руки на коленях, и поза эта, как и все в нем, говорила о сдержанности и замкнутости. Адер не представляла, как он умудряется так сидеть, несмотря на ожоги. Полыхнувшее в палате совета пламя на миг обратило в огонь самый воздух. У Адер мучительно горела кожа, сквозь природную смуглоту проступала воспаленная краснота. Холодная вода так ласкала ступни и колени, что хотелось нырнуть в нее, поплавать на спине в прохладной тени причала.

Она любила так плавать в детстве – может, потому, что под причалом скрывалась от бдительных глаз своих эдолийцев. Но теперь не было ни Бирча, ни Фултона (один ее бросил, другой погиб), и она была не ребенком, а взрослой женщиной и – после утреннего подписания документа – императором всего Аннура. Не плавать ей больше под причалом.

– Ты не представляешь, – неторопливо говорил Каден, – как трудно было добиться от совета согласия на этот договор. Они не желали твоего возвращения.

– А ты желал? – настороженно взглянула на него Адер.

Мужчина, сидевший перед ней на шершавых досках причала, мало напоминал мальчика из их детства. В восемь лет Каден был кожа да кости, локти да колени; непокорные волосы на бегу падали ему на глаза, а бегал он, казалось, без передышки. Они с Валином росли в одном дворце с Адер, их воспитывали одни родители и опекуны, их обучали одни наставники, но оба ее брата нашли за красными стенами свободу, которой никогда не знала Адер.

Не то чтобы она с детства рвалась на волю из Рассветного дворца. Далеко не так. Всякий раз, проходя под длинными колоннадами, молясь в благоуханной тишине древних храмов, стоя в прохладной тени Нетесаного трона, она преисполнялась гордости – гордости за свой род, за свое место, за свой дворец и воплощенную в нем историю. Прогуливаясь по ухоженным садам под ветвями жасмина и гардений, засматриваясь на грациозные обводы зависшего над землей Парящего зала, озирая простирающуюся до океана империю, ее леса и возделанные поля от горизонта до горизонта, при виде этих просторов и величия она почитала себя счастливицей.

Но за счастье приходится платить. Как и золотые одеяния, в которые облачался в дни солнцестояний и равноденствий отец, на хрупких плечах Адер тяжестью лежали пышные, расшитые золотом платья. Она, сколько себя помнила, ощущала их вес. Принадлежать к Малкенианам означало принять на себя весь груз истории и события настоящего ощущать, как скользкий меж ладоней бесценный шелк. Высокие красные стены Рассветного дворца не

отгораживали от него мир, а запирали внутри себя сложнейшую государственную машину, превращая ее в ступицу, вокруг которой вращались спицы и обод мира. Адер ощущала это вращение – ощущала каждый день, едва успев проснуться... Даже зная, что ей не бывать на троне, что невысказанный груз ответственности перейдет от отца не к ней, а к Кадену.

А Каден, казалось ей, пребывал в блаженном неведении.

Мальчик, которого она помнила, во всем тянулся за братом: удирали тайком с уроков, норовил спрятаться от своей охраны, носился по гребням укреплений или забирался в самые глубокие погреба. Его глаза сияли так же, как у Санлитуна и Адер, но он как будто не знал и знать не хотел, что этот свет означает, что ему предстоит. Адер легче было представить на Нетесаном троне главного пса Крима, чем Кадена; Крим хотя бы серьезно и трезво подходил к своим обязанностям.

Притихшим Адер заставала Кадена, только когда тот бывал один, думал, что никто его не видит. Однажды Адер, раздосадованная не дававшимся ей математическим доказательством, забралась после урока на ту стену, что выходила к морю, и решила сидеть там на пронизывающем соленом ветру, пока не решит задачу. Она удивилась, наткнувшись на Кадена. Его эдолийцы держались в сотне шагов, перекрывая все выходы на гребень стены, а он откинулся на камни и смотрел между зубцами бойниц на восток. Адер хотела подойти, но вдруг передумала, каким-то сверхъестественным чутьем угадав, что открыла в Кадене что-то новое, ранее незамеченное. Она не понимала, на что засмотрелся брат: на суда в гавани? На чайки в небе? На карстовые разломы в известняковых обрывах над Разбитой бухтой? Она видела в нем только тишину, столь полное, столь абсолютное бездействие, что невозможно было вообразить его шевельнувшимся. Но спустя очень долгое время он обернулся. Увидел, что она смотрит, округлил сияющие глаза, растянул рот в озорной улыбке и бросился бежать, увлекая за собой возмущенно кричащих эдолийцев.

Сейчас ей казалось, что мальчик, носившийся по дворцу и ухмылявшийся во весь рот, пропал. Почти десять лет среди хин содрали с его лица легкую улыбку. Пропали темные волосы – сбриты под корень. И глаза, хотя еще светились, горели далеким светом, какой она видела прежде в глазах отца. Едва ли Адер и узнала бы брата, если бы не тот день на стене над морем. Тогда, десять лет назад, она подсмотрела то, что видела в нем теперь: ту же тишину, то же молчание, тот же неуловимый взгляд.

– Твое возвращение в город – это вопрос не желания, – сказал Каден, – а необходимости.

Она устало, недоуменно покачала головой:

– Раз уж нам суждено сражаться на одной стороне, ты мог бы пораньше объединить силы. Например, сразу по возвращении в Аннур. Тогда не рвали бы друг друга в клочья, а сразу стали бы союзниками, выступили единым фронтом Малкенианов.

– Единым фронтом Малкенианов... – повторил, изучая ее, Каден.

Под его взглядом Адер чувствовала себя редким жучком, доставленным из северных лесов образчиком вида.

– Для этого нам нужен Валин, – договорил Каден, немного помедлив. – Ты не догадываешься, где он сейчас?

У Адер сжалось сердце. Она с усилием сохранила лицо неподвижным и не отрывала взгляд от лениво плескавшейся у ног волны, пока в памяти снова разыгрывались страшные сцены: Валин, словно с неба, сваливается на площадку андт-кильского маяка; Валин убивает Фултона, ее последнего эдолийца; горячая кровь хлещет у Фултона из-под доспеха, неподъемная тяжесть его тела ложится на руки Адер, в ране застрял нож; Валин грозит ил Торнье, готовится убить полководца, единственную надежду Аннура; почти невесомый нож в руке Адер входит в бок брату; ее собственный крик, высокий, словно голос чайки...

Наверное, можно было поступить иначе, но тогда она не видела выбора. Без ил Торнье они бы погибли – ургулы еще много месяцев назад растоптали бы Аннур копытами своих

коней. Валин был вне себя, почти безумен – стоило только заглянуть ему в глаза. В нем ничего не осталось от помнившегося Адер мальчугана: игривость, радость, озорство сменились ненавистью, ужасом и черной всепоглощающей яростью. И она сделала то, что должно, ради империи. С тех пор Адер десятки, сотни раз перепроверяла свое решение – с тех пор, как его бессильное тело рухнуло в воды под башней. Она не видела иного выбора – ни тогда, ни много месяцев спустя. Но это не спасало ее от ночных кошмаров.

– В последний раз, – ответила она, твердо встретив взгляд Кадена и следя, чтобы голос звучал ровно, почти равнодушно, – я видела его ребенком, на судне, уходящем к Киринским островам.

Она заставила себя вдохнуть и медленно выдохнуть. Ложь, как костер в день зимнего солнцеворота, складывают без спешки.

Каден, не отвечая, разглядывал ее своими пылающими глазами. Его лицо не выражало никаких чувств. Так же он смотрел бы на голую стену или на заросшую травой лужайку, но он все смотрел, смотрел и смотрел, пока на загривке у Адер не выступил пот.

«Он не может знать, – напомнила она себе. – Неоткуда ему знать».

Его глаза все жгли ее. Она ощутила себя зайцем, маленьким теплокровным зверьком, запутавшимся в охотничьих силках.

«А вдруг кто-то видел? – внутренний голос походил на голос Ниры. – Сколько бедолаг бились там внизу – кто-то мог заметить, как ты вгоняешь нож Валину меж ребер».

Адер много месяцев об этом думала. Что ни говори, трудно не заметить падающего с башни тела. С другой стороны, когда Валин в крови, в беспомощности, с собственным ножом в ребрах шагнул с башни, он падал с южной стороны, к озеру, а оттуда смотреть было некому. А главное, на улицах тогда еще бушевало сражение. Все, кто мог бы что-то рассмотреть, были отчаянно заняты – били клинком или отражали удары. Им было не до разглядывания крыш Андт-Кила.

Во всяком случае, так говорила себе Адер, и каждый день, в который никто ее не спросил, не призвал к ответу, укреплял надежду, что смерть Валина осталась незамеченной и покрытой тайной. Такое долгое молчание должно было принести облегчение; ей меньше всего нужно было, чтобы над останками гибнущей империи разнеслась весть о братоубийстве в правящей семье. Отсутствие слухов должно было ощущаться милостью богов. Не ощущалось.

Жестокие факты истории – войны, голод, тиранию, истребление народов – разделяли миллионы. Правду об убийстве в башне маяка Адер несла в одиночку. Единственным свидетелем был ил Торнья – кшештрим, который, хоть и научился изображать добродушие и легкомыслие, по самой природе своей не способен был постичь, чего стоило Адер ударить ножом родного брата. Эта ее правда, ее молчание, и в иные дни тяжесть их казалась невыносимой.

Она покачала головой:

– Я хотела бы знать, где сейчас Валин. Половину Раалте бы уступила за верное крыло кеттрал. – Адер нацелила на Кадена колкий взгляд. – Мои агенты донесли, что тебе известно, где он. Что вы после его бегства с Островов пересекались.

– Агенты? – поднял бровь Каден.

– Да, – подтвердила Адер, – агенты. Люди, которые притворялись, что они на твоей стороне, но служили мне. Даже в вашей бездарной республике есть шпионы.

Он медленно кивнул:

– И что именно они тебе донесли?

– Что Валин с бесчестьем покинул Острова. Что отправился к тебе. Возможно, спас тебя. Это так?

Каден кивнул:

– Близко к истине. А наши шпионы донесли мне, что в сражении при Андт-Киле участвовало крыло кеттрал. Рассказывали, что оборону до подхода Северной армии возглавляла

рыжеволосая женщина. Были взрывы – сработали боеприпасы кеттрал. Люди видели похожую на мальчика девушку в кеттральной черной форме. – Он ответил на ее напряженный взгляд. – Под описание подходят бойцы крыла Валина: Гвенна Шарп, Анник Френча.

Адер кивнула.

– Я видела их с башни, – сказала она, стараясь быть как можно ближе к правде. – Кто они, никто не знал.

– Даже ил Торнья? Он кенаранг. Кеттрал подчиняются ему.

– Это не значит, что он помнит в лицо каждого кадета. А в тот день, если твои шпионы забыли об этом упомянуть, шел бой. Ил Торнья пытался остановить Длинного Кулака, а не играл в «угадай кеттрал».

– Так, значит, Валина не было? Там, на севере.

– Если он там и был, я его не видела, – покачала головой Адер. – Конечно, когда сражаются десятки тысяч. . .

Каден помолчал, словно соображал, развивать ли тему, и нахмурился. Единственное проявление чувств, которое она заметила в нем при этом разговоре на причале.

– А что Длинный Кулак? – наконец спросил он. – Вождь ургулов участвовал в сражении?

Разговор свернул на другую дорогу – опасную, но не такую, как вопрос о Валине.

– Нет, – ответила Адер. – Ургулами командовал дезертир-кеттрал по имени Балендин. По всей видимости, лич. Он держал мосты.

– Балендина я знаю, – живо отозвался Каден. – Я чуть не убил его в Костистых горах. Он опасен.

Адер скрыла удивление. Она впервые слышала о связи лича с Каденом, но ведь в безумии месяцев, прошедших со смерти отца, ей было не до слухов. Она попробовала представить, как Каден кого-то убивает – тем более лича, прошедшего выучку кеттрал. Что брат не воин, видно было с первого взгляда, но его глаза. . . Она вздрогнула и отвернулась, разглядывая стоявшие на якоре суда. В такелаже собрались чайки. То и дело какая-нибудь срывалась в полет, с криком ныряла в волны и выхватывала мокрую извивающуюся рыбину.

– Мало сказать – опасен, – нарушила она молчание. – Он вытаскивал на видное место пленников и разрывал их лошаадьми. Иногда только смотрел. Иногда помогал.

– У него такой колодец, – кивнул Каден. – Он питается ужасом, ненавистью и отвращением, использует их, чтобы делать. . . то, что делает.

– А что именно, я тебе расскажу!

И по прошествии месяцев Адер помнила весь ужас, будто это было вчера.

– Он поднимает рухнувшие мосты, чтобы переправить свое войско. Он рушит стены. – Она мотнула головой. – Он в ста шагах сводит два пальца, и у людей лопаются головы под шлемами.

– Дальше будет хуже, – сказал Каден. – Чем больше людей его боятся, тем он сильнее.

– Вот потому-то ил Торнья и пытается остановить мерзавца! Ты здесь играешь в картографа со своим идиотским советом, а все главное-то на севере происходит, Каден.

– Все ли? – тихо спросил он. – Про Балендина мне известно, но там ли Длинный Кулак?

Адер помолчала, перебирая в мыслях запутанную ткань истины. Все в ней переплеталось: природа ил Торнья, смерть Валина, правда о Длинном Кулаке и правда о Нире с Оши. Стоит выдать одну тайну, она потянет за собой другие. Нить за нитью, и скоро вся ткань расползется лохмотьями.

– Адер, – не отрывая от нее взгляда, проговорил Каден. – Мне нужно знать, что там происходит. Если мы ошибемся, последствия будут ужасны.

– Они и так ужасны! Для меня, для тебя, для Аннура! – Она неопределенно махнула рукой на север. – Там такое творится, Каден! Ты на севере не был. Не видел трупов, с которых

ургулы содрали кожу. Обугленных детских тел. Медленно, по кусочку разрубленных женщин. Ты хоть раз после возвращения выезжал за стены столицы, поцелуй ее Кент?

– Здесь столько дел... – покачал он головой.

– Везде столько дел! Разбойники перекрыли дороги. Рыбаки смекнули, что мелким пиратством заработают больше монет. Торговля глохнет, разбой растет. Ты, если слухи не лгут, отдал половину Ганно и Ченнери племенам Поясницы. Манджари высовывает нос из-за Анказа. Фрипорт и Объединенные Города душат нас пошлинами. Все расплзается по швам. Ты счел безрассудством мой въезд в Аннур – в одиночку, без объявления? Осуждаешь за пожар в вашей палате дураков? – Адер ткнула в брата пальцем. – А ты сам? Ты со своей республикой выверяешь каждый шаг, вы по десять дней обсуждаете, можно ли водрузить лишний флаг на красной стене, а тем временем вас убивают.

Она тяжело перевела дыхание и поправилась:

– Нет, убивают не вас. Других людей, других аннурцев. Тех, кому не укрыться за красными стенами, – вот кого убивают за ваши решения. Или за ваши ошибки...

Может, он и был сражен ее тирадой, но вида не подал. Смотрел все так же ровно.

– Я понимаю твое нетерпение, – спокойно кивнул Каден. – Но метания из стороны в сторону никого не спасут.

Адер, еще не дослушав, покачала головой:

– Так мог бы сказать наш отец. Он все продумывал, куда лучше тебя продумывал, – старался рассмотреть все точки зрения, действовать всегда по плану, Кент его побери, и что за это получил? Нож под ребра.

Она больно прикусила губу – отчасти, чтобы не наговорить лишнего, отчасти от горя. Каден все сидел, сложа руки на коленях и всматриваясь в нее, как в бьющегося на досках причала морского окуня. Даже при упоминании об убийстве Санлитуна он не изменился в лице.

– Его убил твой кенаранг, – наконец заговорил он тихим голосом. – Ран ил Торнья убил нашего отца.

– Да чтоб тебя! Думаешь, я не в курсе?

Он моргнул:

– Не знаю, что и думать.

– Да, Каден, думать трудно. Но это не значит, что можно вовсе не думать.

– Я думаю.

– Неужели? – съязвила Адер. – И что ты надумал за эти девять месяцев? Уничтожил империю, сотни лет – даже не спорь! – жившую в порядке и процветании, а что дальше?

Кто другой – да любой на его месте – ответил бы на вызов. Нира закатила бы ей оплеуху. Лехав стал бы возражать. Ран ил Торнья высмеял бы ее, а ведь Ран ил Торнья, Кент его побери, – кшештрим!

Каден только головой покачал:

– Ты не представляешь всей сложности ситуации.

– С чего ты взял, – возмущилась она, с трудом сдерживая крик, – будто знаешь, что я представляю?

– Есть угрозы страшнее ургулов. Более зловещие.

– Как не быть! – Адер сплюнула. – Половину я только что перечислила. Угроз столько, что ургулы среди них, почитай, пустяк. Всего лишь кровожадные дикари, вполне предсказуемо задумавшие разбить Северную армию и предать мечу всю империю. Если подумать, это так старомодно.

– Ургулы, возможно, просто кровожадные дикари, – ответил Каден, – но человек, который их возглавляет, – нет. И твой Ран ил Торнья не просто военачальник.

Спину Адер закололи ледяные иголки. Она готова была ответить, но осеклась. Они опять вернулись на зыбкую почву полуправды и недомолвок. Каден встретил ее взгляд. В его глазах не было нетерпения, не было колебаний. Она вовсе ничего не видела в его пылающих радужках. Адер ждала этого момента, готовилась к нему, но не думала, что он настанет так внезапно.

Она оглянулась через плечо: эдолийцы стояли в ста шагах, спиной к ним, охраняли вход на причал. И все-таки Адер понизила голос:

– Ран ил Торнья – кшештрим.

– Знаю, – кивнул Каден. – И значит, ребенок, которого ты ему родила, тоже кшештрим, хотя бы отчасти.

Он произнес эти слова спокойно, почти безразлично, как слуга, передающий незначительное известие. Адер понадобилась вся сила воли, чтобы его не ударить.

– Я родила ребенка не ему, – прошипела она голосом, заточенным яростью, как клинок. – Мой сын рожден не для ил Торньи. Санлитун не игрушка, не подарок, который я выдавила меж чресел, чтобы порадовать великого полководца. Мой сын – мой!

Каден и глазом не моргнул перед лицом ее ярости.

– И все же твой сын еще ближе подводит ил Торнью к трону.

– Ил Торнье трон на хрен не нужен.

– Может быть, не сам по себе, а как средство, как орудие. Он кшештрим, Адер.

Она медленно, с болью обуздала забившееся сердце, задушила подступившие к горлу слова, усмирила себя. Волны под причалом показались ей живыми, неутомимыми. Она уставилась на брата, силясь по переливам пламени в его глазах угадать следующий ход. И наконец решила бросить кости.

– Тот, кого ты зовешь Килем, тоже, – сказала Адер.

– Да.

Они посидели немного без движения, словно правда, высказанная обоими, мешала двигаться дальше. Солнце скрылось за дворцом, и волны остыли. Адер вытянула ноги из воды, поджала колени к груди. С востока налетел ветер, сбил ей волосы на лицо. Она задрожала.

– Ил Торнья предупреждал, что я встречу здесь Киля, – наконец заговорила она. – И советовал ему не доверять.

– А мне Киль советовал не доверять ил Торнье.

– Похоже на тупик, – развела руками Адер.

– Не обязательно, – медленно ответил Каден. – Помимо мнения двух кшештрим, стоит учитывать простые факты.

– Факты, – настороженно отозвалась Адер, – сильно зависят от того, кто их излагает.

– Одно нам по меньшей мере известно, что генерал, на которого ты так полагаешься, убил нашего отца, отправил сотню эдолийцев убить меня, приказал крылу кеттрал убить Валина, когда тот еще был на Островах. – Каден покачал головой. – Решая, кому доверять, думается, стоит посмотреть, кто заслужил доверие делом.

Адер выстроила мысли по порядку. Все это она, конечно, знала и раньше, но тяжело было слышать из чужих уст эти проклятые слова.

– У него были на то причины.

– Причины есть всегда, – заметил Каден, не шелохнувшись.

Далеко в бухте лавировал против ветра корабль – сворачивал то туда, то сюда, приближаясь к намеченной цели так неуловимо, что наблюдавшая за ним Адер не могла угадать, куда он направляется. Она долго смотрела, прежде чем обернуться к брату.

Кое-что ему следовало сообщить – в этом она не сомневалась. Он уже знал об ил Торнье и знал, что она в курсе: ее полководец – убийца. Если не добавить к этому чего-то большего, он и дальше будет думать, как явно думает сейчас, что она потянулась к трону из тупой жадности.

власти, что связалась с ил Торнъей ради ее укрепления, что ее заботит не благо Аннура, а собственное возвышение. Пока брат так думает, сотрудничать с ним невозможно, а ей необходимо сотрудничество – с ним и со всем советом, иначе они никого не спасут. Надо ему кое-что рассказать, объяснить. Вопрос – все ли.

– Принимая Нетесаный трон, – тихо сказала она, – я считала тебя погибшим.

– Трон меня не интересует, Адер.

– Знай я, что ты жив и вернешься в город, я бы так не поступила. Я бы и так не стала, но после смерти отца прошли месяцы, от тебя никаких вестей, и, если бы не я, трон бы занял ил Торнья.

– Трон мне не нужен, – повторил Каден.

Она вглядывалась в его глаза, ища в них хоть что-то человеческое, настоящее.

– Тогда зачем ты погубил Аннур? Если тебе не нужен трон, зачем было сбрасывать с него меня?

– Не тебя. Ил Торнью. Аннур для него... оружие, и я не мог отдать его в те руки.

– А тебе не пришло в голову, – вскинулась Адер, – что я держу в руках самого ил Торнью?

– Держишь в руках? – Каден повел бровью. – Ты с ним спала, а потом при его поддержке провозгласила себя императором. Ты мало того что не держала его в руках – ты утвердила его во главе армии и усилила своим войском. С твоей стороны я не видел ничего, кроме послушания. А если ты знала, что он – кшештрим и убийца отца... дело еще хуже.

Ей хотелось его ударить, вколотить хоть немного чувства в эти пустые глаза.

– Думаешь, был хоть день со момента, когда я узнала правду, – прорычала она, – чтобы я не мечтала перерезать ему глотку?

Каден взглянул ей в глаза:

– Отчего же не перерезала?

– Оттого, что иногда приходится подавлять наши естественные порывы, Каден. Приходится ими жертвовать, приходится принимать хотя бы на время то, что нам отвратительно. – Она вдруг устала, покачала головой. – Не правда ли, как было бы приятно говорить первое, что придет в голову? Какое удивительное наслаждение иметь дело только с прямыми и честными. Какое удовольствие не поступаться собой, не совершать того, за что себя возненавидишь!

Она засмотрелась на восток, подставив лицо разгоняющему волны вечернему бризу. За ее спиной еще дымилась палата совета, но рано или поздно чистый восточный ветер, прохладный и шершавый от соли, развеет дымок.

– Приятно жить по велению сердца, – тихо сказала она, – но для правителя это – гибель.

Каден моргнул.

– В целом справедливо, – сказал он, подумав, и склонил голову к плечу. – Откуда ты узнала правду об ил Торнъе?

– И ему случается ошибиться, – просто ответила Адер.

Каден нахмурился. Его горящий взгляд ушел вдаль, куда-то за горизонт.

– Маловероятно, – наконец заключил он. – Намного более правдоподобно, что он открылся тебе обдуманно и преднамеренно.

– Почему это? – огрызнулась она. – Неужто я такая тупая девка? Сама ни в чем не разберусь, ни до чего не додумаюсь?

– Потому что он кшештрим, Адер. Он умнее любого из нас, и у него были тысячи лет на разработку плана. Он был величайшим из их полководцев...

– Мне можешь не рассказывать о его гении, – мрачно отозвалась она. – Не забывай, я была на башне в Андт-Киле, видела, как он ведет сражение. Знаю, на что он способен. За его гениальность я и сохранила ему жизнь – он был нам необходим.

– И ты все еще думаешь, что переиграла его? – вскинул бровь Каден.

– Я думаю, что даже кшештрим порой изменяет удача.

– Как это понимать?

– Так, что в игре участвуют и другие силы. О которых тебе неизвестно.

– Расскажи.

– Вот так просто? – хмыкнула Адер.

– Почему бы и нет? – пожал плечами Каден.

– Потому что я ни на грош тебе не доверяю, вот почему! Потому что, вернувшись в Аннур, ты первым делом взялся его крушить. Ты сам говоришь, что хочешь остановить ил Торню, а ил Торня единственный, кто действительно защищает Аннур.

– Он не Аннур защищает, – тихо сказал Каден. – Он пытается убить Длинного Кулака.

– В данный момент это одно и то же.

– Возможно, не будь Длинный Кулак просто ургульским вождем.

Итак, долгими обходными путями они все же вернулись к Длинному Кулаку. Адер его ни разу не видела, хотя он, казалось, был везде и всюду: ответом на все загадки, огнем под каждым столбом дыма, кровавой битвой в конце каждого бесконечного перехода. Все дороги сходились к нему. От каждого вопля тянулся след к его блестящим ножам. Под каждым произнесенным ею именем – Каден, ил Торня, Валин, Балендин... Под или над ними эхом слышалось имя ургульского вождя.

– И что он, по-твоему, из себя представляет? – спросила Адер.

Каден набрал в грудь воздуха, задержал и медленно выдохнул.

– Длинный Кулак – это Мешкент.

Адер обомлела. Тонкие волоски у нее на предплечьях, на загривке мгновенно поднялись дыбом. Вечер был прохладным, не холодным, но ей пришлось унимать дрожь. Ил Торня твердил ей об этом не первый месяц, но ему она никогда по-настоящему не верила.

– Почему ты так решил?

Он прищурился, вглядываясь в ее лицо:

– Ты знала.

– Знала, что это возможно.

– Тебе сказал ил Торня.

Она осторожно кивнула.

– А он тебе не говорил, почему так рвется убить Длинного Кулака?

– Потому же, почему и я, – сказала она. – Почему и тебе бы следовало. Ради спасения Аннура.

– Что ему спасение Аннура? Он хочет уничтожить все человечество, Адер. И почти добился своего. Какое ему дело до одной из наших империй?

– Такое, что это не наша империя! – Слова горчили на языке, но она все же выговорила их. – Это его империя. Он ее создал. И бережет.

– Как солдат бережет свой меч.

– Ты уже не раз это повторил, – сказала Адер, – но так и не объяснил, что он намерен делать этим мечом.

– Убить Мешкента.

– Зачем?

Каден помолчал – и отвернулся.

– Если хочешь, чтобы я тебе поверила, Каден, – сердито выдохнула Адер, – если ждешь от меня помощи, так дай мне хоть что-то. Почему тебя так заботит благополучие Длинного Кулака, или Мешкента, да кем бы убудок ни был? Он предает наш народ огню и мечу, он скачет по этим Шаэлем сплюнутым вратам – твоим вратам, Каден, сквозь эти твои кента, – поджигая Аннур со всех концов. Не знаю даже, есть ли мне дело до замыслов ил Торни, лишь бы он его остановил.

У Кадена впервые распахнулись глаза. Что-то из сказанного Адер пробило щит, которым он прикрывал лицо.

– Длинный Кулак использует кента? – повторил он новым, незнакомым ей голосом. – Откуда ты знаешь?

– Я не знаю. Мне это кажется невероятным, но ил Торнья утверждает, что это так.

Каден замотал головой, словно не хотел верить.

– Знаю, ты считал себя и своих монахов особенными, – сказала Адер, – но, если ил Торнья не ошибся, Длинный Кулак – бог. Ясно, что бог может пройти в любые врата.

– Не в этом де...

Каден резко закрыл рот.

– Что? – поторопила Адер.

Ей всего на миг почудилось, что он готов с ней поговорить – поговорить по-настоящему, без уверток и умолчаний. Казалось, вот-вот они пробьются сквозь вставшую между ними невидимую преграду, ужасную прозрачную стену, выросшую в мягком вечернем воздухе. На один удар сердца он готов был беседовать с ней не как политик с политиком, а как брат с сестрой, как если бы понимал тяжесть и жестокость ее потери, эту страшную гулкую пустоту, как если бы разделял ее. Мгновение минуло.

– Удивительно, – отрывисто бросил он. – Хотя объяснимо. Вспышки на границах слишком идеально, слишком точно согласованы, чтобы быть случайными.

Адер взглядом просила его договаривать, но он больше ничего не добавил.

– Никак это не объяснимо, – наконец отрезала она. – Но необъяснимо – еще не значит неправда.

Каден медленно кивнул.

– И все-таки, – тяжело дыша, спросила Адер, – ты настаиваешь, что нас должен волновать ил Торнья, а не Длинный Кулак?

– Я начинаю подозревать, – ответил Каден, – что нас должно волновать все и сразу.

– Ну так я волнениями не ограничилась, – заявила Адер. – Я надела на ил Торнью ошейник. Укротила его.

– Как?

– Расскажу, когда смогу тебе доверять.

И вдруг оно показалось ей не таким уж невозможным – доверие. Каден уже знал больше, чем она думала. Не так уж много, не так уж глубоко придется лгать. Преграда между ними была просто преградой, но не пропастью. Видит Интарра, как нужен ей был союзник, не бессмертный и не полоумный.

– Каден, – тихо сказала она. – Мы должны быть честны друг с другом.

Он, выдержав ее взгляд, медленно склонил голову:

– Согласен.

– Ты мой брат. Вместе мы сумеем разобраться.

И опять он кивнул, но за этим кивком ничего не было. Не было согласия.

– Жаль, что здесь нет Валина, – помолчав, сказал он.

Это было непохоже на Кадена. Непохоже, чтобы этот новый Каден мог о чем-то жалеть. Он стал монахом, и монахи выучили его ничего не чувствовать, так и рыба не может дышать. С другой стороны, не могли же хин все в нем переделать. Он ей доверился. Для начала хоть что-то.

– И мне жаль, – сказала Адер.

Она сказала правду. Мудрецы и философы вечно восхваляли правду, вознося ее до единственно доступной человеку божественной добродетели. В их древних трудах правда сияла золотом. Будто они не ведали, будто никто из них не знал, как похожа бывает правда на ржавое лезвие с жуткими зазубринами, навеки застревающими в бестелесной материи души.

12

Ловушка была пуста.

Пятый день наживку выдергивал кто-то, у кого хватало сил сбить подпорку и проворства – не попасть под падающий сверху тяжелый камень. Валин проглотил ругательства, опустился на колени в мягкую, скользковатую от влаги землю, размел бурые иголки и сухие шишки в поисках следа. Ловушка была не из лучших. Случалось, он слишком осторожничал, устанавливая ее, и тогда палочка-подпорка падала, а камень держался. Если же поставить слишком небрежно, все сооружение обваливалось на лесную подстилку, притом что зверя, похоже, и близко не было. Бывало, камень валился не туда, прижимал зайца или белку, не убив. А зверям покрупнее – бобру, дикобразу – хватало сил вырваться на свободу. Пустая ловушка – довольно обычное дело. Удивительно другое: когда день за днем подпорка выбита, виден ведущий к ней след зверя, на камне кровь, а тушки нет. И обратного следа нет.

– Шаэль побери, – ругнулся он, ловко снаряжая ловушку заново и соображая за работой, в чем ошибся и что надо изменить.

Наверняка это птица. Рыжий орел мог вытащить окровавленную тушку из-под камня. Рыжий орел или боровой коршун. Птица могла унести добычу, не оставив следа.

– Но камня птице не поднять, – пробормотал он себе под нос, двумя руками взваливая на подпорку плоскую гранитную глыбу и побряхтывая от натуги.

Ее и Валин-то поднимал с трудом – а значит, и птица не подходит. Нет, его ловушку обворовал кто-то другой, кому хватило силы сдвинуть здоровенный камень и хитрости – пройти по мягкой почве, не оставив следа. Валин поломал голову над этой загадкой, но ни до чего не додумался.

– Хитрый, гад, – бормотал он. – Хитрый-хитрый.

Как будто произнося это слово вслух, повторяя раз за разом, он отгонял другое, бившееся в голове и более правдивое: не «хитрый», а «страшный».

Ветви пошевелил порыв холодного ветра. Пихты поскрипывали. Они здесь стояли так тесно, что даже сухим некуда было упасть, они склонялись к живым, да так и гнили стоймя. Даже в светлое утро солнце слабо пробивалось сквозь хвою, и каждый луч разгонял бегущие тени.

В обычный день полумрак не пугал Валина. Здешние леса он знал, как собственный дом: знал, где можно вздремнуть на мягчайшем сухом мху, где в извилистом ручье есть форелевый омут, в какой сырой лощине гуще всего мошकारа, а где ее нет, потому что запах смолы и ветерок разгоняют кусачую тварь. Но сегодня, вставая на ноги над налаженной ловушкой, он чувствовал: что-то неладно.

Он еще задержался, чтобы смазать палочку-подпорку жиром, а потом пригнулся и скользнул в щель между мшистыми стволами, вдруг зашпешив выбраться из чащи туда, где видно хоть на десяток шагов, где можно пуститься бегом.

До камня-нырялки было не так далеко: плоский, заросший лишайником валун выдавался над излучиной ручья, и, добравшись до него, Валин присел на край, чтобы отдышаться. Солнце уже взобралось много выше зубчатой линии леса, выжгло остатки тумана над извилистым руслом и согрело ему кожу. Чуть выше по течению всплыла за мухой форель; крошечные волны разбежались кругами по буро-зеленой воде. Валин вдруг почувствовал себя дураком. Восьмилетний парень удирает из лесу, как малолетка! В душе он благодарил богов, что брат не видел, какого он сыграл труса.

– Рыжий орел, точно, – громко проговорил он, возвращаясь мыслями к тайне ловушки.

На свету, на удобной закраине валуна, болтая тощими ногами над водой, он легко верил такому объяснению. Какой-нибудь кролик сбил камень, но успел из-под него вывернуться.

Орел мог выдернуть бьющегося зверька, даже не поднимая камня. Валин прищурился, вглядываясь в мысленную картину: кривой клюв, вцепившийся в промокшую от крови шкуру. Наверняка рыжий орел!

Он выбросил загадку из головы, откопал в кожаном мешке полоску вяленой оленины и с удовольствием стал жевать, поглядывая на реку. Осталось еще проверить несколько ловушек, и уж в какой-нибудь да окажется белка или заяц, а может, и кот-рыболов. А если и нет – что же, после полудня он попробует выудить форель. Над очагом в их хижине еще висела половина оленьей туши, и в лесу зверя хватало. Может, мать добудет еще оленя или отец с братом доберутся до медведя, которого давно выслеживают. Нельзя сказать, что вся семья держится на нем одном.

Валин уже откинулся спиной на теплый камень, забыв об утренних волнениях и полусонно дожевывая мясо, когда что-то заставило его встрепенуться и дернуть руку к ножу на поясе. По плечам поползли мурашки, он зорко оглядел лес. Ни звука, ни медвежьего ворчания, ни предсмертного вопля зайца. Лес казался даже тише, мрачнее обычного. И птицы затихли, оборвали песню на середине трели. Ладони у Валина стали липкими от пота. Дыхание сорвалось, зачастило. Почему молчат птицы?

– Оставь нож в покое.

Валин развернулся как ужаленный, забегал глазами, высматривая в темной стене деревьев говорящего. Ему пришлось трижды повернуть голову, прежде чем он различил темную, почти сплошь в черном, фигуру, неподвижно застывшую в каких-нибудь десяти шагах и укрытую густой тенью молчаливых сосен и кедров. Лицо тоже было в тени.

Сердце дернулось в груди. Валин вскочил на ноги, затеребил рукоять ножа, высвобождая его из ножен, а другую руку вскинул в зыбкой надежде защититься. Человек не шевельнулся, и оружия у него не было видно, но что с того? Само его появление – уже угроза.

Родители Валина выбрали этот кочковатый болотистый участок леса именно за глухое безлюдье. С приходом ургулов и аннурского войска жизнь в селениях стала опасной, часто смертельно опасной. Ургулы, если до тебя доберутся, убьют, и убьют медленно. Валин не видел трупов, но довольно наслушался, как они насаживают людей на кол, а потом принимаются сдирать кожу. Как шкуру с бобра, только бобра-то сначала убивают.

Считалось, что аннурские войска явились для защиты лесорубов и звероловов в северных лесах. Так считалось. А по правде, они с равным успехом могли и защитить, и унести заготовленные на зиму запасы мяса и меда. Родители старались скрыть от Валина самое страшное, но он слышал, как аннурские солдаты отбирают все, от одеял до медвежатины, и даже одежду снимают с беззащитных. Бывало и того хуже – до Валина доходили шепотки, что солдаты всяко использовали таких, как он, ребят, сыновей и дочерей поселившихся у границы семей. Это было дурно, что говорить, а если откажешься или станешь отбиваться, солдаты убьют. Убьют или оставят ургулам. Трудно сказать, что хуже.

Вот родители и увели их подальше. Беглецы чаще направлялись на юг. Но об этом мать и слушать не хотела.

– Что мы знаем про южные земли? – набросилась она на отца ночью, когда огонь прогорел до сердитых углей. – Что мы знаем про города? И про горожан?

– Не одни же там города, – отбивался отец Валина, в жизни не ступавший за пределы края Тысячи Озер. – Можно землю пахать.

– А что мы знаем о полевых работах?

Они думали, что Валин спит, забившись под шкуры в дальнем углу хижины, но он сквозь щелочки век видел, как мать обхватила ладонями голову отца, притянула, как если бы хотела поцеловать, и прямо в лицо проговорила:

– Ты зверолов, Фен. Зверолов, следопыт и охотник. Никого лучше тебя я не знаю, но крестьянин ты никакой.

Валин видел, как отец сжал зубы.

– В лесу теперь небезопасно, – сказал он. – С земледелием потом разберемся. Сейчас надо уходить из лесов.

– Нет. – Она медленно покачала головой. – Уходить надо глубже в лес.

И они ушли глубже, на север, в места, которых Валин прежде не знал, в дебри ельников, кедровника, бальзамических пихт, куда забирались только самые закаленные или совсем безумные охотники. Они шли и шли, пока не оставили далеко позади последние поселки лесорубов, за неделю пути миновали линии столкновения ургулов с аннурским войском. Валину уже стало казаться, что они так и будут идти до самого Фрипорта, а может, и до океана, но однажды, когда солнце уже садилось и ветер с севера дул жестоким холодом, они вышли на крошечную поляну, в тихое, заросшее мхом местечко, с которого видны были серые пики Ромсдальских гор на севере.

– Здесь, – сказала мать, опуская мешок на невысокий гранитный валун.

– Здесь, – улыбнулся ей отец.

На следующий день они взялись строить.

Новая хижина вышла даже больше оставшейся позади: две комнаты, каменный очаг, вделанный в стену. Когда они первый раз затопили печь, отец Валина обнял мать волосатыми руками, подхватил и, не слушая бурных протестов, поцеловал прямо в губы.

– Ты была права, – сказал он. – Здесь лучше, чем на юге.

Валин тоже так думал. Он разведывал новые леса, выискивал подходящие места для ловушек, стал хозяином земли, которой никто за долгую историю мира не называл своей. О чем еще мечтать мальчишке? Если ему иногда не хватало сверстников, товарищей по приключениям – что же, брат Каден был всего на два года старше. Каден научил его даже большему, чем мать с отцом: ставить силки, охотиться, бесшумно ступать по лесной подстилке. Благодаря Кадену эти густые темные леса казались ему домом. До сих пор.

– Сказано тебе, оставь нож в покое, – повторил незнакомец, угрюмо мотнув головой.

Его голос – низкий, жесткий, скрежещущий, как ржавое железо, – заставил Валина отшатнуться. Да что голос! Тот, кто стоял перед ним, больше походил на мертвеца, чем на живого человека: тощий, точно оголодавший за зиму волк, ни мяса, ни жира, одна кожа, обтянувшая веревки жил и кости. То, что когда-то было одеждой из черного сукна, так истрепалось, что укрывало тело хуже грубой кожаной одежды Валина. Тело в прорехах тряпья было все в шрамах, по груди и рукам тянулись выпуклые рубцы и длинные швы. Такие раны должны были не раз убить человека, но этого не убили. Вот он стоит, уставившись на Валина – если тут годилось слово «уставившись».

В деревне, где рос Валин, был слепец – старый дед, которого люди называли Горбатым Эннелом. Валин всегда старался заглянуть Эннелу в глаза, его завораживали и немного пугали затянувшие зрачки млечные бельма. Глаза старого Эннела были странными, немного отталкивающими, но что они против глаз этого человека?..

У этого глаза были... расколоты. Как будто кто-то рубанул по ним топором. Кровь, застывшая под роговицей, залила красным то, что было белками. Темные кружки вокруг зрачка – радужка, смутно припомнил Валин, – были черными, как обгорелое дерево, такими же черными, как точки посередине, если бы не линия белого, словно звезды, шрама. Они не походили на человеческие глаза. И вообще на глаза. Валин чуть не заорал.

– Тихо! – предупредил незнакомец, шагнув к нему.

Он все еще не обнажал оружия, но теперь мальчик видел два топора в петлях на плохо выделанном кожаном поясе. На том же поясе болталась смятая, окровавленная тушка кролика.

– Это мой кролик, – глупо выпалил Валин. – Ты обокрал мою ловушку.

– Не о том думаешь, малый, – поморщился незнакомец.

Валин отступил, стараясь держаться от него подальше, и поднял руки:

– Я никому не скажу. Оставь себе кролика. Хоть всех забирай. Я покажу, где ловушки...

Он лепетал и не мог остановиться. Он подглядел то, чего видеть нельзя, увидел этого человека с краденым кроликом и должен теперь умереть. Валин через плечо покосился на сонную реку. Можно прыгнуть в воду и попробовать выплыть. Вдруг этот черный не умеет плавать? Он уже поворачивался, когда рука схватила его за горло.

Между ног стало мокро. Он бы заорал, да рука не давала. На вид этот незнакомец умирал с голоду, но хватка у него была железная.

– Не дергайся, малый. Я тебе помочь хочу.

У Валина звезды вспыхнули перед глазами. Все затянула тьма. Он попробовал лягнуть убийцу в живот.

«Как камень лягнул», – успел подумать он, прежде чем лишиться чувств.

Основательная пощечина привела его в сознание. Незнакомец уложил его на гранитный уступ и стоял на коленях, придерживая за глотку.

– Не ори, – приказал он. – Они далеко, но лучше не рисковать.

Он помолчал, вскинув голову. Это движение – и настороженное, и хищное – напомнило Валину приносящегося волка-одиночку. Чуть погодя человек тихо выбрался и обратил к мальчику ужасные расколотые глаза:

– Знаешь, кто такие ургулы?

Валин сумел слабо кивнуть.

– Сейчас они движутся к вашей хижине. Маленький отряд. Человек двадцать. Если вернешься, они тебя схватят. Будут мучить. Убьют.

Сердце отстучало несколько ударов, пока Валин осмысливал его слова. Здесь, далеко на севере, ургулов нет. Они здесь в безопасности – и он, и родные. Они за безопасностью сюда и пришли. Этот черный врет, хочет его убить...

Он уставился в лицо незнакомцу. Глаза – страшнее пустых глазниц черепа. Ужасный человек, хуже любого кошмара, но он не лгал. Валина захлестнул новый ужас. Он попробовал вывернуться, но мужчина крепко прижимал его к земле. Валин бы не поверил, что бывает такая сила.

– Здесь нет ургулов, – заспорил мальчик. – Они сюда не доходят.

– Не доходили, – поморщился незнакомец. – Теперь, как видишь, дошли.

– Ты откуда знаешь?

Мужчина ответил не сразу:

– Я их чую. Лошадей и кровь. Они смердят. – Он подставил ухо ветру. – А сейчас, кажется, и слышу.

Что за чушь! Валин втянул в себя воздух. Не чуял он никаких лошадей. И слышал только собственное испуганное сопение.

– Если пришли ургулы, мне надо предупредить своих, брата...

– Поздно предупреждать. – Человек в черном угрюмо покачал головой. – До твоей хижины далеко. А они уже почти там.

– Тогда я буду с ними драться!

Валин снова попробовал вывернуться. И к его удивлению, черный его отпустил.

– Четверо против двадцати. Вам по силам разве что умереть, малый. – Он обратил пустой взгляд за деревья, тряхнул головой. – Не возвращайся туда.

Валин ждал продолжения, других слов, но незнакомец уже развернулся на пятках. Он и двигался по-волчьи, будто крался к лесу. На краю оглянулся, выдернул из-за пояса кролика и швырнул на землю перед Валином.

– Твой, – сказал он, снова отворачиваясь.

Валин догнал его через десяток шагов. В ужасе он забыл про осторожность: схватил незнакомца за кожаный пояс, потянул и тут же почувствовал, как его подняли за грудки в воз-

дух и приложили о шершавый ствол. Острые сучки прокололи одежду, а человек в черном склонился над ним.

– Никогда ко мне не прикасайся! – прошипел он.

Валин едва дышал, но сумел выговорить:

– Помоги мне!

– Уж помог.

– Еще помоги. Надо спасти моих. Ты боец...

Он сам не знал, как это понял. По тому, как двигался этот человек, по двум топорам на поясе, по страшной силе, прижавшей его к дереву. Воин, и все тут. Эта мысль закружилась в голове Валина сухим листком на стремнине: «Он убийца».

– Один я не справлюсь, – уговаривал Валин. – Мне нужна твоя помощь.

– Я никому не помогаю.

Чуть помедлив, незнакомец уронил мальчика на землю.

Тот хватал ртом воздух, пытался подняться. Ветка, порвав его кожаную рубаху, оставила на спине глубокую царапину. Он чувствовал, как течет кровь. Ему было не до того.

– Ты мне помог, – зашептал он. – Ты меня предупредил. Ты не ургул. Ты аннурец. Ты говоришь по-аннурски. И меня предупредил.

– Так сложилось.

Валин задохнулся. Из головы не шло видение горящей хижины. Утро, все должны быть дома: отец с матерью колют дрова к осени, брат копает новый колодец. Он представил родных в крови, распростертых на земле, со вспоротыми, как у зверей, животами.

– Пожалуйста, – сказал он, встав на колени и не сводя глаз с возвышающегося над ним страшного человека. – Пожалуйста, помоги.

Незнакомец так скрипнул зубами, что Валин испугался, не сломались бы его челюсти. Да и жилы на шее готовы были лопнуть. Что выражало его лицо? Гнев? Жалость? Он не выглядел жалостливым, но уходить больше не спешил, и его промедление внушило Валину хрупкую, ужасающую надежду.

– Пожалуйста, – едва ли громче ветра повторил он.

– Тебе придется меня вести, – отозвался наконец незнакомец.

Валин с готовностью закивал и вскочил на ноги.

– Хорошо, – качнулся он к пологому склону. – Сюда! Скорей!

Он сделал с десяток шагов, прежде чем заметил, что человек в черном за ним не идет. Он остался стоять на каменном уступе спиной к солнцу, так что лицо скрывала тень.

– Прошу тебя, – взмолился Валин. – Идем!

– Я могу сам пройти по лесу, но так выйдет слишком долго, – медленно покачал головой незнакомец.

И он, мгновенно сменив нерасторопность на скорость – так, что Валин даже испугаться не успел, – выдернул из-за пояса топор, перевернул, подкинул и поймал за топориче под лезвием. Рукоять он протянул Валину:

– Берись за другой конец. Веди, так будет скорее.

На миг Валин остолбенел. Его ужасало то, что, по словам незнакомца, ждало его дома, но ужасал и сам незнакомец. Коснуться топора, хотя бы и безобидной деревянной рукояти, казалось опасно. Более чем опасно.

– Что? – спросил он, прикованный к месту столкнувшимися в нем страхами. – Зачем?

– Затем, что я слепой, – угрюмо ответил незнакомец.

«Опоздали!»

Это первое, что подумалось Валину, когда они вырвались из леса на прогалину.

Хижина была еще цела. Ничего не горело. Никто не кричал, но небольшую поляну, расчищенную родителями, чтобы дома было светлее, сплошь заполонили конные мужчины и женщины. Всадники показались ему чудовищами. Такая светлая кожа, такие желтые волосы, такие страшные голубые глаза. Ургулы! Черный человек не солгал. Ургулов здесь быть не могло, но они пришли. Отыскали дом Валина, семью Валина, и теперь все погибло. Конец.

Вопль оцарапал ему горло и вырвался в тишину позднего утра. В другое время Валин устыдился бы своего писка, но сейчас ему было не до стыда и не до страха – ни до чего. Ноги у него дрожали, и воздух, казалось, не шел в грудь, заплутав по дороге. Легкие вот-вот лопнут. Это был страх – и не страх. Что-то хуже страха.

Валин выпустил топориче и сделал шаг вперед, нашаривая рукоять ножа и гадая, больно ли будет, когда ургулы его убьют. Его остановила легшая на плечо рука. Опять эта каменная хватка незнакомца. Мальчик хотел вывернуться, но мужчина оттянул его назад.

– Брось, – проворчал он. – Заткнись. Держись за мной.

– Моя семья...

– Они еще живы.

Мужчина махнул рукой в тень поленницы, к которой прижали мать и брата опущенные копыта всадников. Отец лежал в шаге от них, из разбитой головы текла кровь.

– Твои живы. Не делай глупостей, и останутся живы.

Валин почувствовал, как подгибаются ноги, и камнем рухнул наземь.

Мать дернулась, только теперь его заметив, сдавленно вскрикнула, хотела сделать шаг – наткнулась горлом на стальное острие и смирилась, обливаясь слезами. Брат поймал взгляд Валина. Каден дрожал то ли от страха, то ли от ярости. Валину тоже слезы туманили зрение. И опять: он должен бы стыдиться, но и стыд сейчас ничего для него не значил. Он бы всю жизнь провел в стыде и похуже этого, лишь бы ургулы проехали мимо, оставив их семью жить дальше на этой крошечной поляне.

– Хуутсуу, – проговорил незнакомец с топорами.

Валин понятия не имел, что значит это слово, но на голос почти все всадники развернули лошадей. В беспощадном свете блеснули наконечники копий. Заскрипели, натягиваясь, луки. Их бы хватило десяток раз убить человека в черном, а тот стоял как ни в чем не бывало.

«Конечно, он не боится, дурак! – одернул себя Валин. – Он же их не видит».

– У них луки, – выдохнул он. – Они будут стрелять...

Он еще не договорил, когда двое всадников выпустили стрелы. Промаяхнуться на таком расстоянии они не могли. На восьми шагах Валин сбивал юркнувшего по ветке бурундука, а незнакомец был куда больше бурундука.

И, как оказалось, проворнее. Куда проворнее!

Валин опешил, когда незнакомец отмахнулся неуловимо быстрым, невероятно быстрым движением – и стрела бессильно упала в хвою в шаге от него. Валин обернулся: воин держал в руке вторую, выхватив ее из воздуха в паре дюймов от груди. Он сжал пальцы, и древко переломилось.

– Хуутсуу, – повторил он. – Придержи своих, не то я их убью.

Лучники не опустили оружия, но медлили, как видно, в ошеломлении. Кое-кто оглядывался на высокую женщину с развевающимися светлыми волосами. Она толкнула свою лошадь вперед. Валину не впервой было видеть сильных женщин – его мать могла полдня рубить толстые комли сахарных кленов, а потом до вечера обегать свои силки и ловушки, но рядом с Хуутсуу, если эту женщину звали так, его мать показалась бы слабосильной старухой. Он почувствовал себя котенком дикой кошки, впервые увидевшим скалистого льва. Кожаные штаны и меховая безрукавка не скрывали глубоко врезанных шрамов на плечах и груди ургулки. А когда та шевельнулась в седле, Валин заметил, как вздуваются под кожей мышцы. Лук она держала поперек седла, но не потрудилась достать из колчана и наложить стрелу.

Рассмотрев человека в черном, она кивнула:

– Так. Квина счел тебя достойным испытания. Ты закалился с нашей последней встречи.

Ее слова прозвучали как похвала. У Валина скрутило живот. Черный человек знает эту женщину? А если они друзья? Вдруг он решит ей не мешать? Вдруг он сам из ургулов?

Валин скосил глаза на незнакомца. Кожа совсем темная, и глаза... Но кто знает, какие союзы заключаются вне их тихого лесного уголка? Кто знает, не вступили ли аннурцы – изменники! – в сговор с ургулами? Правда, ургулы стреляли в этого черного, но ведь перестали? А незнакомец соврал ему – сказал, что слепой...

Валин стал дюйм за дюймом отодвигаться от незнакомца поближе к сомнительному укрытию леса. Можно ускользнуть и зайти с другой стороны. Между поленицами есть узенький проход. Они пролезут через него и забьются в пихтовые заросли, куда всадники не пройдут...

В затылке взорвалась яркая, слепящая боль.

Он лежал ничком, лицом в сосновые иголки – рот разинут, в нос бьет вонь мокрой земли и гнили. Кто-то его ударил... незнакомец... напал...

– Я сказал, стой смирно, – проговорил мужской голос.

Валин приподнялся на локтях и поймал взгляд матери через прогалину. Она молча, едва заметно покачала головой. Брата она держала за плечо – удерживала. Каден сильный, порывистый, действует не раздумывая. Раз он стоит на месте, раз его можно удержать, значит это важно. Так надо. Валин снова опустился на холодную землю. Его тошнило – не то от боли, не то от страха.

– Зачем вы здесь? – спросил незнакомец.

Притворялся, что слепой, а сам в упор смотрел на ту женщину. Валин поразился, как она, не дрогнув, выдерживает этот страшный взгляд изуродованных глаз. Молчание затянулось, как будто человек в черном и всадница тянули его каждый на себя, проверяя, кто первый сдаст. В конце концов женщина – Хуутсуу, так ее звали – коротко кивнула, видно что-то решив.

– Ищем. Охотимся.

– Охотитесь... – Незнакомец покачал головой и сплюнул в палую листву. – На кого охотитесь? На семью зверолова? Длинному Кулаку мало аннурцев, которых он убивает на линии боя?

– Длинный Кулак пропал, – ответила женщина.

Черный нахмурился:

– Пропал. Куда?

– Не знаю. Приказал нам слушаться лича, вашего дружка. И скрылся.

– Балендина!

Теперь в голос незнакомца прорвалась злоба. Валину было видно, как сжались его пальцы на топорнице.

– Балендин теперь вождь вашего народа?

– Большею его части, – ответила Хуутсуу.

– Большею части?

Женщина бросила через плечо взгляд на своих всадников и кивнула:

– Так не годится. Кое-кто из нас уже сыт по горло.

– Я думал, вы вечно голодные. Боль есть боль, так?

– Ты закалился, а умнее не стал.

– А ты меня поучи.

– Мы почитаем Квину. Иноземный лич почитает только самого себя. Он убивает не в жертву, а загибая силу себе. В этом нет чести. Нет чести для идущих за таким существом.

Незнакомец крикнул. Валин ничего не понимал в их разговоре, но пока они заняты друг другом, его семью не тронут. Он посмотрел через поляну. Отец все еще лежал без чувств в

грязи, но брат, высвободившись из рук матери, вытянул, пока на него не смотрели, полено из поленицы, обхватил широкой ладонью, как оружие, будто мог этой деревяшкой проложить себе путь через два десятка ургулов. Мать заметила и попыталась втихомолку отнять у него полено, но Каден вывернулся и стал высматривать себе противника.

– Не надо! – вскрикнул Валин, потому что ближайший к брату ургул уже оборачивался, заноса копьё.

Мать рванулась вперед, чтобы заслонить сына от похожего на вытянутый лист наконечника. Она двигалась быстро, но еще быстрее оказался топор незнакомца – мелькнул, кувыркаясь, над прогалиной и вошел в спину ургула, точно в гнилой пень. Всадник разом обмяк и беззвучно повалился. Он еще не коснулся земли, когда Хуутсуу гаркнула что-то на своем наречии.

Ургулы смотрели сердито и недоуменно, но бить больше не пытались. Мать вырвала у Кадена полено и вновь оттянула сына к дровнице, обхватила его сильными загорелыми руками, дрожащего от стыда и ярости, прижала к себе, неслышно для Валина зашептала что-то на ухо.

Хуутсуу взглянула на черного человека с укором:

– Как мы с тобой ни встретимся, ты убиваешь моих мужей.

– В прошлый раз ты говорила, что те, кого можно убить, не мужчины.

Незнакомца как будто вовсе не беспокоило, что он остался всего с одним топором. Его как будто вообще ничего не беспокоило. В том, как он стоял, как держался, было что-то знакомое.

«Безумие! – вдруг понял Валин. – Он похож на бешеного зверя».

Его мысль перебил смешок Хуутсуу. От него мороз прошел по спине, как от полночного воя койотов, когда те стягивают кольцо вокруг добычи.

– Зачем здесь ты? – спросила она черного. – Где твои друзья?

Незнакомец покачал головой, словно слово «друзья» было ему неизвестно.

– Ступай своей дорогой, Хуутсуу, – сказал он. – Оставь этих людей.

– Опасно оставлять за спиной тех, кто тебя ненавидит, – улыбнулась она. – Я думала, ты усвоил этот урок.

– У этой семьи нет к вам ненависти, Хуутсуу. Я полгода за ними наблюдал. Они бьют зверя, ставят ловушки. Рубят дрова на зиму. Они не участвуют в войне. Оставь их в покое.

Женщина, поразмыслив, покачала головой:

– Я убью их быстро.

– Нет, – возразил он. – Не убьешь.

Она снова усмехнулась:

– Ты – один человек, Малкениан.

– И на одного едва тяну, – так тихо, что Валин едва расслышал, буркнул незнакомец, но потом он поднял голову и повысил голос: – Уезжай или сражайся, Хуутсуу. Остальное решит Ананшаэль.

– Ананшаэль... – Женщина скривилась и с силой выдохнула. – Ты готов за них умереть? Готов за них убить?

– Я и не за такое убивал.

Ургулка долго разглядывала его. У Валина вспотели ладони. Сердце скакало по ребрам. Ему казалось, он вот-вот потеряет сознание, но не терял. Наконец в лице женщины что-то переменялось.

– Это дурачье безобидно, – сказала она, махнув рукой на семью Валина. – Их я могла бы оставить за спиной, оставить в живых.

Незнакомец готов был кивнуть, но она остановила его, вскинув руку:

– А вот ты, Малкениан, далеко не безобиден. Однажды ты меня не убил и чуть не поплатился за это жизнью. Я не повторю твоей ошибки.

– Если думаешь, что сможешь меня убить, – проговорил он негромко, – давай, попробуй.

По голосу слышно было, что он готов – Валин только не знал, убивать или умирать.

– Я не хочу твоей смерти. Я хочу, чтобы ты был с нами.

– С чего бы мне объединяться с ургульскими дикарями? – прищурился черный.

Хуутсуу ответила ему улыбкой:

– С того, что ургульские дикари убьют развращающего наш народ лича. Того, кто осквернил нашего бога.

– Балендина.

В его устах имя – если это было имя – прозвучало грязным ругательством.

– Ты, как и мы, – говорила Хуутсуу, – ненавидишь лича. Я это хорошо помню.

Помедлив, незнакомец покачал головой:

– Мало ли кого я ненавижу.

– С чего-то же надо начинать, – пожала плечами женщина.

– Я не собираюсь ничего начинать.

– Собираешься, – ответила Хуутсуу. – Пора бы. Ты сам сказал, что полгода бродил по лесам, как больной волк. Я предлагаю... другой путь.

– Мне не нравится твой путь. Я доволен своим.

– А если ты не пристанешь к нам, – сверкнула глазами Хуутсуу, – я убью тебя, а потом отдам эту семью богу. Медленно.

Незнакомец долго изучал ее с застывшим, как гранитная глыба, лицом.

– Зачем? – не сказал, а прорычал он.

– Мне нужны воины, – пожала плечами женщина. – А ты, кто бы ты ни был, воин.

– Если тебе нужны воины, что, во имя Хала, ты делаешь здесь? Бои идут далеко.

– Мы искали призраков, Малкениан. Трех призраков. Людей, похожих на тебя.

Незнакомец дернулся, как от удара, приподнял оставшийся у него топор, оскалил зубы, будто готов был кинуться на женщину и вырубить у нее сердце.

Прозвучавшие наконец слова были холоднее камня зимой.

– Каких людей?

Хуутсуу медленно покачала головой:

– У них нет имен, но одеваются они в черное. – Она указала на лохмотья незнакомца. – Как ты. Их всего трое, но они не дают нам покоя много месяцев. Перехватывают гонцов, нападают на воинов, бывает, врываются в лагерь и убивают. Те, кто за ними погонится, возвращаются с пустыми руками или вовсе не возвращаются. Лошадей у них нет, у этих троих, но передвигаются они быстро и удары наносят всегда ночью.

– Так... – Губы незнакомца скривило что-то похожее на улыбку. – И вы решили к ним пристать? Помочь им? Я думал, аннурцы – хилый, выродившийся народ.

– Эти – нет. Они закалены не хуже любого ургула. И притом они аннурцы, как возглавивший мой народ лич. Они могут знать, как его убить.

– По твоим словам, они пытались, – возразил человек в черном, – да не сумели.

– Их всего трое, – отмахнулась Хуутсуу. – Им трудно смешаться с нашими людьми. А вместе мы сумеем перерезать глотку этому личу.

– Если они прежде не перережут глотку тебе. Раз они такие грозные, как бы не нашли вас сами и не убили.

– Может, убьют, а может, и нет. Ты будешь с нами. Ты все объяснишь этим аннурцам.

Незнакомец опустил топор и надолго задумался, будто разрываясь между решениями, но под конец покачал головой:

– Нет. Я с этим покончил.

– Тогда будем биться, – пожала плечами Хуутсуу, – а после боя я отдам эту семью богу.

Валин забыл дышать и только тарачил глаза. Он почти ничего не понял. Он не знал, кто такой Длинный Кулак, кто такой Балендин, почему человек скрывался в лесах, откуда он знает

эту женщину и почему она называет его Малкенианом, будто какого-то аннурского императора. Он понял одно. Судьба его семьи висит на волоске. Скажет незнакомец «да», они будут жить. Скажет «нет» – случится ужасное. Он заметил, что всхлипывает, стонет, уткнувшись лицом в грязь.

– Ничего, Валин, – донесся через поляну голос матери. – Просто лежи смирно, сын. Все будет хорошо.

Он поднял голову, нашел ее взгляд, увидел протянутую к нему руку. Ее загоразивали ургульские копы и ургульские кони, но он видел ее глаза и слышал голос.

– Все хорошо, Валин, сынок. Все хорошо.

Рядом с ним, справа, шевельнулся незнакомец. Мальчик повернул голову и увидел, что тот всем телом развернулся к нему.

– Как тебя зовут, малый?

– Валин, – заикнулся он. – Назвали по принцу. По старшему сыну императора.

Он не понимал, зачем черному это знать, но пока они разговаривают, они не убивают.

«Пожалуйста, – взмолился он про себя, обращаясь к любому богу, какой мог его услышать. – Пожалуйста, говорите!»

А Хуутсуу, к его великому изумлению, хохотала. Смотрела на человека в черном и хохотала без удержу. Незнакомец повернул голову к ней и снова к Валину, словно изучая его. Наконец он как будто расслабил плечи. И кивнул.

– Ладно, – проворчал он. – Все равно мне надоело обкрадывать детские ловушки.

– Так я и думала. – Женщина говорила так, как если бы знала все заранее, а натянутые луки и нацеленные копы были только для виду. – Плоть у тебя закалена, а в сердце осталась мягкость.

Встретивший ее взгляд черный казался каким угодно, только не мягким.

– Может статься, ты еще пожалеешь, – сказал он.

– Тем интереснее, – улыбнулась всадница.

Отвернувшись от незнакомца, она отрывисто скомандовала, и ургулы поехали прочь с поляны, обращая на Валина и его родителей не больше внимания, чем на грязь под копытами. Валин круглыми глазами смотрел на незнакомца, который склонился над ним, за шиворот поднял на ноги и устал на него свои страшные глаза.

– Ты храбрый парень. Молодец. Как бы тебя ни звали, ты лучше любого сраного императорского сынка. Понял?

Валин нерешительно кивнул. Незнакомец еще долго смотрел на него, потом тоже кивнул.

– Хорошо, – ворчливо бросил он и, отвернувшись, прошагал через поляну.

Человек выдернул свой топор из спины убитого ургула и пнул труп ногой, как гнилое негодное полено – ни на сруб, ни на дрова не годится.

13

– Адер лжет, – сказал Каден.

Киль разглядывал его в приглушенном свете лампы. Почти сразу после разговора на причале Каден вернулся на тридцатый этаж, в свой кабинет, – задержался только, чтобы послать слугу разыскать историка. Он дождался Киля и обдумывал разговор, уставившись сквозь стену закаленного стекла на город внизу и перебирая в голове каждый жест и каждую фразу Адер, высматривая за словами правду. Киль появился к ночи, и к тому времени самые черные подозрения Кадена переросли в уверенность.

– В чем? – спросил Киль и, прихватив оливку из деревянной мисочки на столе, встал у прозрачной стены рядом с Каденом.

Тот помолчал, снова вызвав в памяти сама-ан сестры – ее глаза, губы, напряженные мышцы челюстей. Поразмыслив над застывшим образом, он медленно запустил его движение и стал обращать внимание на ее запинки, на мгновения, когда она отводила глаза.

– Не во всем, – наконец решил он. – Но по части Валина она что-то скрывает.

Киль не сводил взгляд с города. Он с бесстрастным лицом молча ждал продолжения.

– От Гвенны и ее крыла, – негромко рассуждал Каден, – я узнал кое-что новое. Талал, их лич, сказал, что Валин встречался с Адер в Аатс-Киле, это городок на южной оконечности озера Шрам, за несколько дней до начала сражения.

– А твоя сестра, – заключил историк, – утверждает, что вовсе его не видела.

– Именно так. – Каден покачал головой. – Но почему?

Он снова всмотрелся в запечатленный образ.

Кое в чем он сразу узнал в Адер женщину, выросшую из той девочки, с которой Каден много лет назад простился в аннурской гавани. Глаза, конечно, не оставляли простора для ошибки – у Адер они всегда горели ярче и жарче всех, даже когда жив был отец. И абрис лица он узнал: вытянутый тонкий овал, высокие скулы, узкий подбородок. Все ее черты, которые он перебирал одну за другой, соответствовали чертам худенькой девочки, памятной ему по детским годам.

Но было что-то еще в ее лице, одновременно явное и неуловимое и не имевшее ничего общего с той девочкой. Каден всмотрелся в глаза сестры, ища слов, чтобы выразить это новое. Она казалась более...

Он закрыл глаза, отрешился от привычного вида отцовского кабинета, сосредоточился на врезанном в память образе. Конечно, появились шрамы – тонкие красные линии, выжженные у нее на коже молнией у Негасимого Колодца. За эти отметины, да и просто за то, что она тогда выжила, тысячи людей числили ее пророчицей, но шрамы, при всей их необычности, – просто шрамы: гладкие черточки, явственно видимые при свете дня, озарявшем воспоминание.

– Адер переменилась... – произнес он и сбился.

– Естественно, – заметил Киль. – Ваш род всегда был... нестабилен, непостоянен. Адер, как и все смертные, как ты сам, переменчивое создание.

– Нет. – Каден мотнул головой. – Дело в другом. Она не только повзрослела, она стала... глубже. Жестче. Она не только выросла, она стала иной, как будто ее разбили и, склеивая черепки, вставили что-то чуждое ее природе. Она напомнила мне Валина.

– По своей природе люди непостоянны, – возразил Киль. – Вы не стоите на месте, вечно меняетесь. Обычно вы не замечаете метаморфоз в своих сородичах, потому что они совершаются постепенно на протяжении недель и месяцев. Но ты был надолго разлучен с братом и сестрой, и теперь тебе трудно принять столь внезапные перемены.

Каден медленно выдохнул, с дыханием отпустив сама-ан, и открыл глаза.

– Талал сказал, что Валин хотел убить ил Торню. – Он выкладывал факт за фактом, словно камни в основание строящейся стены: – Длинный Кулак для того и отпустил, и вооружил брата. Валин с Лейтом и Талалом перешли границу, нашли в Аатс-Киле Адер и ил Торню – те осушали озеро, чтобы открыть проход войску. Там Валин переговорил с Адер. Она убедила его, что в предстоящем сражении с ургулами без ил Торни не обойтись. По словам Талала, Валин засел на крыше самой высокой башни Андт-Кила, это что-то вроде маяка для подходящих с юга судов. Дальнейшего Талал не видел, он спустился, чтобы сразиться с Балендином, но от Адер нам известно, что с той же башни ил Торня командовал сражением и сама Адер была там...

Молчание договорило за него.

Киль долго безмолвствовал, прежде чем кивнуть:

– Твой вывод представляется вероятным. Пожалуй, и неизбежным.

Каден дал себе время выйти из собственного сознания, скользнув сперва в ваниате, а затем, чуть задержавшись, – в воображаемые границы чужого рассудка, принадлежащего брату. Искусство бешра-ан было несовершенным, особенно когда ты плохо представлял человека, в чей ум решил вселиться, его поступки, привычки, обычный рисунок эмоций. Валин был Кадену братом, но едва ли они были знакомы. Слишком рано развела их жизнь, а встреча выдалась короткой и полной боев и бегства. И все же изнутри сознания Валина кое-что виделось яснее: если Валин добивался смерти ил Торни, он бы не отказался от своего намерения.

Каден никогда не бывал даже в окрестностях Андт-Кила, но представлял себе башню: грубо обтесанные, скрепленные известкой камни на северной оконечности озера. Он вообразил лежащего на крыше Валина – тот следил за битвой внизу, разрывался между желанием вступить в бой плечом к плечу с друзьями и решимостью убить ил Торню. Если верить Талалу, брат пожертвовал всем, чтобы остаться на крыше. И когда сражение закончилось, когда он наконец дождался...

Каден распахнул глаза – и отпустил рассудок брата.

– Он ударил. Попытался убить ил Торню – и не сумел.

– Это, – кивнул Киль, – согласуется с сообщением Гвенны и Талала.

– И соответствует тому, каким он был. Даже зная, что ил Торня – кшештрим, даже без надежды на победу, он бы не отступил. Он бы попытался довести дело до конца.

Только замолчав, Каден услышал эхо своих слов: «...каким он был». В какой-то момент посреди бешра-ан он стал говорить о брате в прошедшем времени. Сейчас Каден снова обратился к воспоминаниям о сестре. Как она отводила глаза, заговаривая о Валине...

– Он погиб, – сказал Каден, – и Адер это известно. Если она была в башне, то видела его смерть.

– Или сама его убила, – тихо добавил Киль.

Кадена скрутило мучительной болью. Он было потянулся к ваниате, но остановил себя. Прав или не прав кшештрим, предупреждая об опасностях слишком долгого пребывания в пустоте, но это... если это правда... он должен встретиться лицом к лицу. Что же это такое: думать об убийстве родного брата родной сестрой – и без горечи, без гнева, без ужаса? Если человек – лишь клубок им пережитого, кем станет ничего не переживающий, скрывающийся от чувств, сбросивший с себя узы мира? Ваниате хин, как оно ни заманчиво, холодно, инородно, оно рождает отчужденность.

– Не думаю, чтобы она сумела его убить, – наконец ответил Каден. – Разве что ткнула ножом в спину.

– Независимо от того, кто держал нож, – заметил Киль, – представляется вероятным и более чем вероятным, что Валин пытался убить ил Торню. Не справился и погиб. Адер все это известно.

– Никого не щадит, – покачал головой Каден. – А ради чего? Чтобы сесть на трон? Примерить императорский титул?

Он попытался проникнуть в разум сестры, но Адер он представлял еще хуже, чем Валина. Не понимал ни ее поступков, ни ее выбора. Несколько ударов сердца он силился сложить бешра-ан – и сдался. Он давным-давно смирился с тем, что существуют люди – Рампури Тан, Пирр Лакатур, да и собственный отец, – которых ему никогда не понять.

– Адер солгала о Валине, – снова заговорил он, – зато о Мешкенте сказала правду.

– И какую же правду, – склонил голову к плечу Киль, – она тебе сказала?

Каден глубоко вдохнул. Этой части разговора он не успел обдумать. Факты просты, а вот что из них следует... Затем ему и понадобился совет Килья.

– Длинный Кулак, Мешкент, пользуется кента.

Кшештрим долго смотрел на него, прежде чем откинуть голову, устремив взгляд в иные дали. Как правило, кшештрим искусно скрывал свою истинную природу, но этот взгляд, виденный Каденом не в первый раз, стоило только историку задуматься над какой-нибудь неразрешимой задачей, был совершенно нечеловеческим.

– Она точно знает? – спросил наконец Киль.

– Она в этом уверена. И ил Торнья тоже. Это объясняет согласованность атак на рубежи Аннура, объясняет, почему все так разом навалилось.

– И не только это, – тихо сказал кшештрим.

– О чем ты?

– Длинный Кулак – не просто ургул. – Казалось, Киль изучает звезды за прозрачной стеной Копья. – Он еще и ишшин. И даже их глава.

Каден опешил. Такие простые слова, а сколько за ними стоит, и как трудно проследить их нить в плотном плетении ткани мира. Нет, не складывается. Но если сложить, отсюда следует...

– Их возглавлял Матол, – медленно проговорил Каден, повторяя то, в чем был уверен, словно, произнесенные вслух, слова делались истиной. – Тристе убила его с помощью кента.

– Матол был всего лишь заместителем, – покачал головой Киль, – хотя сохранял этот пост долго, многие годы. И все же заместитель. Они называли другого, Горма. Его я не видел.

Каден рылся в своих воспоминаниях, перебирал услышанное. Тан этого имени не называл. Матол тоже, но где-то в закоулках памяти оно сохранилось, упомянутое вскользь одним из тюремщиков: «Рампури Тан был охотник. Кое в чем не уступал Кровавому Горму». Тогда Каден слишком заинтересовался прошлым Тана, чтобы расспрашивать о человеке, с которым того сравнили, а позже не видел причин возвращаться к той фразе. В Мертвом Сердце было полно жестоких людей, и он не собирался знакомиться с каждым.

– Итак, Горм ушел в степи, – медленно заговорил Каден, чувствуя, как становятся на места камни-мысли. – Ишшин, разыгрывающий ургула и назвавшийся Длинным Кулаком...

– Не совсем так. Телом Длинный Кулак и есть ургул – кожа, глаза, волосы. Трудно сказать, когда в это тело вселился Мешкент – возможно, когда Длинный Кулак еще жил в степи или когда вступил в орден ишшин, но важно, что он стал ишшин. – Киль удивил Кадена улыбкой. – И как я раньше не понял?..

– Ты же никогда не видел Горма.

– Едва ли это оправдание. Общую картину видел.

Каден насупился:

– Итак, Мешкент вселился в Длинного Кулака, объединил ургулов...

– Нет, – покачал головой Киль. – Он покорила степь уже после того, как стал ишшин, может быть, долгое время спустя. Ишшин часто такое проделывают: внедряются под новыми личинами в сообщества Вашша и Эридрои и нередко остаются в них на годы. На десятилетия.

– Они и тебя так выследили?

Кшештрим кивнул:

– Не выходя из Мертвого Сердца, они не сумели бы разыскивать моих сородичей. Им приходилось покидать свою крепость, смешиваться с людьми, а в случае с Длинным Кулаком – возвращаться к ним.

– К чему было так уклоняться от цели? Мешкент задумал уничтожить Аннур, а ишшин до Аннура нет дела. Их волнует только искоренение твоей расы.

– Ты мыслишь прямолинейно, – упрекнул Киль. – Иногда к цели ведет не самый короткий путь.

Кадену собственные мысли вовсе не казались прямолинейными. Они спутались в голове, их швыряло, как сучья в быстром потоке. Он с усилием замедлил этот поток и поискал, за что зацепиться, чтобы отдохнуть, набраться сил.

– Врата, – заговорил он после долгого молчания. – Мешкент понимал, что победить Аннур сумеет, только заставив нас сражаться на несколько фронтов, а для этого ему понадобился доступ к вратам.

– Действительно, – согласился Киль. – Даже вся мощь ургулов не помогла ему снести ил Торню и Северную армию. Он побеждает потому, что всюду ведет бои. Пираты, мятежники, расплодившиеся на дорогах разбойники, кровопролитие на Пояснице – эта война не столь очевидна, как напор с севера, но это тоже война.

– И она нас губит, – выдохнул Каден.

Он вдруг почувствовал себя соколом из дворцовой соколятни. Птиц, не занятых охотой, держали под капюшончиками, и ему вдруг разом представилось, как те пытаются сбросить кожаные колпачки, воображая, что, если избавятся от них, окажутся на свободе. А сбросив колпачки, увидят: лапы у них спутаны, перед глазами решетка клетки, а за ней непробиваемые стены. И в полном шорохов полумраке созданной человеком тюрьмы не видно и проблеска небес.

Каден давно знал, что они проигрывают. Но только сейчас понял, как безнадежно.

– Могла быть и другая причина, – рассуждал Киль, не смущаясь его молчанием. – Если Мешкент заподозрил, что в средоточии власти Аннура – кшештрим, он счел бы разумным объединиться с охотниками на кшештрим.

– А он мог? – спросил Каден. – Мог узнать?

Что ни говори, Мешкент – бог. Почему бы богу не знать все?

Киль долго не отвечал. И не шевелился. Наконец он встретил взгляд Кадена.

– Не могу ответить. Боги не всеведущи, но что им известно... и откуда... не знаю.

Каден в темноте своей памяти осматривал холодные пещеры Мертвого Сердца, пытался вообразить, как бог в одежде человеческой плоти ходит по этим промозглым подземельям, ест год за годом разваренную белую рыбу, живет среди безумцев, сломленных обрядовым самоистязанием.

– И ему это нравилось, – тихо проговорил Каден.

Киль вопросительно поднял бровь.

– Мешкенту, – пояснил Каден. – Длинному Кулаку, Кровавому Горму... Как бы он ни назывался, даже если он вступил в орден ишшин ради врат или чтобы добраться до кшештрим, ему это еще и нравилось. Мертвое Сердце – храм страдания.

– Это так, – задумчиво кивнул историк.

Каден минуту всматривался в его лицо, прежде чем снова обратиться к стеклянной стене, за которой открывался Аннур. Острый клинок месяца прятался за крышами на западе. Ночь выдалась темной и обещала стать еще темнее.

– Мне надо вернуться туда, – тихо сказал он.

Что-то внутри дрогнуло от этих слов, но Каден отыскал и раздавил в себе страх.

– Мне надо вернуться в Мертвое Сердце.

Киль присмотрелся к нему:

– Надеешься его найти. Мешкента.

– Я должен. Победить ил Торню мне не по силам. Мы вызвали сюда Адер в надежде, что она подскажет, где у него слабое место, может быть, даже поможет его убить... – Каден устало договорил: – А теперь очевидно, что ей нельзя доверять, что она лжет. Откуда нам знать, не прислал ли ее ил Торня с какой-то своей целью? Он переигрывает нас на каждом шагу. Мы уничтожили империю и ничего этим не изменили. Война по-прежнему идет.

– Напрасно ты так думаешь, – сказал Киль. – Объединив всю мощь Аннура, ил Торня мог бы уже уничтожить Мешкента. Если бы ты не удерживал Рассветный дворец, он мог бы уже добраться до Тристе. До Съены.

Каден покачал головой:

– Мы выиграли время, и только. Ил Торня знал про Длинного Кулака, знал, что вождь ургулов – бог. Мешкент мало того что ведет войну на несколько фронтов, он, возможно, даже не сознает, что ему грозит. Он думает, что воюет за Аннур, а ил Торня нет дела до Аннура. Все это, – Каден указал на город и спящие за ним темные поля, – для него только набор фигур, которыми он легко пожертвует.

– Ран ил Торня быстр, – признал Киль, – и умен. Но Мешкент бог. Он тоже умеет распорядиться фигурами.

– Но он ведет не ту игру, – возразил Каден. – Он пытается завладеть игровым полем, вернуть власть над Вашшем и Эридроей, возродить свой кровавый культ. Ил Торню власть не интересует. Для него победой будет захват двух фигур: Тристе и Длинного Кулака. Для Тристе я не могу уже сделать ничего большего. Она в самом безопасном месте, какое я знаю, и более того, она здесь, внутри Копья, где ей и следует быть. Ей я ничем не могу помочь, зато мог бы предупредить Длинного Кулака. И постарался бы и его привести сюда.

– В Копье.

– Куда же еще? – кивнул Каден.

Киль некоторое время наблюдал за ним – или так показалось Кадену. В то же время ему чудилось, что взгляд кшештрим устремлен сквозь него, на какую-то главную, непостижимую истину.

– Длинный Кулак не то, что Тристе, – нарушил затянувшееся молчание кшештрим.

– Оба боги.

– Нет. – Киль покачал головой. – Тристе, какой ты ее знаешь, – молодая женщина с запертой внутри ее разума богиней. Мешкент не заперт. Он носит Длинного Кулака, как ты носил монашеский балахон. Он им владеет, владеет целиком и полностью.

– Тем более я должен с ним поговорить. Он способен помочь...

– Зачем бы он стал помогать?

Каден захлопал глазами:

– Ил Торня добивается гибели Съены и его гибели. Мы стремимся остановить ил Торню. Значит, мы на одной стороне. Хотя бы на время этой войны мы союзники.

– Это если бог понимает, что нуждается в союзниках. Ты думаешь, он их ищет? Но не забывай, Каден, что Мешкент явился на эту землю, захватил человеческое тело с целью уничтожить Аннур, снести все, что так усердно возводили твои предки.

– Если верить Адер, Аннур создавал ил Торня. Малкенианы были всего лишь... марионетками.

– Как раз марионеткам обычно и приходится платить дорогой ценой. Мешкент может и не знать об участии ил Торня в делах вашей империи. А если знает, возможно, ему плевать. Ты уже не император, но остаешься первым оратором Аннура, Аннурской Республики. У него есть все основания тебя убить. Твоя мысль о союзе – стеклянный щит. Разлетится от первого удара и тебя же порежет осколками.

– Ошибаешься, – медленно покачал головой Каден. – Мой щит – это не союз, а моя никчемность.

Киль смотрел на него, ожидая объяснения.

– Я ничего не добился здесь, в Аннуре. – Каден ровным голосом назвал неприглядный факт: – Республика в руинах. Я бы не так преуспел, даже если бы с самого начала нарочно помогал Мешкенту.

– И все равно он может тебя устранить. Хоть для того, чтобы упростить ход войны.

– А если и убьет, разве это такая большая потеря? – тихо спросил Каден. – Я не понимаю хода истории, как ты. Не умею обращаться с ножами, как Габрил. У меня нет бесчисленной подпольной армии, как у Кегеллен.

– У тебя глаза Интарры.

– У Адер тоже, а она еще и сидит на троне, – улыбнулся Каден (улыбка ощущалась странно, он отвык улыбаться). – Я могу отправляться к Мешкенту, могу, если придется, умереть, потому что здесь я не нужен.

Киль развел руками:

– Если ищешь того, кто здесь не нужен, пошли слугу. Раба.

– Нет, – возразил Каден. – Раб той дорогой не пройдет.

Кшештрим устремил на него свой пустой взгляд.

– Кента, – произнес он.

Каден молча кивнул.

– Врата охраняют ишшин, – напомнил Киль. – Все врата. Едва ты ступишь на остров, как тебя убьют. Трех слов сказать не успеешь.

– Значит, уложусь в два.

14

– Отозвать ил Торню в город невозможно по двум причинам, – говорила Адер. – Во-первых, пока он здесь, некому будет сражаться с ургулами.

Она обвела рукой руины карты внизу, словно в золе и пепле можно было за сотни миль разглядеть передвижения всадников по выгоревшим миниатюрным лесам края Тысячи Озер. После выступления Адер совет покинул палату. Она не могла их упрекнуть. Вонь горелой смолы и масла, половина светильников перебита, стол еще засыпан осколками, мостки и кресла тоже. Слуги, повинувшись неслышному приказу, почти сразу взялись за уборку. Адер их отослала. Карту она восстановит после восстановления самого Аннура. А пока в разрушенной палате она могла без помех со стороны советников побеседовать с Каденом и Килем.

– Он не единственный на свете генерал, – указал Каден. – Найдутся и другие, чтоб сражаться с ургулами.

Адер отвела глаза от карты, посмотрела на брата. Он стоял в двух шагах, только руку протянуть, но все в нем – осанка, взгляд, застывшее лицо нашептывало, как они далеки.

В нем не было тепла. Не было человеческих порывов. Так Адер могла бы сквозь линзы трубы разглядывать фигуру на далекой-далекой вершине. Все, что их связывало или могло бы связать, пропало. Об этом говорило уже одно его настойчивое требование, чтобы в разговоре участвовал этот кшештрим, Киль. Адер сглотнула, гадая, что оставило такой горький вкус на языке – сомнения или раскаяние, и покачала головой.

– Таких, как ил Торня, больше нет. Если бы не он, ургулы смели бы нас много месяцев назад. Разбили бы в первом же сражении.

– Тогда Аннур был расколот. Мы его исцелили...

– Разве? – подняла бровь Адер. – Может, совет и согласился посадить меня на трон, но недавняя встреча ясно показала: этим троном пределы моей власти и ограничатся.

– Я о том, – возразил Каден, – что, объединившись, наши армии смогут лучше противостоять ургулам. Ил Торню реально отозвать, не погубив северную кампанию.

– Ты мог бы его вызвать, – тихо, как шуршит по камню кожаная подошва, вставил Киль, – но он не подчинится.

– Это вторая причина, – коротко кивнула Адер.

Она выдержала паузу, рассматривая историка и пытаясь его понять. Она ожидала увидеть в нем то же, что и в ил Торнье, – силу, уверенность, бесстрастность, но, конечно, все это было фальшью, маской, которую носил ее генерал, притворяясь человеком. Киль вполне мог выбрать себе другую.

Если верить Кадену, Киль прожил дольше ее кенаранга – на тысячи лет дольше, хотя можно было только догадываться, что означала эта разница для кшештрим. Выглядел он, безусловно, старше. Отчасти из-за манеры держаться – Киль, в отличие от ил Торня, двигался и говорил обдуманно, едва ли не с осторожностью, присущей, на взгляд Адер, старческим летам. Кроме того, Киль очень долго прожил в плену, и плен оставил следы: не раз переломанные нос и челюсти потеряли форму, изувеченные руки плохо зажили, пальцы искривились, как сучья. И если ил Торня представлялся ей слишком молодым и самоуверенным для кшештрим, то этот выглядел слишком согбенным и разбитым.

Но в его глазах что-то было – то древнее и немислимо далекое, что она видела на башне в Андт-Киле. Киль, как и ил Торня, старался скрыть этот взгляд, но почему-то с меньшим успехом, так что иногда, как теперь, ей казалось, что он смотрит мимо или сквозь нее, будто она – лишь точка в картине столь огромной, что Адер не надеялась ее ни охватить, ни понять.

– Он знает, что я здесь, – нарушил молчание Киль.

– Он предупредил меня перед отъездом, – кивнула Адер. – Сказал, что вы будете лгать о нем. Он не предвидел, что я приму вашу сторону.

По правде сказать, она еще не решила, готова ли принять сторону Кадена и этого кшештрим. Мысль, что ил Торнье придется наконец склониться перед аннурским правосудием, была слаще меда, но от жестокой правды никуда не деться: ил Торнья сдерживал ургулов, а то, что Каден вчера хотел сообщить ей об ил Торнье и Длинном Кулаке (о стремлении кенаранга уничтожить ургульского вождя), так и осталось невысказанным. Едва Адер померещился путь, открытая дверь, надежда на примирение, Каден замкнулся в себе, сложился, как складывается, шелкнув, бумажный веер.

– Ты чего-то недоговариваешь, – придав голосу твердости, произнесла она.

Каден чуть заметно шевельнул бровью:

– Подозреваю, все мы кое о чем умалчиваем. Не так давно ты заметила, что не доверяешь мне.

Он был прав. Более чем прав. Адер не рассказала брату про Ниру, про огненную петлю на шее ил Торнья – о том, что та одним словом, одним жестом может убить кенаранга. Доверять и делиться замечательно, но она не готова была начинать первой.

– Есть только один способ выстроить доверие, – сказала Адер, удерживая взгляд брата и разводя руками. – Если речь идет об ил Торнье, о том, чтобы лишить его власти над военными, я должна знать, зачем ему Длинный Кулак. Тебе придется объяснить, что у него за... мания насчет Мешкента. Я ничего не могу, не могу думать о союзе, пока ты не откроешь мне правду.

– Правду, – тихо повторил Каден.

Они стояли друг перед другом на расстоянии вытянутой руки, сцепившись взглядами. Одно-единственное слово – «правда» – было для нее как клинок в руке: что-то твердое и острое между нею и почти незнакомым братом. Конечно, и у Кадена имелся невидимый клинок – своя правда против ее правды. Адер почти слышала, как они скрежещут, скребут друг о друга, будто в неподвижности шел бой, в их общем молчании звучали крики; как будто один звук мог порезать, убить.

– Если ил Торнья уничтожит Мешкента, – сказал Каден, – мы погибли.

Адер прищурилась. Слишком внезапным, слишком полным было это признание, чтобы ему поверить.

– Кто погиб?

– Все мы. – Каден кинул взгляд на Киля.

Что-то произошло между ними, какое-то бессловесное общение. А потом брат повернулся к ней и во всех подробностях объяснил, как Ран ил Торнья, полководец Адер, отец ее ребенка, намеревался уничтожить человеческий род.

– Не понимаю, – медленно проговорила Адер, когда Каден наконец замолчал. – Допустим на минуту, что младшие боги – источник наших чувств, нашей человечности. Предположим, я поверила, что они своим существованием делают нас теми, кто мы есть. Мешкент – один из них. Почему ил Торнья не думает о Кавераа, о Маате или Эйре?

– Он бы добирался и до них, будь они здесь, – ответил Киль. – К несчастью для него и к счастью для вашего рода, младшие боги не одевались в плоть со времен долгой войны против моего народа, когда пришли вам на помощь тысячи лет назад.

– И что же, убив Мешкента, он добьется своего? Неужели, избавив человечество от страдания, он вернет золотой век кшештрим?

Историк помолчал, размышляя над ее вопросом, а потом взгляд его стал так далек, что у Адер свело живот. Она повернулась к Кадену – проверяя, есть ли у того что добавить, но главное, чтобы отвернуться от Киля. И с отчаянием поймала такой же пустой взгляд брата.

– Теология, – заговорил наконец Киль, – тонкая наука.

– Опыт мне подсказывает, – фыркнула Адер, – что на тонкости ссылаются тогда, когда ни хрена не знают, что сказать.

Киль неожиданно улыбнулся:

– Мой опыт говорит о том же. – Он пожал плечами. – Мешкент и Съена породили младших богов.

– И что из этого? – покачала головой Адер. – Ил Торнья убил моего отца, но я еще здесь. И Каден.

– И Валин, – негромко вставил Каден. – По крайней мере, я надеюсь.

– Конечно, – согласилась она, чувствуя, как загорелись щеки. – Конечно, мы все переживаем за Валина, но сейчас речь о том... В первую очередь о том, что убийство Мешкента ничуть не ограничило бы власти его потомства.

– Твоя аналогия неполна, – сказал Киль. – Горящие глаза еще не делают Малкенианов богами.

– Ты хочешь сказать, что боги умирают вместе со своими родителями?

Он покачал головой:

– Я уже говорил, вопросы теологии сложны. Мой род долго изучал богов, но наши исследования по самой своей природе были несовершенны. Во многих вопросах мы остались в полном неведении. Накопленные знания охватывают лишь часть предмета божественности. Они ненадежны.

– Потрясающе, – съязвила Адер.

Киль поднял руку, предупреждая ее возражения:

– Но одно известно точно. Боги больше нас. Не просто старше или могущественнее, они другие. – Он помолчал, словно искал слова, способные донести груз его мыслей. – Мы от мира сего. Вы и я, кшештрим и люди. Мы здесь живем, как человек живет в своем доме. Если мы умираем, мир остается. Боги – иные. Они и есть мир. Их существование неразрывно встроено в структуру реальности.

Кшештрим покачал головой и исправился:

– Они придают структуре реальность. Это и делает их богами. Возвращаясь к аналогии с домом – она весьма несовершенна, но годится, – боги – это фундамент, и пол, и окна, пропускающие свет, и стены.

Адер мучительно пыталась вникнуть в смысл его слов.

– Не слишком ли они переменчивы для стен?

Киль развел руками:

– Я же сказал, аналогия несовершенна. Реальность – не дом. Базовые основы порядка и хаоса, бытия и небытия... – Он запнулся и опять пожал плечами. – Это не просто камни.

– Суть в том, – впервые вмешался Каден, – что, если выбить фундамент, стены упадут.

Киль нахмурился:

– Я бы не сказал, что Мешкент и Съена – фундамент. Не в том смысле, как Эйе и Пустой Бог, Пта и Астар-рен.

– Я вас поняла, – остановила их Адер. – Не важно почему, если уничтожить Мешкента и Съену, погибнет все, что на них держится. Расшатай родителей – рухнут дети.

При этих словах ей подумалось о Санлитуне, спеленатом в колыбели в холодном замке на самой окраине империи. Не было другого выбора, как оставить его. Аннур – волчье логово. Адер не сомневалась, что не один член совета рад был бы увидеть ее сына мертвым. Ему безопаснее на севере, безопасней под опекой Ниры – и все же, что будет с ним, если убьют Адер? Долго ли сможет заботиться о нем старая атмани?

– В каком-то смысле это объяснимо, – снова заговорил Каден, оторвав ее от размышлений. – Представь, что ты утратила способность испытывать боль и удовольствия.

Она усилием воли увела мысли от того замка, от сына, который сейчас спал или капризничал, сучил ножками или плакал, и принудила себя сосредоточиться. Есть только один способ его спасти, спасти по-настоящему, – победить.

– Телесные? – спросила она.

– Телесные, умственные, душевные. Никакой боли и никакого удовольствия. – Качая головой, Каден разглядывал обугленные руины, в которые она превратила Креш, Сиа, Ган. – Что останется тебе? Почувствуешь ли ты страх, или ненависть, или любовь? Как ты их почувствуешь?

Адер тщиалась вообразить такое существование, помыслить жизнь в полном отсутствии... чего? Ощущений? Нет, не то. Кшештрим чувствуют дуновение ветра, слышат звуки арфы не хуже любого человека. Речь не о способности воспринимать мир. Откажут чувства, словно из всего на свете вытечет смысл, все станет неважным, оставив уму расчлененные факты вроде блестящих жучков, редких бабочек – ярких, переливчатых, мертвых.

Адер взглянула на Киля и содрогнулась. Она и раньше знала, что кшештрим отличаются от людей – они умнее, старше, они бессмертны. Адер читала все классические труды, понимала, что люди живут больше рассудком, чем страстью. Но почему-то никогда не осознавала в полной мере, что это означает. Как это уныло. Ужасно.

– Мы стали бы как вы, – пробормотала она.

– Если бы выжили, – серьезно кивнул Киль.

– Почему бы нам не выжить?

Историк указал ей на Кадена:

– Я уже пытался объяснить твоему брату. Ваши умы устроены не так, как наши. Вами руководят любовь и ненависть, страхи и надежды. – Он в упор взглянул на Адер. – Почему ты здесь?

– Потому что мы договорились здесь встретиться.

– Не здесь, в зале карты. В Аннуре.

– Потому что кто-то должен восстановить разрушенную нами империю.

– Да? – поднял бровь историк. – А зачем?

– Затем, что на нас полагаются люди, – вспыхнула Адер. – Надеются на нас. Миллионам грозит смерть от голода, от болезней, от ургульских клинков...

– Ну и что?

– Как – что?

Киль улыбнулся – осторожно, можно сказать деликатно:

– Да. Ну и что? Вы все равно умираете. Все. Это судьба вашего рода, вы такими созданы. Какая разница, от чего умереть? И когда?

– Для меня разница есть, – отрезала Адер; она ткнула пальцем в стену, подразумевая несчетные души в городе и за его пределами. – И для них, провались ты пропадом, разница есть.

– Потому что вам больно, когда вас убивают ургулы. Вам больно умирать от серой чумы... – Он протянул руку, легко коснулся ее лба под самой линией волос. – Больно здесь.

– Да!

– Твой генерал хочет создать мир, в котором этого не будет. Он верит, что тогда вы станете подобны нам.

Адер обомлела:

– А ты? Во что веришь ты?

– Возможно, вы изменитесь, – признал он и кивнул на Кадена. – Те из вас, кто соответственно подготовлен.

– А остальные? – добивалась она. – Те, кто не обучен равнодушию?

Киль опустил взгляд на карту, мотнул головой и снова пожал плечами – человеческим жестом, но человеческих чувств за ним не стояло.

– Точно предсказать невозможно, – ответил он. – Я полагаю, ваш рассудок, не выдержав такого напряжения, исказится, даст трещину, а потом разлетится вдребезги.

15

– Ладно, – устало проговорила Гвенна, устроившись на узловатом воздушном корне и свесив ноги в теплую воду. – Теперь, когда все головорезы в сборе, может, кто-нибудь удосужится объяснить, что, во имя Хала, происходит?

Женщина, Квора, зашипела от злости:

– Мы еще не спасены. В воздухе птицы...

Гвенна оборвала ее:

– Насколько я помню, птицы не видят сквозь лесную кровлю, и люди на них тоже. С другой стороны, с птицы отлично просматриваются головы пловцов, решивших покачаться на волнах среди бела дня, так что если охота побултыхаться, кто ж мешает. – Она указала туда, где сквозь мангровые заросли пробивался яркий свет. – Плыви.

Пожалуй, не самый дипломатичный подход, однако ночь выдалась трудная. Гвенна насчитала на площади десятков кеттрал – тех, что были в черном и с птицей. Но когда она бежала по улицам, за локоть, потом за плечо и, наконец, за шиворот волоча Квору, ублюдки выныривали из переулков и спрыгивали с крыш. Гвенна убила не менее трех, Квора прикончила еще одного, но они все лезли и лезли. Задним числом это было понятно: тот, кто собирается жечь город, приводит с собой достаточно солдат.

В конечном счете их спасла ночь – Халова темнота, укрытие отступающих. И еще головоломная тропа через хребет. При свете звезд Гвенна отлично ее различала, а Квора все спотыкалась, путалась в густых зарослях по краям. Судя по крикам и проклятиям за спиной, погоне приходилось и того хуже – еще одно доказательство, что там не было настоящих кеттрал, хоть они и обзавелись где-то дымчатой сталью и сумели оседлать птиц. Они не бывали в Халовой Дыре, их не кусали сларны, они не пили мерзкую жижу сларновых яиц. Ей это давало преимущество. Невеликое, но Гвенне выбирать не приходилось.

Анник с Талалом встретили их на берегу в смутный час перед рассветом. Лич почти нес на себе юношу с разбитой головой – вторую челюсть хилого капкана Кворы. Парень был светлокожим, бритая голова – словно отражение головы Кворы. Рубашку он порвал при побеге, и когда нагнулся проблеваться, Гвенна заметила на его широких плечах татуировку – распростертые крылья кеттралов.

– Джак! – Квора, ахнув, рванулась по пляжу к шатающемуся вояке, ухватила за плечи, словно хотела удержать ладонями готовую рассыпаться песчаную фигурку. – Ты цел?

Он неуверенно кивнул и высвободился из рук Талала. Кровь заливала ему лицо, застила глаза.

– Не так страшно, как выглядит.

– Плавать умеешь? – спросила Гвенна.

Джак покосился на черные волны:

– Вообще да, но... – Он опасливо тронул пальцами мерзкую ссадину на голове, качнулся и пожал плечами. – Я... доплыву, наверное.

– «Нарывное» не годится. – Гвенна махнула рукой на утес над ними: темнота темнотой, а погоня приближалась. – Если не сможешь плыть, спасайся, как знаешь.

– Оставлять его живым рискованно, – заметила Анник.

Квора развернулась к ней:

– Что ты предлагаешь?

– Или берем его с собой, – не удостоив ее взгляда, пояснила снайпер, – или убиваем. По мне, так и так можно.

Тот, кого звали Джаком, уставился на Анник, от нее повернулся к Гвенне.

– Вы кто, во имя Хала? – прошептал он.

– Никто, – ответила Гвенна (этот человек – голос или окровавленное лицо что-то ей напоминали, но ухватить воспоминание не удавалось). – Осматриваем достопримечательности. Слыхали, Крючок особенно хорош в это время года. А теперь марш в воду. Нам на север.

– Ты на него посмотри! – возмутилась Квора. – Он на ногах не стоит. Нужен другой план.

– Твои предложения? – Гвенна обвела рукой океан за их спинами и башни утесов над головами. – Обожаю планы.

Она подождала, приставив ладонь к уху.

– Погоди еще минутку, пока подспеют наши друзья со скал. Они тоже послушают.

– Оставьте нас, если боитесь, – проговорила Квора сквозь сжатые зубы. – Мы сами о себе позаботимся.

– Еще бы, у вас все так ладно выходит!

– Гвенна... – Талал смотрел на восток. – Вообще-то, я не прочь поболтать, но...

Она кивнула и снова обратилась к Кворе:

– Слушай. Я поняла, что этот парень тебе по душе. Может, он твой брат. Может, вы сидели за одной партией. Все равно. Не знаю, ты, наверное, не заметила, но он тебя бросил. Я видела, как те гады стали стягивать сеть, а он что сделал?

Волны перекатывали по узкой полоске пляжа тысячи тысяч камешков. Западный ветер срывал брызги с гребней. Крики на утесах звучали громче – не меньше десяти мужских голосов, злобных, растерянных. Анник до половины натянула тетиву и отступила в тень, повернувшись к узкой тропке, по которой они спускались.

– Что скажешь? – спросила лучница. – Могу снять первого, кто покажется на гребне.

– Это нас выдаст, – покачала головой Гвенна. – Не стоит им подсказывать.

Она снова повернулась к Джаку, силясь припомнить, где же его видела, откуда знает.

– Ну что, засранец, – проговорила Гвенна, вздергивая бровь. – Не хочешь рассказать даме, как бросил ее на произвол судьбы?

Гвенна ждала оправданий или ярости, ждала, что он зарычит или кинется на нее. А у него лицо разом смялось. Она не сразу поняла, что блестящие звездным отблеском полоски, протянувшиеся по засохшей на его щеках крови... слезы.

– Я не смог, – выдавил он. – Я просто... не смог.

Что-то давнее, нутряное шевельнулось в ней, и Гвенна не сразу поняла – жалость. Кем бы ни был этот убогий, он не кеттрал. Его не учили год за годом противостоять десяткам убийц. Ясно, этот Джак не напрашивался на драку со смертоносной птицей, против клинков из дымчатой стали, и не он первый остолбенел, как испуганный олененок, при виде крови.

Все это было не важно. Важно было уйти, выбраться. Гвенна всегда слыла никудышной картежницей, но сейчас пришло время блефовать, и она, набрав в грудь воздуха, объявила:

– Ты поплывешь, или я убью тебя на месте. Решай.

Джак дернулся. Она увидела сверкнувший в его глазах страх, горячий и яркий, как молния. Она бы устыдилась, только на стыд не было времени.

Гвенна потянула нож из ножен:

– Считаю до одного.

Джак вскинул руки:

– Я поплыву.

Кончилось тем, что последние сотни шагов Гвенне пришлось его тащить, грести одной рукой и ногами, крепко обхватив парня поперек туловища. Обуза, но она справилась. Перед самым рассветом они добрались до густых мангровых зарослей, протиснулись в узкие протоки под корнями. Их след теперь затерялся на милях открытого моря, а в зарослях погоне пришлось бы еще хуже.

В бытность кадетом Гвенна терпеть не могла мангровых лесов, где тесно стоящие стволы не давали проплыть, глубокая вода не позволяла пройти вброд, а ветки норовили выколоть глаз. Здесь можно было убить полдня на полмили, особенно если стараешься не шуметь. Ужасное место для учений, зато отличное для перегруппировки. Покинув пляж, они больше ни разу не слышали погони, но это еще не повод делать глупости. Куда бы ни двинулись дальше, день она собралась пересидеть под узловатыми, корявыми деревьями. Заодно хватит времени познакомиться.

Гвенна откинулась на ствол, уложила на колено обнаженный клинок и ткнула пальцем в Квору:

– Так. С чего начнем?

– Например, с того, – презрительно бросила Квора, – как вы отняли у нас самый надежный шанс прикончить ублюдков.

Гвенна вытаращила глаза.

– Да ты шутишь? – выдавила она, немного опомнившись.

– Не шучу. Это мы все устроили, мы с Джакком. Мы все продумали, и тут являетесь вы, уж не знаю, какого хрена!..

Квора задохнулась и умолкла. Гвенна оглянулась на Талала, усомнившись, не сошла ли с ума. Лич только плечами пожал. Он сидел на кривом корне в шаге от нее, придерживал за плечи Джакка, которого после плавания рвало соленой водой. С каждым словом Кворы Гвенне все сильнее хотелось ее утопить.

– Тебя бы вот-вот убили, – стараясь говорить спокойно и рассудительно, напомнила она.

– Нет! – взвилась Квора. – У меня был путь отхода. Ты не понимаешь, как мы все устроили.

– А тех, кто подбирался к тебе из толпы, ты видела?

– Обоих видела, – кивнула женщина.

Гвенна повела бровью:

– Обоих? Там было пятеро.

– Хенк со своей бандой не трогался с причала.

– Ты не туда смотрела, – покачала головой Гвенна.

– Смотрела на мерзавцев, которые чуть не год гоняли нас, как собак.

– Я и говорю, не туда, – ответила Гвенна.

Джак, протонав, поднял голову.

– Ты о чем? – тихо спросил он.

Вода смыла ему кровь с лица, и Гвенна несколько мгновений всматривалась в черты, снова и снова ворочая в голове имя: Джак. Помоги Хал, кто же такой Джак? Ответ ей не давался, не давался всю ночь. Она снова повернулась к Кворе:

– Смотри сюда.

Она вскинула руку над головой, пошевелила пальцами. Квора подняла взгляд, и тогда Гвенна ткнула ее кулаком в живот, ухватила за загривок и затолкала головой под воду. Женщина забилась, заплескалась, наугад хватая то ноги Гвенны, то корни деревьев. Анник недовольно отодвинулась от брызг. Квора оказалась сильнее, чем казалось, но много ли проку от силы, когда не можешь вдохнуть? Джак, с глазами как тарелки, дернулся, однако Талал приставил ему нож к горлу.

– Не волнуйся, – сказала Гвенна, гордясь тем, что в голосе не слышалось гнева. – Все путем.

Она досчитала до пятнадцати и вытащила женщину из воды, отбросив ее на корни как раз вовремя, чтобы уклониться от рвоты. Квора хватала ртом воздух, кашляла, бранилась и готова была броситься на Гвенну, но передумала. Стиснула зубы, сдерживая ярость, сверкнула карими глазами.

– Если не научишься смотреть куда надо, – терпеливо объяснила ей Гвенна, – долго не проживешь.

Женщина снова закашлялась, выталкивая воду из легких.

– Имела я тебя!

– Ты не в моем вкусе, – отозвалась Гвенна.

Терпение у нее было на исходе. Она вспомнила Блоху и попыталась подражать его непробиваемому спокойствию:

– Мы хотим вам помочь.

– Утопив? – Квора сплюнула. – Или тыча ножом в глотку?

Гвенна посмотрела на Талала:

– Пусти его.

Лич, встретив ее взгляд, убрал нож в ножны.

– Ну вот, – вздохнула Гвенна. – Теперь поговорим как взрослые?

Квора помотала головой.

– Вы кто такие? – снова спросила она.

– Мы в недоумении, – объяснила Гвенна, – от недоумения нервничаем, а я, когда нервничаю, склонна кого-нибудь притопить. Так что лучше бы тебе первой ответить на вопросы.

Она считала, что не так уж многого требует. Но Квора не желала настраиваться на мирный лад. Похоже, она готова была снова броситься в драку – если можно назвать дракой судороги бьющегося под водой человека. Гвенна шумно выдохнула, приготовившись к следующему заходу, но Талал примирительно поднял руку и развел женщин.

– Мы пришли на подмогу, – произнес он.

– Я это и твержу, – возмутилась Гвенна. – Я ей уже сказала.

Талал кивнул ей, но смотрел только на Квору.

– Мы пришли на подмогу, – повторил он.

– Кому на подмогу? – вскинулась Квора.

– Любому, кто воюет против людей на птицах. Те, кто летает на кеттралах, уже убили несколько наших друзей. И пытались убить нас. Если вы против них, мы за вас.

Гвенна снова откинулась на мангровый ствол. Наверное, надо было с самого начала поручить переговоры Талалу. Он умел приводить людей в чувство, не окуная головой в воду. Усилием воли она расслабилась, закрыла глаза, подставив лицо пробивавшимся сквозь листву горячим лучам. Может, она и не мастерица вести беседы, зато знает, когда следует заткнуться и подождать в сторонке.

– Те люди с птицей, – говорил Талал. – Они подожгли город за то, что горожане вам помогали? Укрывали вас?

Квора нерешительно кивнула:

– В наказание. Чтобы проучить. Они обожают такие «уроки», Кент их побери.

– А кто они такие?

– Кеттрал.

Слово походило на плевок.

– Я их не узнал, а я почти десять лет учился на Островах, – нахмурился Талал.

Он обернулся к Гвенне, потом к Анник.

– Нет, – ответила на его взгляд Гвенна.

Снайперша молча мотнула головой.

– Все равно они называют себя кеттрал, – пояснила Квора. – Хотя они не лучше нас.

Прихвостни Якоба Раллена.

– Раллена? – удивленно воскликнула Гвенна.

– Он теперь главный, – невесело кивнула Квора.

Глупее некуда. Якоб Раллен больше десяти лет числился старшим наставником кадетов, но никто его всерьез не принимал. Он просто занимал кресло.

– Где это он главный? – спросила Гвенна.

– В Гнезде. Он по-прежнему называет это Гнездом, а на самом деле это теперь такое частное предприятие: растят на Карше желтоцветы и на птицах переправляют на заморские рынки, продают с хорошей прибылью, а на нее покупают все, что нужно, чтобы укрепить свои позиции. Называются Гнездом, а сами просто торгуют желтоцветом.

– Раллен строит из себя командующего Гнездом, – кивнул Джак, – а на деле он просто главный сбытчик зелья.

Гвенна сплюнула в воду:

– Он же пустое место, он костра не разведет, если некому будет сложить за него хворост и зажечь спичку.

– Ну, пожег-то он достаточно, – возразила Квора. – Сами видели ночью. И не только дома жжет. Привязывает людей к столбам, обливает маслом и поджигает. Он – злобный мерзавец, и он здесь главный.

– А вы – сопротивление, – понял Талал.

Квора, поколебавшись, осторожно кивнула.

Гвенна покосилась на Джака: тот сутулил широкие плечи, но смотрел на нее и вообще казался общительнее Кворы.

– А остальные ваши где? – спросила Гвенна.

Джак открыл было рот...

– Даже не думай! – бросила Квора, мотнув головой.

– Они нас спасли, Квора, – тихо заметил Джак.

Сильный мужчина – у него были плечи и грудь хорошего пловца, а этим немало сказано на архипелаге, где каждый мог до завтрака проплыть милю-другую, – а говорил мягко, с робостью. Закрой Гвенна глаза, по голосу ей бы представился хрупкий мальчик, а не взрослый мужчина.

– План наш сорвался, – заметил Джак, – а они подросли, спасли нас.

– Да, только откуда они подросли? – Квора, точно судья, наставила палец на Гвенну. – Они сами назвали кеттрал.

– Когда мы покидали Острова, – угрюмо ответила Гвенна, – люди не стыдились назваться кеттрал.

– Покидали Острова зачем? – резко спросила Квора. – На какой птице? С каким заданием? Откуда нам знать, что вы не работаете на Раллена?

Гвенна опешила:

– Сидели бы мы по жопу в мангровом болоте, если б работали на твоего хрена Раллена? Если бы Раллен послал нас за вами, мы бы вас к нему и приволокли.

– Если только он не отправил вас шпионить.

Гвенна прикусила язык. Женщина страдала болезненной подозрительностью, но пожиленькими месяцами в подвалах и пещерах, пугаясь тени ястреба в небе, – задержась.

– Я там убила трех ублюдков, – напомнила она ровным голосом и оглянулась на лучницу. – А ты, Анник?

– Трех.

– Талал?

– Одного, – ответил лич. – У меня руки были заняты, его тащил.

– Семеро, – подытожила Гвенна, показывая семь пальцев в надежде, что их стопроцентная материальность ободрит женщину. – Работай мы на Раллена, убили бы семерых своих товарищей?

Квора настороженно следила за ней, ковыряла лунку большого пальца ногтем, поджимала губы. Гвенне уже казалось, что она сдастся, заговорит, но женщина, поморщившись, мотнула головой:

– Чем вы, говоришь, тут занимаетесь?

– Достопримечательности осматриваем, – мрачно напомнила Гвенна и оглянулась на Джака.

Видно было, что тот рад бы заговорить, но равняется на Квору. Было у нее искушение схватить обоих за шкуру, стукнуть пару раз лбами, утереть кровь, задать вопрос и при необходимости повторить. Она не сомневалась, что сумеет выбить ответы. Только ответы эти получились бы дерьмовые.

Гвенна протяжно, раздраженно выдохнула:

– Ладно, давайте так. Вы нас не знаете – понятно. Беспокойтесь за друзей – уважаю. Но о Раллене-то можете рассказать? Как он попал в начальство? Почему те поганцы ему повинуются?

Квора и Джак молчали. Волны тихо плескали о стволы и корни. Шуршали листья, благоухали мелкие белые цветы, тяготясь своей скорой смертью.

– Слушайте, – сказала Гвенна. – Я работаю над собой, поэтому пока что была доброй...

Она оставила фразу висеть в воздухе. И тут, к ее изумлению, в затянувшейся тишине прозвучал голос Анник.

– Эти двое мятежники, – не глядя на них, заговорила снайперша. – Раллен командует кеттрал на Островах как старший по званию, согласно уставу. Сопrotивление со стороны Кворы и Джака – измена. Они предатели, как и все их сообщники.

Гвенна, не веря своим ушам, повернулась к ней. Она все утро пыталась внушить двум придуркам, что не имеет ничего общего с Якобом Ралленом, что ее крыло на их стороне, и тут Анник вздумала цитировать устав, поцелуй его Кент!

– Анник... – заговорила она.

Но тут Квора обрушилась на девушку, забыв от ярости всякий страх:

– Раллен сам к нам явился, сука несчастная! Мы знать не знали, что творится в Гнезде, пока он не объявился, талдыча о Шаэлем сплюнутом «втором шансе»!

При виде ее лица Гвенна проглотила все, что хотела сказать, и прислонилась спиной к стволу. Украдкой покосилась на Анник. Та все смотрела в океан, приложив стрелу к ненатянутой тетиве. Она больше ни слова не сказала, даже не обернулась. И не понять было, знала ли она, что делает. И все же ее слова, ее равнодушное признание Якоба Раллена главой кеттрал, вытряхнули из Кворы часть правды. Вопрос: трясти дальше или выждать?

– Второй шанс? – спросил, помедлив, Талал.

И тут Гвенна поняла – словно изнутри головы ей закатили оплеуху. Она вдруг поняла, откуда знает Джака.

– Вы с Арима. Святой Хал, вы же из отсева. – Отсюда легко протянулась цепочка выводов. – Потому и умеете драться, хоть и паршиво.

– Делаем, что можем, – тихо сказал Джак.

– Быстрый Джак, – медленно проговорил Талал, новыми глазами разглядывая этого человека. – Лейт, бывало, только о тебе и говорил. Ты... годами пятью старше его? Лейт считал тебя лучшим пилотом на Островах.

– Чтобы летать на птице, надо пройти Пробу, – скривился Джак.

– А вы отсеялись, – заключила Гвенна. – Мы, младшие, подробностей не знали, но слухи я помню: Быстрый Джак провалился. Лучший пилот кеттралов не станет кеттрал. Я поняла это так, что ты погиб.

Он коротко, безрадостно засмеялся – так вздыхают от удара в живот.

– Я живехонек. Я даже выдержал первую неделю Пробы. А вот как дошло до Дыры, я увидел эту слепую белую тварь и... не смог.

«Как прошлой ночью, – мрачно думала Гвенна, – когда тебя приморозило в том переулке. Когда ты обоссрался и оставил напарницу на погибель».

Вот оно – сопротивление: мужчины и женщины, отсеявшиеся на той или иной стадии подготовки, проигрывавшие столько раз, что в конце концов сдались, уползли на Арим доживать жизнь в тюрьме со всеми удобствами. Вот ее новые союзники – единственные союзники.

– Значит, пока Гнездо добивало себя, – тихо проговорил Талал, – о вас никто не вспомнил.

– С чего бы? – с горечью осведомилась Квора. – Несколько сотен неудачников. Там кеттрал убивали кеттрал. Мы видели, как дрались в воздухе птицы, как горели суда, но у нас на Ариме не было ни лодок, ни птиц. Запрещено.

– Понятно, – кивнула Анник, не глядя на нее. – Весь этот остров, Арим, не стоил внимания.

– Мы были немногим важнее гнилого воровского городка на Крючке, – подтвердила Квора.

– И потому, когда все кончилось, – сказала Гвенна, – вы уцелели.

Она видела, как виновато вытянулись лица у обоих. Быстрый Джак потупил взгляд, но Квора опять кивнула.

– Раллен тоже уцелел, – сказала она, уже без вызова, без враждебности.

– По той же причине, – дополнила Гвенна. – В такой буче никому нет дела до бесполезного мешка с салом. Меня чаячья погадка на рубахе больше бы озаботила, чем Якоб Раллен, выбравшийся из кресла со мной подраться.

– Он опасен, – покачал головой Джак.

– Ну да. Свалится на тебя – задавит.

– Или порвет лицо кеннингом, – выпалила Квора.

Гвенна заморгала. За все кадетские годы она ни разу не задумалась над военной специальностью Раллена. Смешно было подумать, что в нем кроется большее, чем занудливый, жадный до власти третьесортный инструктор. Среди кеттрал тоже попадаются никудышные, и она всегда видела в Раллене пример тому. Подумать, что когда-то он был опасен, был личем...

– Ты знал? – спросила она, обернувшись к Талалу.

Тот медленно покачал головой.

– А ты откуда знаешь? – набросилась на Квору Гвенна.

Но Квора ее не услышала. Она смотрела куда-то в далекое, но неизгладимое воспоминание.

– Когда все было кончено, он явился на Арим, – заговорила она. – Объявил, что Гнездо погубила измена. И что тем, кто готов служить, дается вторая попытка.

Она замолчала, и рассказ продолжил Джак:

– Откуда нам было знать, что у него на уме? Мы знали только, что он кеттрал, в высоком чине, и этот кеттрал предлагал нам возможность начать все заново, шанс подняться: «Каждый может дрогнуть. Вам дается шанс оправдаться». – Джак прерывисто вздохнул. – Он обещал мне, что я снова смогу летать. Никто не понимал, чего он добивается на самом деле.

– Чего же он добивался на самом деле? – негромко спросил Талал.

– Власти, – с ненавистью бросила Квора. – Собственного маленького королевства посреди океана. Поначалу были только муштра и тренировки, новая форма, новые клинки. Мы хоронили погибших и давали клятвы. Мы вообразили себя кеттрал, думали, что сражаемся за империю, думали, что наконец делаем то, чему нас столько лет учили.

Она сорвалась, скривила губы в болезненной, надломленной улыбке:

– Какими мы были дураками! Дурачье дурачем! Не один месяц прошел, пока мы сообразили, что попали в прихвостни мелкого диктатора, который ухватил себе кусок и держит его только за счет желтоцвета.

Гвенна покачала головой:

– А когда наконец поняли, никто не додумался всадить ему нож в брюхо?

– Пробовали, – сказала Квора, и каждый слог этого слова лязгал о другие.

– Как видно, плохо старались. Деръмец из кресла-то с трудом зад поднимал. Он, поцелуй его Кент, ходил с тростью. Такого можно убить кирпичом, даже потеть не придется.

– Ты не понимаешь, – сказал Джак. – К тому времени за ним была Черная стража.

– Черная стража? – удивилась Гвенна.

– Такие же, как мы. С Арима. Первые месяцы Раллен к нам присматривался, разбирал, кто предан империи, а кому просто нравится убивать. Пока мы смекнули, что происходит, у него было пять крыльев, верных только ему. С птицами. И оружейную они держали.

– И вы не посмели с ними драться?

Квора уставилась на нее:

– А ты пробовала драться с кеттралами, стоя на земле? На собственных двух ногах?

Вопрос ее отрезвил. Гвенна всю жизнь провела с птицами, училась на них летать, править ими, доверять им, но за все годы так и не привыкла к равнодушному взгляду их огромных темных глаз. Лейт уверял, что их укротили, но не приручили, а ей и «укротили» представлялось натяжкой: стоило посмотреть, как птица рвет на ленточки корову или овцу. Кеттрал были лучшими в мире бойцами, но по-настоящему смертоносными их делали птицы. Драться против обученного крыла на птице... Отсюда полшага до безумия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.